

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 3(57)

2018

Москва 2018

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Буховец, В. Голдман,
Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех**

Ответственный секретарь **П.Н. Лебедев**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторелла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2018
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2018
© Издательство Ипполитова, 2018

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

EDITORIAL BOARD

**O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov,
A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **P. Lebedev**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2018
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2018
© Ippolitov Publishing House, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Кортунов А.И., Годовова Е.В.* Взаимодействие государства и казачества в ходе освоения приграничных территорий Юго-востока России (XVII – XVIII века).....6
- Непомнящий А.А., Кравчук А.С.* Высшие чиновники Таврической губернии в восприятии иностранных путешественников первой половины XIX века.....18
- Перебейнос А.Е., Пташко Т.Г.* Участие учащейся молодежи Урала в общественной, культурной и политической жизни во второй половине XIX – начале XX веков.....42
- Безбородов А.Б., Хорхордина Т.И.* Архивы и власть: Государственная архивная служба в формировании исторического сознания и российской социокультурной идентичности.....59

Российская повседневность

- Бадмаева Е.Н.* Повседневная жизнь и политические настроения крестьянства Калмыкии в 1920-е годы.....78

Экологическая история России

- Дрыгина Н.Н.* Пески наступают: Из истории защитного лесонасаждения в Астраханской области.....99

Россия и мир

- Бакаева Э.П.* Калмыцкие буддисты и Далай-лама XIV: Страницы истории Калмыкии 1992 года.....111

События и судьбы

- Архипова Т.Г.* Татьяна Коржихина и ее последняя книга.....123
- Ершова Г.Г.* «Дитя сталинского времени»: О жизни и творческом наследии Ю.В. Кнорозова.....135

У книжной полки

- Осмаев А.Д., Ахмадов Я.З.* Война, политика и чеченская государственность в книге Ш.А. Гапурова о Чечне во времена Кавказской войны.....156

CONTENTS

Russian Statehood

- Kortunov A.I., Godovova E.V.* The Interaction between the State and the Cossacks during the Development of Border Areas of Southeastern Russia (17th – 18th Centuries).....6
- Nepomnyashchiy A.A., Kravchuk A.S.* The Senior Officials of Taurida Province in the Perception of Foreign Travelers in the First Half of the Nineteenth Century.....18
- Perebeynos A.E., Ptashko T.G.* The Participation of Student Youth in the Social, Cultural and Political Life of the Ural Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries.....42
- Bezborodov A.B., Khorkhordina T.I.* Archives and Power: The State Archival Service in the Formation of Historical Consciousness and Russian Social and Cultural Identity.....59

Everyday Life in Russia

- Badmaeva E.N.* Everyday Life and the Political Mood of the Peasantry of Kalmykia in the 1920s.....78

The Ecological History of Russia

- Drygina N.N.* The Sand Is Coming: From the History of Protective Forest Planting in the Astrakhan Region.....99

Russia and the World

- Bakaeva E.P.* The Kalmyk Buddhists and the Fourteenth Dalai Lama: Pages from the History of Kalmykia (1992).....111

Landmarks in Human History

- Arkhipova T.G.* Tatyana Korzhikhina and her Last Book.....123
- Ershova G.G.* “A Child of Stalin’s Time”: On the Life and Creative Legacy of Yuriy V. Knorozov.....135

Book Reviews

- Osmaev A.D., Akhmadov Ya.Z.* War, Politics, and Chechen Statehood in S.A. Gapurov’s Book on Chechnya during the Caucasian War.....156

А.И. Кортунов, Е.В. Годовова

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И КАЗАЧЕСТВА
В ХОДЕ ОСВОЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ
ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ (XVII – XVIII ВЕКА)***

A.I. Kortunov, E.V. Godovova

**The Interaction between the State and the Cossacks
during the Development of Border Areas of Southeastern Russia
(17th – 18th Centuries)**

Сегодня в отечественной исторической науке развиваются целые направления в изучении прошлого казачьих войск, проводятся солидные научные исследования. В 1990-е гг. одним из центров научных исследований казачьей истории стал Южный Урал. В Оренбурге, Челябинске, Уфе и других городах сформировались научные школы, которые и в настоящее время ведут активную научно-исследовательскую работу. Конечно же, в основном изучаются местные казачьи войска – Уральское (Яицкое) и Оренбургское.

В качестве одной из самых последних и значимых работ по этой проблематике можно выделить, например, исследование о такой специфической группе Оренбургского казачьего войска, как крещенные калмыки¹. Среди зарубежных авторов стоит отметить исследования Ф. Лонгворта «Казачья жизнь в русских степях»² и Р. Мак-Нила «Царь и казаки»³.

Несмотря на значительный вклад современных исследователей в изучение истории казачества южно-уральского региона, еще остается достаточно много неисследованного, нуждающегося в научном переосмыслении и интерпретации. Одним из таких вопросов является проблема взаимодействия государственных институтов власти с уральскими (яицкими) и оренбургскими казаками в процессе освоения приграничных территорий Юго-востока России в XVII –

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на материалах урало-поволжских и центрально-азиатских территорий Российской империи)» (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Точную дату появления первых казачьих ватаг на реке Яик определить трудно. Во всяком случае, в историографии она разнится значительно – от XIV до XVI вв. Основываясь на исторических источниках, дошедших до нашего времени, мы можем предположить, что, вероятнее всего, это случилось в XVI в. Обосновавшись в среднем течении Яика, казаки стремились присвоить себе речную пойму на всем ее протяжении, хотя в большей степени их интересовало низовье и среднее течение реки: там водилась рыба, которая являлась главным блюдом в пищевом рационе, а впоследствии и хорошим источником казачьих доходов.

В XVI в. устоять перед грозными соседями-кочевниками (киргиз-кайсаками, каракалпаками, ногайцами и другими) яицким казакам было сложно. Оставалось заручиться поддержкой Российского государства. Для закрепления на Яике необходимо было наладить постоянное снабжение яицкого казачества оружием, порохом и т.д. Получив поддержку молодого царя Михаила Федоровича, яицкие казаки смогли закрепиться в защищенном месте при устье реки Чеган (Яицкий городок). Освоение казаками расположенных вдоль Яика земель растянулось на долгие годы. Расселяясь небольшими группами, вытесняя с этих территорий местное население, они смогли создать Яицкое войско.

Уже в XVII в. яицкие казаки своим владением считали всю реку Яик со всеми угодьями. Они были уверены, что имеют полное право владеть обеими сторонами реки, ссылаясь при этом на царские грамоты, законы и правительственные распоряжения разных лет⁴.

Пользуясь поддержкой государства, яицкие казаки стремились расширить свои владения и создать новые поселения, но в XVII – начале XVIII вв. этого сделать не удалось. Лишь в 1725 г., по прошению атамана легкой станицы Яицкого войска Василия Арапова, Военная коллегия, «во исполнение резолюции Правительствующего Сената», разрешила построить городок в устье реки Сакмара⁵. Так появляется Сакмарский городок. Здесь мы впервые наблюдаем прямую поддержку государством намерения яицких казаков расширить границы своего владения, продвигаясь вверх по реке.

Активное расселение казаков по Яику началось в 1730-х – 1740-х гг., после прибытия в регион Оренбургской экспедиции (с 1737 г. Оренбургская комиссия). Так, было издано несколько указов, которые способствовали созданию укрепленной линии с крепостями и редутами, что говорит об инициативе государства в освоении приграничных территорий Южного Урала, где власти делали ставку в том числе и на казачество. В этом цели государства и яицких казаков почти полностью совпадали.

Цели экспедиции свидетельствовали о том, что государство стремилось окончательно закрепиться в регионе, создав для себя надежный плацдарм. Обустройство границы и освоение прилинейных территорий являлось главной задачей, которую необходимо было решить в самые короткие сроки. В этой кампании яицким казакам отводилась особая роль. Они должны были «закрывать» границу на протяжении нескольких сотен верст – от устья реки Яик и как минимум до Яицкого городка. В данном случае речь шла о правом берегу реки. Левобережье Яика власти не рассматривали как объект освоения. И это было сразу же обозначено в официальных документах⁶.

Хотя были и исключения. Так, единственным казачьим населенным пунктом на левой стороне Яика являлся Илецкий городок, который в 1737 г. основали малороссийские казаки. Левобережье реки было небезопасным из-за постоянной угрозы со стороны Киргизской степи. Довольно часто киргиз-кайсаки и каракалпаки устраивали набеги, угоняли скот и увозили заготовленное сено. В 1740-х гг. оренбургский губернатор И.И. Неплюев неоднократно предлагал илецким казакам переселиться на правый берег Яика, но получил отказ, ибо это привело бы их к разорению. И.И. Неплюев согласился с казаками и взял с каждого подписку, что они будут «заводить пашни и луга, а также пасти свой скот только на правой стороне Яика»⁷.

К середине XVIII в. от Илецкого городка до Гурьева была организована укрепленная линия, которая состояла из крепостей и форпостов. Известно, что яицкие казаки предпринимали попытки создать и «передовую линию», которая проходила по левой стороне Яика. Однако из-за постоянных набегов со стороны Киргизской степи и сложности переправы на левый берег, масштабных заградительных сооружений и сторожевых постов создать не удалось. Казаки утверждали, что левая сторона Яика им была необходима, ибо там они заготавливали сено для домашнего скота, а на правом берегу кормились лошади казаков, состоявших на кордонной службе, и тех, кто занимался рыболовством⁸.

Здесь явно просматривается стремление яицких казаков, вопреки всяческим запретам со стороны центральных властей и местного начальства, закрепиться по всей пойме Яика не только на правом, но и на левом берегу реки. При этом казаки шли на серьезный риск, но, по всей видимости, экономическая выгода была слишком привлекательной.

Не стоит полагать, что яицкие казаки могли заручиться поддержкой властей во всех своих начинаниях по захвату прилинейных земель. Главным «соперником» в освоении пустующих земельных угодий вдоль русла реки Яик являлись киргиз-кайсаки. В 1731 г. приграничный казахский Малый жуз официально принял русское подданство. Таким образом, властям приходилось сглаживать конфликты, возникающие между киргиз-кайсаками и яицкими казаками, так как и те, и другие являлись российскими подданными.

В начале 1740-х гг. власти обратили свое внимание на слабо защищенный участок в нижнем течении Яика. Каких-либо серьезных укрепленных пунктов от Яицкого городка до устья реки (Гурьевского городка) в то время еще не было. Соответственно, и контроль над переходом границы на данном участке не осуществлялся. Этот вопрос предстояло решить начальнику Оренбургской комиссии, а впоследствии губернатору Оренбургской губернии Ивану Ивановичу Неплюеву. Было высказано несколько предложений по обустройству Нижнеяицкой укрепленной линии: 1) поручить строительство регулярным частям, присланным из соседних губерний; 2) возложить эти обязанности на самарских и алексеевских казаков с последующим их переселением во вновь построенные крепости нижнего течения Яика и 3) поручить данное дело яицким казакам.

Рассматривались различные варианты строительства и заселения нового участка Юго-восточной пограничной укрепленной линии, но в итоге решающим стало мнение самих яицких казаков, которые, опасаясь за свой рыбный промысел и потерю владения пойменными местами реки Яик, предложили самостоятельно построить линию и наладить здесь постоянную службу. Общая протяженность участка составила более 400 верст. Всего было построено семь крепостей (Сахарная, Калмыкова, Индерская, Кулагинская, Тополевская, Баксайская, Сарайчиковская) с форпостами и редутами. В общей сложности на линию должна была выходить 1 000 казаков посменно. Самые многочисленные команды располагались в Кулагинской крепости и Гурьевском городке⁹.

Яицкие казаки вынужденно брали на себя очень тяжелые обязанности по охране довольно большого участка Юго-восточной пограничной укрепленной линии, который протянулся от Гурьева городка до крепости Рассыпной. В «Наказах депутатам от дворянства, градских жителей, казацких войск, иноверцев и новокрещенных разных народов Оренбургской губернии» (1766 – 1767 гг.) отмечалось: «<...> Ныне же того Яицкаго войска всегдашняя и ординарная служба состоит в том, что она начав в Гурьеве городке вверх по Яику реке даже до Рассыпной крепости, что по течению Яика оно полутора тысячи верст сочиняет от переходу через помянутую Яик реку с одну сторону киргизцов а з другую волских калмык имеет осторожность для которой по определению правительствующего Сената в 743 году состоявшегося построены крепости и форпосты и того числа содержать в оных при особливом походном атамане с переменной тысячу человек а ежели сверх того нужда случится то из Яицкаго городка прибавляется <...>»¹⁰.

Из этого документа становится ясно, почему яицкие казаки ранее не стремились обживать русло реки Яик ниже по течению от Яицкого городка. Здесь главных причин три: 1) плохой климат; 2) труднодоступные, непроходимые места; 3) опасное соседство с киргиз-кайсаками и калмыками. Через четверть века после устройства

Нижнеяицкой укрепленной линии казаки жаловались: «От построения и заведения тех крепостей и форпостов произошли весьма великие отягощения: 1-е что по тамошнему тяжелому и морскому воздуху с того времени несколько тысяч лошадей повалилось; 2-е как они заселены на пустом дальнем и диком и самом пограничном месте того ради хлеба туда не возвесть чего ради оное доставить великою нуждою и покупить весьма дорогою ценою...». Яицкие казаки просили, чтобы в новых крепостях за службу платили жалованье. Нередко на линию из Яицкого городка дополнительно снаряжались резервные команды до трехсот человек, но деньги им не выплачивались. Также казаки ходатайствовали о налаживании постоянных поставок в нижнеяицкие крепости провианта и фуража за государственный счет¹¹.

В то же время остро встал вопрос о владении левым берегом Яика. Главным богатством для яицких казаков на левобережье Яика являлись сенокосные места. В большинстве случаев покосы на азиатской стороне велись ими самостоятельно, без разрешения властей. Процесс этот был сложным и опасным, так как перевозившие скошенное сено на правую сторону могли оказаться в плену у киргизов. Казаки несколько раз просили разрешения официально заниматься сенокосами на левой стороне.

В итоге 12 июля 1760 г. Оренбургским губернатором А.Р. Давыдовым был подписан указ, по которому разрешалось пользоваться сенокосами за Яиком, правда, только с условием, что при этом будет налажена охрана работников. Постепенно левобережные сенокосы стали проводиться яицкими казаками на постоянной основе почти на всем протяжении Нижнеяицкой линии. По указу Екатерины II, отданному Симбирскому и Уфимскому губернатору А.И. Апухтину в 1783 г., прилинейным киргизам запрещалось на степной стороне Урала (Яика) кочевать и пользоваться сенокосными местами ближе 15 верст. Таким образом, сенокос на левобережье реки могли вести только казаки, но официально эти земли еще не были закреплены за ними¹².

Потребность в сенокосных угодьях в Уральском казачьем войске возросла в связи с развитием скотоводства. Следовательно, можно считать логичным желание прилинейных казаков окончательно закрепить за собой левую сторону Урала, которая была богата сенокосными местами.

С первой половины XVIII в. в пользовании у яицких казаков на левом берегу Яика, кроме сенокосных угодий, находились три крупных озера – Черкальское, Индерское и Грязное. Указы и грамоты 1705, 1732 и 1735 гг. давали казакам право пользоваться солью с Грязного и Индерского озер, а указ Правительствующего Сената от 28 октября 1732 г. – Черкальским озером¹³.

В конце XVIII в. ситуация в приграничной зоне на Юго-востоке стала меняться, потому что увеличилась плотность населения ре-

гиона. Это способствовало тому, что на левом берегу Урала появились многочисленные киргизские стада скота, количество которых с каждым годом росло. Казаки выступали против того, чтобы киргизкайсаки приводили свой скот на водопой к реке. Как писали очевидцы, киргизы вгоняли в реку огромные стада на несколько верст. Это пугало рыбу, находящуюся в «ятовьях» (рыбных ямах для зимовки и икрометания), что мешало казачьему рыбному промыслу. Пугать рыбу в Урале являлось уголовным преступлением. Сами казаки поили свои стада или в озерах, или в Урале, но всегда на одних и тех же местах (в основном напротив форпостов). Следовательно, все пространство реки между населенными пунктами (примерно от 12 до 20 верст) «пользовалось строгою тишиною»¹⁴.

Несмотря на всяческие запреты и активное противодействие казаков, киргизкайсаки все чаще стремились перейти на правую сторону Урала. Этот процесс остановить уже было невозможно. Привлекательными для кочевников являлись некоторые районы Волго-Уральского междуречья, а именно Камыш-Самарский и Между-Узенский. В XVIII в. местное казачество всячески стремилось освоить эти земли, богатые рыбными озерами, заливными пастбищными местами и тебенёвками (места для зимней пастьбы лошадей).

Судебные разбирательства относительно прав на владение экономически выгодными участками данных районов стали возникать, начиная с 1796 г. Казаки с давних времен занимались здесь рыболовством, охотились, добывали соль и, соответственно, считали их своими. С конца XVIII в., по инициативе центральной власти, началось заселение этих районов крестьянами-переселенцами, что впоследствии привело к еще большей неразберихе в вопросе землевладения. Кроме того, в это же время, на Между-Узенские участки переселяются башкиры из Оренбургской губернии¹⁵.

Самым спорным районом оказался Между-Узенский, который оспаривали различные группы местного населения. Эти разбирательства продолжались вплоть до второй половины XIX в.

Другая судьба оказалась у Камыш-Самарского района. В конце XVIII в. казаки навещали сюда довольно часто. В экономическом плане данный район был очень привлекателен, но значительная отдаленность его от Нижнеяицкой линии сыграла свою роль: казаки не могли вести здесь активную хозяйственную деятельность. К тому же вопрос владения данным районом к началу XIX в. был практически решен: большую часть Камыш-Самарской округи уральские казаки потеряли из-за указа Павла I от 11 марта 1801 г., по которому киргизкайсакам было разрешено кочевать в междуречье Урала и Волги, что привело к образованию здесь Букеевской Орды¹⁶.

* * *

Вторым казачьим войском, располагавшимся вдоль юго-восточ-

ных границ Российской империи, являлось Оренбургское.

В отличие от самостийно сформировавшегося Яицкого войска, Оренбургское было создано по указу императрицы Елизаветы Петровны в 1748 г. После завершения основных мероприятий Оренбургской экспедиции, строительства целой серии крепостей вдоль границы и создания единой пограничной линии в регионе власти задумались о формировании в пограничных областях нового казачьего войскового объединения, которое было необходимо здесь для охраны. До этого в регионе уже были нерегулярные части, и они в первую очередь вошли в новое войско.

Штат иррегулярного войска определен только в 1755 г.; он включал в себя почти 6 тыс. служилых людей, одни из которых получали жалование, а другие являлись «безжалованными». При этом значительная часть казаков находилась на постоянном месте жительства в дальних районах (Уфа, Самара, Алексеевск, Табынск, Нагайбак и других) и выдвигалась на границу только для охраны определенных участков линии посменно. Также до тысячи казаков служило в Оренбургском нерегулярном корпусе, располагавшемся в Оренбурге¹⁷.

Таким образом, в XVIII в. непосредственно на пограничной линии проживало немного оренбургских казаков. Опираясь на статистические материалы, можно сделать вывод, что они распределялись по крепостям равномерно – в среднем по 100 человек. При этом жалование за службу многим не выплачивалось, что компенсировалось земельными участками на крепостной территории, рыбной ловлей на озерах и реках. Возможности на постоянной основе вести хозяйство у оренбургских казаков не было, что к концу XVIII в. привело к серьезным экономическим проблемам у основной массы прилинейного казачьего населения Оренбуржья. Довольно часто казаки даже не имели возможности приобрести себе лошадей и оружие для службы¹⁸. Инспекции Оренбургского войска, проводившиеся в 1780-х – 1790-х гг., доказывали данные факты.

Незначительной в XVIII в. была и роль оренбургского казачества в процессе освоения приграничных земель, хотя процветал самозахват земельных угодий, что приводило к частым конфликтам с местным населением.

Власти, решая земельные вопросы в прилинейных районах, старались без особой необходимости не создавать конфликтных ситуаций с местными жителями. В частности, при строительстве крепостей документально оформлялись права сторон и описывались условия пользования земельными угодьями. К примеру, Чебаркульская крепость Исетской провинции была построена весной 1736 г. на земле, принадлежавшей вотчинникам-башкирам Каратабынской и Баратабынской волостей¹⁹. Для строительства новой крепости данные земли официально перешли в казну, что было закреплено документально. При этом по высочайшему повелению старшине

Таймасу Шаимову, владельцу земли, было «пожаловано тарханское звание». Также он «освобождался от уплаты в казну ежегодного ясака». К 1740 г. для упорядочения прикрепостного землепользования на чебаркульскую землю были составлены межевая книга и план²⁰.

Несмотря на это, конфликтов в прикрепостном землепользовании избежать не удавалось. Башкиры, ссылаясь на три указа (от 20 августа 1739 г., от 7 марта 1740 г. и от 31 мая 1740 г.), в которых описывались условия строительства крепостей на башкирских землях, утверждали, что они могут свободно пользоваться землями вокруг крепости. В указах прописывалось, что казаки «не должны чинить препятствий башкирам в пользовании прикрепостных земель»²¹.

В свою очередь, чебаркульские казаки приводили свои доводы. Например, тот, что по указу от 7 марта 1740 г., который последовал из Канцелярии Оренбургской комиссии в Исетскую провинциальную канцелярию и был утвержден именованным указом от 31 мая 1740 г.²², башкирам запрещалось выпускать своих лошадей на казачьи земли, так как арендная плата к этому времени уже была произведена. Тем более в 1740 г. все земли при данных крепостях были размежеваны, и башкиры с результатами разграничения были согласны²³. Конфликт в судебном порядке был разрешен только в 1840-х гг.

Большая часть казаков оренбургских крепостей жаловалась на то, что на выданных им землях довольно часто селились представители других сословий. Прикрепостные казачьи земли не везде были размежеваны и имели план. При некоторых крепостях в XVIII в. казачьи земли так и не получили своего юридического оформления, что приводило к постоянным конфликтным ситуациям, а самое главное – способствовало распространению захватов крепостными жителями не только больших земельных участков на прикрепостной территории, но и богатых сенокосами и рыболовецкими угодьями речных пойм.

Судя по датированным 1798 г. отчетам комендантов крепостей, где проживали оренбургские казаки, значительная часть казачьих земель не могла быть обозначена в документах с точными границами и площадью. Это были в основном пойменные места для сенокоса, земли по берегам рек, удобных для рыбной ловли, пахотные участки и т.д., находящиеся на более чем 20-верстном расстоянии от самой крепости, где проживали казаки²⁴.

Таким образом, можно утверждать, что правовое регулирование землепользования по Оренбургской укрепленной линии в XVIII в. находилось на начальной стадии.

* * *

Итак, казачество уже в XVII в. начинает активно осваивать побережье Яика. Пойменные луга, расположенные на левом берегу реки, они использовали для сенокосения, в притоках Яика и крупных во-

доемах ловили рыбу.

В первой половине XVIII в. яицкие казаки активно колонизируют земли вдоль пограничной линии. В регионе наблюдается рост численности Яицкого казачьего войска, развивается казачье хозяйство, осваиваются новые экономически выгодные промыслы. Все это способствовало активизации борьбы за земельные угодья не только в приречной зоне (именно с этого времени остро встает вопрос освоения левого берега Яика), но и в Волго-Уральском междуречье – за Между-Узенский и Камыш-Самарский районы. В это же время в регионе наблюдается увеличение численности киргиз-кайсаков. По причине недостатка пастбищных мест они стали использовать пойменные луга левобережья Яика и периодически переходить на правую сторону реки, что приводило к частым конфликтам с казаками. Власти, пытаясь решить эти противоречия, приступили к разграничению владений казаков и кочевников²⁵.

Уже в XVIII в. яицким (уральским) казакам разрешается вести рыбный промысел на крупных озерах левого берега реки. А к началу XIX в. за уральскими казаками было закреплено исключительное право пользования сенокосными лугами на некоторых участках левой стороны Яика.

В Оренбургском казачьем войске ситуация была несколько иная, поскольку оно окончательно оформилось только в середине XVIII в. Оренбургское казачество преимущественно расселялось по прилинейным крепостям, где земельный вопрос являлся острым и нуждался в особом подходе. Юридического оформления прилинейное землепользование еще не получило. Поэтому казаки преимущественно сами решали вопросы, связанные с использованием тех или иных угодий. При этом самовольный захват земель на линии был чреват серьезными конфликтами с местными жителями и разбирательством по этому поводу на всех уровнях. Власти старались по мере возможности регулировать земельные отношения на границе, но довольно часто сделать это было сложно из-за неразберихи в правах на землю.

Примечания Notes

¹ Джундужузов С.В., Любичанковский С.В. Калмыки на Южном Урале в XVIII – начале XX века: Проблемы ассимиляции, аккультурации и сохранения этнической идентичности // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. Т. 46. № 4. С. 1194–1206.

² Longworth Ph. The Cossacks: Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes. New York: Holt, Rinehalt and Winston, 1970.

³ McNeal R.H. Tsar and Cossack, 1855 – 1914. London: The Macmillan Press, 1987.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. Д. 30 (1864 г.). Л. 4.

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 122, 122об.

⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 30 (1864 г.). Л. 6об.

⁷ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т. 1. Казань, 1897. С. 270.

⁸ Картунов А.И. Освоение Уральским казачеством левого берега реки Урал в XVIII – начале XIX вв. // European Social Science Journal. 2014. № 9-1 (48). С. 326–333.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 20. Д. 776. Л. 151–155.

¹⁰ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 87, 87об.

¹¹ Там же. Л. 92, 95об.

¹² Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. Ч. I. Санкт-Петербург, 1866. С. 109; Картунов А.И. Освоение Уральским казачеством левого берега реки Урал в XVIII – начале XIX вв. // European Social Science Journal. 2014. № 9-1 (48). С. 326–333.

¹³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 30 (1864 г.). Л. 113.

¹⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 473. К. 1. № 3. Л. 22; Картунов А.И. Освоение Уральским казачеством левого берега реки Урал в XVIII – начале XIX вв. // European Social Science Journal. 2014. № 9-1 (48). С. 326–333.

¹⁵ РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 19. Л. 1–16.

¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 30 (1864 г.). Л. 7–8.

¹⁷ Машин М.Д. Из истории родного края: Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976. С. 83.

¹⁸ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. IV. Оренбург, 1905. С. 18–21.

¹⁹ Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1154. Л. 4, 4об.

²⁰ НАРБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1087. Л. 1, 1об.

²¹ НАРБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 874. Л. 1–3об.

²² Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е. (ПСЗРИ-1). Т. XI. № 8124.

²³ НАРБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1087. Л. 4–5об.

²⁴ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1905. С. 435–440.

²⁵ Избасарова Г.Б., Любичанковский С.В. Приставства на окраинах Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.: От административно-го лица к системе управления // Российская история. 2018. № 2. С. 13–21.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Картунов Алексей Иванович – канд. ист. наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа) kortunov@rambler.ru

Годовова Елена Викторовна – канд. ист. наук, доцент Оренбургского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Оренбург) godovova@mail.ru

Освоение приграничных территорий России растянулось на несколько столетий и способствовало возникновению самой большой страны в мире. В XVII–XIX вв. центральная российская власть, закрепляясь на определенных окраинных территориях и превращая их в плацдарм для дальнейшего расширения границ страны, стремилась заручиться поддержкой местного населения, а в авангарде освоения почти всегда стояли казаки. Нередко государству для достижения поставленных целей приходилось оказывать казакам разностороннюю помощь. В XVI–XVII вв., когда на окраинах страны еще жили вольные казачьи общины, центральным и местным властям даже приходилось сдерживать казаков, поскольку те «слишком активно» стремились расширить свои владения, тем самым увеличивая владения государства. Уже в XVIII в. власти стремились решить все территориальные вопросы на окраинах Российской империи мирными средствами. На примере юго-восточных окраин России авторы статьи попытались ответить на сложный вопрос: являлись ли казаки инструментом в руках государства или отношения между государством и казаками были взаимовыгодными? Используя ранее неизвестные архивные документы, извлеченные из центральных и региональных архивов, авторы анализируют взаимодействие государства и казаков – яицких (уральских) и оренбургских – в ходе освоения приграничных территорий юго-восточной окраины России в XVII–XVIII вв. Особое внимание уделяется регулирующей роли государства, уникальной политике разрешения неизбежных конфликтов между казаками и местным населением.

Казачество, яицкие (уральские) казаки, оренбургские казаки, Яицкое (Уральское) казачье войско, Оренбургское казачье войско, Оренбургская укрепленная линия, Оренбургская губерния, река Яик (Урал), колонизация, кочевые народы, киргизы, каракалпаки, ногайцы.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V. Kalmyki na Yuzhnom Urale v XVIII – nachale XX veka: Problemy assilyatsii, akkulturyatsii i sokhraneniya etnicheskoy identichnosti [The Kalmyks in the Southern Urals in the 18th – Early 20th Centuries: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity.]. *Bylyye gody. Rossiyskiy istoricheskiy zhurnal*, 2017, vol. 46, no. 4, pp. 1194–1206. (In Russian).
2. Izbasarova G.B., Lyubichankovskiy S.V. Pristavstva na okrainakh Rossiyskoy imperii v XVIII – pervoy polovine XIX v.: Ot administrativnogo litsa k sisteme upravleniya [The Local Constabulary on the Frontiers of the Russian Empire in the 18th – First Half of the 19th Centuries: From Administrator to Governing System.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2018, no. 2, pp. 13–21. (In Russian).
3. Kortunov A.I. Osvoyeniye Uralskim kazachestvom levogo berega reki Ural v XVIII – nachale XIX vv. [The Development of the Left Bank of the Ural River by the Ural Cossacks in the 18th – Early 19th Centuries.]. *European Social Science Journal*, 2014, no. 9-1 (48), pp. 326–333. (In Russian).

(Monographs)

4. Longworth, Ph. *The Cossacks: Five Centuries of Turbulent Life in the Russian Steppes*. New York: Holt, Rinehalt and Winston, 1970, 409 p. (In English).
5. Mashin M.D. *Iz istorii rodnogo kraya: Orenburgskoye kazachye voysko* [From the History of the Homeland: The Orenburg Cossack Host.]. Chelyabinsk, 1976, 192 p. (In Russian).
6. McNeal, R.H. *Tsar and Cossack, 1855 – 1914*. London: The Macmillan Press, 1987, 262 p. (In English).

Authors, Abstract, Key words

Aleksey I. Kortunov – Candidate of History, Senior Lecturer, Aknulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia) kortunov@rambler.ru

Elena V. Godovova – Candidate of History, Senior Lecturer, Orenburg Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orenburg, Russia) godovova@mail.ru

The development of Russia's border areas lasted for several centuries, which facilitated the creation of the largest country in the world. In the 17th – 19th centuries Russia's the central authority spread its influence on peripheral territories which were used for further expansion of national borders trying to get the support of local population, with the Cossacks being in the lead of this process. Frequently, the state provided varied assistance to the Cossacks. In the 16th – 17th centuries when there were free Cossack communities living in the periphery of Russia the central as well as local authorities had to hold the Cossacks back as the latter were "too active" in their efforts to expand their own and, correspondingly, the state's lands. As early as in the 18th century the authorities tried to settle all territorial issues at the outskirts of the Russian Empire by peaceful means. By resorting to the example with Russia's south-eastern border areas the authors of the article aim to answer the complicated question: were the Cossacks a tool in the hands of the state or were the relationships between the state and the Cossacks mutually beneficial? Based on previously unknown archival documents from central and regional archives the article analyses the interaction between the state and Yaik (Ural) and Orenburg Cossacks as they developed the south-eastern border areas of Russia in the 17th – 19th centuries. A special attention is paid to the control function of the state, the unique policy of settling inevitable conflicts between the Cossacks and local population.

Cossacks, Yaik (Ural) Cossacks, Orenburg Cossacks, Yaik (Ural) Cossack Host, Orenburg Cossack Host, Orenburg Fortified Line, Orenburg province, river Yaik (Ural), colonization, nomadic peoples, Kyrgyz, Karakalpak, Nogai.

А.А. Непомнящий, А.С. Кравчук

ВЫСШИЕ ЧИНОВНИКИ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ВОСПРИЯТИИ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

A.A. Nepomnyashchiy, A.S. Kravchuk

The Senior Officials of Taurida Province in the Perception of Foreign Travelers in the First Half of the Nineteenth Century

Записки путешественников по Крыму занимают одну из ключевых позиций среди иных источников по истории полуострова конца XVIII – первой половины XIX вв. Сегодня ни один серьезный труд по истории полуострова той эпохи, не может обойтись без использования этих оригинальных данных. По справедливому замечанию профессора Санкт-Петербургского университета К.Н. Бестужева-Рюмина, «сообщения иностранцев не без основания считаются важным материалом для понимания истории Крыма, поскольку иностранца по большей части поражает то, что остается неприметным для местного жителя»¹.

Литературные травелоги представляют собой разновидность воспоминаний. Они зачастую принимали вид дневника, описывающего мелочи жизни изо дня в день, а порой им придавалась форма писем к друзьям².

В начале XIX в. произошел всплеск интереса к запискам путешественников, что объясняет их активную публикацию. Это привело к изменению отношения авторов к создаваемым ими текстам. Теперь они предназначались для читающей публики и широко проникали на страницы популярных периодических изданий, перестали быть частным делом их авторов и стали явлением книжной культуры³. Путешественники на страницах травелогов все чаще начали обращаться к сравнению западно- и восточноевропейской культур, а это неизбежно вело к политизации написанного.

С другой стороны, травелоги несут на себе яркий отпечаток личности автора, его «настройки на восприятие» увиденного. По справедливому замечанию анонимного критика «Путешествия Маршала Мармона, герцога Рагузского...», «каждое путешествие имеет особый характер, соответственный характеру путешественника последний сообщает книге цвет души своей, кладет на нее печать ума своего»⁴.

Поэтому сведения, почерпнутые из книг иностранцев, посещавших полуостров, были подвергнуты сравнению с сохранившимися в архивах Санкт-Петербурга, Симферополя и Одессы документами таврических губернских учреждений и фрагментами личной переписки высших чиновников губернии, выявленными авторами ста-

тьи.

Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. резко подняло интерес к полуострову и обусловило многократный рост количества публикаций по его истории. Екатерина II, осуществив свое знаменитое путешествие в 1787 г., еще более подогрела интерес к нему. Вслед за императрицей в Тавриду потянулась длинная вереница отечественных и иностранных путешественников.

Первые ехали на юг за местной экзотикой и с желанием полюбоваться природой и античными памятниками. Как правило, они были знакомы с особенностями административно-территориального устройства Новороссийского края (Новороссии), в состав которого входила Таврическая губерния, образованная в 1802 г. Они часто оставляли хвалебные отзывы о начальствующих лицах края и губернии, поскольку гостили у них.

Вторые, сверх того, обращали пристальное внимание на успехи и неудачи российской администрации, не боялись критиковать работу чиновников, давали оценки вероятным путям развития края, обдумывали возможности роста международной торговли через портовые города Новороссии.

Большие трудности въезда на территорию Российской империи, особенно в правление императора Николая I, через сухопутную границу или морем, необходимость предварительного согласования по дипломатическим каналам сроков и маршрута путешествия, строгость полицейского надзора по всему пути – все это сильно осложняло жизнь путешественников. С другой же стороны, полицейско-бюрократические порядки империи неизбежно сводили чиновников и иностранных путешественников лицом к лицу, создавали почву для общения, давали последним возможность общаться с губернскими начальниками – чинами ведомства внутренних дел.

Путешественники – они, как правило, людьми были состоятельными, с положением в обществе – стремились посетить начальствующих лиц Таврической губернии. А последние считали своей обязанностью оказывать содействие именитым путешественникам, щедро предоставлять им и их спутникам кров и стол, сообщать проезжающим заграничным гостям интересующие их сведения, если, конечно, они не составляли государственную тайну. К тому же многие губернаторы являлись крупными землевладельцами, создателями первых обширных имений на полуострове. Их имения, их дома, похожие на дворцы, также очень интересовали иностранцев.

Поэтому многочисленные путевые заметки иностранных путешественников имеют особое значение для понимания того, как их авторы в первой половине XIX в. воспринимали высших чиновников Таврической губернии и как оценивали их служебную деятельность в Крыму.

Нехватка знаний в Европе о Северном Причерноморье и Крыме побуждала зарубежных гостей, посетивших полуостров в первой половине XIX в., не просто описывать увиденное, а создавать как можно более полную картину, окунуть читателя в прошлое и заглянуть в будущее. Вместе с тем, агрессивная колониальная политика европейских держав и развитие международной торговли способствовали росту потребности в этих сведениях.

Одним из первых трудов, написанных в подобном ключе, можно назвать путевые заметки британского путешественника, ученого Эдварда Даниэля Кларка, посетившего Крым в 1800 г.⁵ Его записки сыграли одну из важнейших ролей в формировании отношения британской общественности к полуострову и проводимых там российской администрацией преобразований. Он лишь вскользь упомянул в своих заметках о местных чиновниках – гораздо подробнее остановился на значении реформ императрицы Екатерины II и Г.А. Потемкина для Таврии.

Наиболее ярко Э. Кларком нарисована картина бедствий, которую, по его мнению, причинили новые власти: «Если сегодня спросят, как вели себя русские в отношении Крыма после той порочности, жестокости, убийств, с помощью которых он был присоединен, ответ можно дать несколькими словами. Они опустошили страну, вырубили деревья, разрушили дома, сровняли с землей священные постройки местных жителей и общественные сооружения, нанесли вред водопроводам, ограбили население...»⁶.

Э. Кларк не скрывал своей симпатии к крымским татарам, тем не менее, считал их не готовыми к созданию собственного государства и именно поэтому видел Крым в составе Османской империи⁷. Его травелог во многом был призван сформировать образ о русских как о варварах, разрушающих культурное наследие в присоединенном Крыму.

Уже современники Э. Кларка подвергли острой критике его односторонне написанное произведение⁸.

Необходимо учитывать, что ситуация в Таврической губернии на рубеже XVIII–XIX вв. была действительно сложной⁹. Продолжалось сокращение численности населения. Согласно отчету Таврического гражданского губернатора действительного статского советника Д.Б. Мертваго императору Александру I за 1804 г., в Таврической губернии (включала в себя Крым и материковые уезды Северной Таврии) проживало 245 734 человека (без учета Севастополя)¹⁰, на побережье от Балаклавы до Феодосии – всего 2 910 человек¹¹. Число «обывателей» (жителей всех сословий) росло крайне медленно, особенно в Крыму. К 1825 г. в губернии проживало всего 314 399 человек¹². Бедственное положение в экономике неоднократно подчеркивалось на страницах губернаторских отчетов¹³. Именно такую

картину лицезрел путешественник, который пошел по пути красочной гиперболизации увиденного.

Несколько иные мотивы преобладают в труде француза, барона Жуана де Рейи, путешествие которого датируется 1803 г. По пути в Крым его сопровождал А.Э. Ришелье, который направлялся на юг, получив назначение на должность градоначальника Одессы. Среди современников бытовало предположение, что Ж. де Рейи выполнял разведывательную миссию по заданию Наполеона Бонапарта. Ценность его труда состоит в том, что, в отличие от большинства травелогов, оно, в основном, содержит достоверные сведения. Не последнюю роль в этом сыграл и тот факт, что консультантом и редактором путевых заметок француза выступил известный ученый Петр Симон Паллас, проживавший в это время в Симферополе¹⁴.

По мнению французского путешественника, «с тех пор как Крым стал принадлежать России, произошли значительные изменения в жизни полуострова. Были предприняты тщетные попытки добиться благосклонности новых подданных, путем уважения их религии и позволения им выбирать судей из своих представителей. Причина неудач кроется в том, что правительство стремится сделать аграриями людей, которые были воинственны и непокорны, но это невозможно эффективно осуществить без полного изменения образа их жизни. Препятствием также стала массовая эмиграция татар, а те, кто остался, сделают тоже самое при первых сложностях, которые могут возникнуть с властями. Это может произойти совсем скоро»¹⁵.

При этом путешественник не слишком высоко оценивал вклад татарского населения в развитие экономики края, а потому считал, что их отбытие за границу не нанесет существенного вреда. Подобные идеи были широко распространены в среде российской элиты. Между тем, отток крымских татар с полуострова в начале XIX в. действительно был значительным. Так, только за 1804 г. губернатором Д.Б. Мертваго было выдано 1 570 паспортов для выезжающих на постоянное место жительства в Османскую империю¹⁶. Правда, остается неизвестным количество реэмигрировавших.

Французский путешественник не обошел вниманием личность первого Таврического гражданского губернатора Г.П. Милорадовича, который оказал ему «самый лестный прием»¹⁷.

Ж. де Рейи заметил и обозначил многие проблемы Крыма той эпохи. Причину возникновения массовых земельных тяжб, захлестнувших губернию, он видел в различии законодательной базы Российской империи и Крымского ханства, а также в бесконтрольной продаже и покупке земли в первые десятилетия после присоединения полуострова¹⁸. Высказанные Ж. де Рейи предположения подтверждаются архивными документами Канцелярии Таврического губернатора, отложившимися в Государственном архиве Республики Крым. В частности, весьма красноречивы справки, составленные в ходе работы Комиссии, учрежденной для разбора споров по зем-

лям и определения повинностей, работавшей в 1802–1810 гг.¹⁹

Путешественник подверг критике работу губернского аппарата управления: «После присоединения Крыма к России была установлена такая же административная система, как и в других частях империи, что не могло способствовать расположению сердец татар. Не зная языка, на котором осуществляется делопроизводство, они оказались незащищенными от многочисленных притеснений и часто бросались на произвол коварных переводчиков»²⁰.

Отметим, что после создания Таврической губернии 8 октября 1802 г. вместо губернского правления, как в других губерниях империи, было образовано Таврическое губернское правление, в котором председательствовал губернатор и с правом совещательного голоса присутствовали по два представителя «от русских и татарских поселян»²¹. Несмотря на это, знающих русских язык и желающих занять эти должности крымских татар, как правило, не находилось, что приводило к назначению на выборные позиции чиновников²². В итоге смысл этого нововведения сводился на нет, и 4 октября 1838 г. правление было преобразовано в правление²³.

Второго Таврического гражданского губернатора – Д.Б. Мертваго – упоминает на страницах своих путевых записок другой французский путешественник, близкий друг А.Э. Ришелье – Габриэль де Кастельно. Он отметил: «Сразу же по прибытии в Акмечеть или Симферополь [в 1806 г.] я отправился к губернатору Крыма господину Мертваго. Он очень душевно принял меня. Во время беседы с этим уважаемым человеком я узнал много полезного, что могло бы пригодиться в ходе моего путешествия по Крыму. Плохое состояние здоровья губернатора вынудило его подать в отставку, и по возвращении в Симферополь я его уже не застал. Господин Мертваго получил важное назначение [генерал-провиантмейстера]²⁴, а его место занял очень знающий человек, господин Бороздин»²⁵.

В 1806 г. полуостров посетил соотечественник Э.Д. Кларка – Реджинальд Хебер, который уделил пристальное внимание Феодосийскому градоначальству, образованному 8 октября 1802 г. При создании градоначальства предполагалось, что эта административно-территориальная единица будет обладать широкой самостоятельностью в решении хозяйственных вопросов²⁶. Чиновник, возглавлявший его, подчинялся не Таврическому гражданскому губернатору²⁷, а напрямую – Новороссийскому генерал-губернатору (в 1805–1822 гг. эта должность именовалась «Херсонский военный губернатор», ее занимали с 1805 по 1815 гг. – градоначальник Одессы генерал Э.О. Ришелье, с 1815 по 1822 гг. – генерал А.Ф. Ланжерон; Новороссийское генерал-губернаторство с центром в Одессе было учреждено в 1822 г.)²⁸. На этой почве у государственных служащих часто возникали противоречия и «трения», затруднявшие работу аппарата управления²⁹.

В Феодосии Р. Хебер познакомился с работой первого градоначальника – генерала Андрея Семеновича Феньша (1804 – 1807). Путешественник отметил: «Генерал Феньш спроектировал очень хорошую набережную, для чего разобрал часть разрушенных строений и стены, сделал хороший въезд в город с севера <...>. Построил очень большой и удобно расположенный карантин»³⁰. Встреча с самим градоначальником не состоялась, так как тот в это время находился в столице. О планах правительства по развитию Феодосии как коммерческого порта иностранец узнал из письма, посланного градоначальником на его имя: «целью было создание банка в Кафе и связать торговлей город с Доном через Арабат». Также британец отметил оптимизм феодосийских купцов, верящих в успех задуманного, при этом упомянул и о противоположном мнении, которое услышал в Таганроге³¹.

В травелог не однократно отмечается малонаселенность полуострова и незначительная застройка большинства городов³², а губернский центр и вовсе был охарактеризован как «убогое и разоренное место»³³. Заметим, что Симферополь только к середине XIX в. стал походить на административный центр, а численность населения достигла 20 981 человек³⁴.

Как и его предшественники, Р. Хебер констатировал сложность и запутанность ситуации, возникшей в сфере земельных отношений³⁵. Он подверг острой критике запрет администрации на вырубку лесов в Крыму, особо отметив, что это способствует дороговизне дров, а также препятствует развитию кораблестроения, имея в виду строительство гражданских судов³⁶. Дело, однако, в том, что введенные тогда ограничения на лесозаготовки были вынужденными и необходимыми. На рубеже XVIII–XIX вв. массовая рубка деревьев в Крыму на дрова и прочие хозяйственные нужды вызывала серьезную озабоченность местных чиновников и центральных учреждений. Распространенными были случаи, когда новые собственники земельных участков вырубали лес, а иногда и плодовые деревья, получали быструю прибыль, после чего оставляли земли пустующими. Интенсивное истребление деревьев стало причиной сворачивания ряда проектов по развитию на полуострове промышленности³⁷.

По этой причине, в частности, возникли сложности со строительством селитряного завода для Черноморского флота в Инкермане³⁸.

* * *

Среди разнообразного корпуса записок иностранцев выделяется труд Мэри Холдернесс³⁹.

Она проживала в Крыму длительное время, с 1816 по 1820 гг., и имела возможность более глубоко окунуться в реалии местной жизни. Англичанка подробно и фактически без ошибок изложила особенности административного устройства Новороссии⁴⁰, принципы работы судебной системы, отметив наличие тут коррупции и злоу-

потреблений чиновников⁴¹. Особо она выделила значительное число судебных тяжб в земельной сфере⁴².

Действительно, именно в это время нарушения, совершаемые государственными служащими, достигли такого размаха, что была учреждена Следственная комиссия для искоренения злоупотреблений, работавшая в Таврической губернии в 1816–1819 гг.⁴³ Архивные документы демонстрируют значительные масштабы проблемы, особенно остро стоявшей в северных, материковых, уездах⁴⁴. М. Холдернесс объективно выделила большую самостоятельность органов управления посещенного ею края по сравнению с другими частями империи, видя причину этого в удаленности Крыма от центра⁴⁵.

Первым из чиновников, с которым она познакомилась, стал Таврический гражданский губернатор генерал Андрей Михайлович Бороздин. Любопытная исследовательница особо отметила его деятельность как основателя в Крыму мануфактур по производству тканей⁴⁶. Она живописала про его Саблынкскую экономию (современные с. Партизаны и с. Каштаны Симферопольского района), воздала должное трудам Херсонских военных губернаторов генералам А.Э. Ришелье и А.Ф. Ланжерона, работу которых назвала успешной⁴⁷. Подробно охарактеризованы управленческие приемы Феодосийского градоначальника Ф.И. Энгеля⁴⁸, который, по ее мнению, «положил конец многочисленным бесчинствам, закравшимся в работу карантина и таможи», благодаря чему доходы административной единицы были увеличены с 250 тыс. до 700 тыс. руб.⁴⁹

Действительно, многочисленные нарушения, имевшие место в Феодосийском градоначальстве, подтверждаются и в выявленной нами служебной записке преемника Ф.И. Энгеля – П.В. Гаевского (1821 – 1822)⁵⁰.

Чаще других в травелогах упоминается имя третьего Таврического губернатора – А.М. Бороздина, который также был известен как собственник имений Саблы и Кучук-Ламбат (с. Кипарисное, городской округ Алушта). Многие из путешественников гостили в его имениях, оставили яркие описания хозяина и его усадеб.

Шотландский доктор, член Общества естественной истории Эдинбурга Роберт Лайелл писал о Саблынской экономике: «Жилище господина Бороздина выглядит очень бледно снаружи, что вполне соответствует и его внутреннему виду. Вкус сенатора заставляет его более ценить красоты природы и устройство своих садов, нежели удобство и порядок в своем доме»⁵¹. Он отметил богатое собрание книг в библиотеке, которая также служила «лабораторией, аптекой и кабинетом математических и физических приборов, музеем редкостей, особенно луков и стрел азиатских племен»⁵². Шотландец подробно описал расположенные там фабрики по производству тканей.

Восторженные отзывы о Саблах оставили и другие французы – автор первого путеводителя по Крыму Шарль Монтадон⁵³ и швейцарский археолог и натуралист Фредерик Дюбуа де Монпере⁵⁴.

Схожую оценку Саблынкскому имению дал французский консул на Кавказе Ж.-Ф. Гамба: «В деревне Саблы, основанной генералом Бороздиным, имелось около тысячи крепостных; угодья были разбиты на многочисленные квадратные участки. Рядом с деревней повсюду были видны постройки, предназначенные под фабрики. В центре находился великолепный особняк, окруженный садами, и широкая дорога, обсаженная деревьями»⁵⁵. Сам дом губернатора не слишком впечатлил француза: «Хотя особняк и отличался элегантностью, трудно себе представить беспорядок, царящий там, пренебрежение к удобствам и благополучию. Неряшливость и изысканность, роскошь и нищета, казалось, соперничали друг с другом в этом доме»⁵⁶.

Ж.-Ф. Гамба отметил, что А.М. Бороздин мало и неохотно занимался государственной службой, исполняя обязанности губернатора⁵⁷. Подобное мнение бытовало и среди чиновников, о чем свидетельствуют архивные документы. Отставной комиссар флота (военный чиновник, ведавший денежным и вещевым обеспечением экипажей) Бегич был еще более критичен в оценке работы А.М. Бороздина на посту губернатора: «У мосье сенатора Бороздина правда сгорела, совесть сошла с ума, искренность спряталась, правосудие в бегах»⁵⁸.

В августе–сентябре 1827 г. британец Джеймс Уэбстер гостил у А.М. Бороздина в Кучук-Ламбате. Путешественник называет чиновника «первым русским поселенцем на Южном берегу Крыма, который поселился там примерно 40 лет назад»⁵⁹. В действительности же А.М. Бороздин стал владельцем Кучук-Ламбата в 1813 г. и еще длительное время скупал земли поблизости от имения⁶⁰. Дж. Уэбстер заметил: «Генерал очень жаловался на Кларка, который находясь шесть недель в Симферополе, завел себе привычку каждый день обедать у А.М. Бороздина, который в то время руководил войсками в Крыму. Кларк часто выражался неясно, но был хорошим молодым человеком <...>. Генерал сообщил нам, что многое из описанного Кларком является ложью, например, история о том, что русский застрелил муллу. Говоря об этих искаженных фактах, Бороздин добавил: “Не знаю, зачем он это сделал, ведь его повсюду хорошо принимали”»⁶¹.

Не оставило равнодушным путешественника и само имение Кучук-Ламбат. В уникальном – для «дикого» тогда еще Южного берега Крыма – саду он заметил произрастающие апельсины, оливки, лавры, яблоки различных сортов, груши, миндальные деревья. Самого хозяина Дж. Уэбстер описал так: «Бороздин пожилой мужчина в возрасте около 60 лет, свеж, хорошо информирован и очень общительный. Он говорит на французском, итальянском, немецком и русском языках. Женат, но длительное время живет отдельно от супруги. Мы были приняты им с большим гостеприимством и, пока оставались у него, дегустировали произведенные им вина»⁶².

В 1821–1822 гг. Крым посетил британский миссионер Эбенезер Гендерсон, который побывал в имении А.Э. Ришелье в Гурзуфе⁶³. Именно с его деятельностью англичанин связывал все успехи в развитии юга России⁶⁴.

Э. Гендерсон стал одним из немногих путешественников, посетивших таврического муфтия, в должности которого в то время был Аджи Абдураим эфенди, проживавший в Карасубазаре (ныне г. Белогорск) и являвшийся главой мусульман губернии в 1816–1829 гг.⁶⁵ Англичанин описал его как «молчаливого старца с величественными манерами»⁶⁶. Они обсуждали религиозные темы, однако беседа осложнялась плохим слухом муфтия. Гости подарили муфтию Псалтырь, переведенный на турецкий язык.

Интересным также является описание жизни ногайцев, проживающих на севере Таврической губернии. Путешественник охарактеризовал деятельность начальника ногайских орд Якова де Мезона⁶⁷, который внес значительный вклад в переводение кочевников к оседлому образу жизни⁶⁸, а также в создание и развитие города Ногайск (Обиточное) [ныне г. Приморск, Украина]⁶⁹, пресекал многочисленные притеснения ногайцев со стороны чиновников⁷⁰.

Несколько ранее деятельность Я. де Мезона получила освещение в путевых заметках Виттингтона⁷¹, объехавшего с познавательной целью северные уезды Таврической губернии летом 1816 г. Высокую оценку трудам начальника ногайских орд давали не только путешественники, но и вышестоящие чиновники, за что Я. де Мезон неоднократно был награжден⁷².

В 1822 г. Крым посетил уже упомянутый нами Р. Лайелл. Любопытны его замечания по поводу имевшей место коррупции в аппарате управления Таврической губернии. В подтверждение своих слов он затрагивает постоянное увеличение сметы на возведение Александро-Невского собора в Симферополе⁷³, засвидетельствованное и в архивных материалах⁷⁴. Именно в связи с многочисленными нарушениями во время строительства храма отстранили от должности губернатора А.М. Бороздина, однако во время следствия все обвинения были с него сняты⁷⁵. В записках приведены цитаты из труда М. Холдернесс об ужасающих масштабах злоупотреблений местных чиновников, наносящих вред рядовым жителям губернии. Причину этого пагубного явления Р. Лайелл видел в низком жалованье и плохом материальном обеспечении государственных служащих, что подталкивало их к финансовым преступлениям по должности⁷⁶.

Перепроверяя эти утверждения по архивным материалам, мы обнаружили многочисленные безрезультатные ходатайства чиновников о повышении жалованья служащим государственных учреждений Таврической губернии. В качестве ключевого аргумента просители указывали на высокие цены в губернии по сравнению с другими губерниями и областями империи⁷⁷.

Начальствующие лица Новороссийского края прекрасно пони-

мали эту ситуацию и ее пагубность. Так, Херсонский военный губернатор А.Ф. Ланжерон неоднократно обращал внимание Таврических гражданских губернаторов на факт уклонения чиновников «жалованье получавших»⁷⁸ от прямых служебных обязанностей. Острую нехватку «хороших чиновников» отмечал в своих отчетах, отсылаемых в столицу, и Таврический гражданский губернатор статский советник А.И. Казначеев: «Новый край сей еще мало населенный и заключающий в себе весьма тесный круг людей, определенных для отправления службы, вообще имеет нужду в хороших чиновниках»⁷⁹.

* * *

Со второй четверти XIX в. картина, рисуемая иностранными путешественниками, начинает меняться: она становится более широкой и менее предвзятой. Причин изменений оценок происходящего на полуострове было несколько.

Во-первых, изменился социальный состав путешественников: среди них появлялось все больше государственных служащих, торговцев, ученых.

Во-вторых, ввиду крайней скудости в Европе сведений о Крыме первые путешественники стремились дать общую картину, а их последователи стали сосредотачиваться на собственных переживаниях и особенно ярких впечатлениях и сюжетах.

В-третьих, хозяйственное разорение и запустение первых десятилетий XIX в. сменилось в Таврической губернии экономическим ростом.

Во многом подъем в хозяйственной и культурной жизни был связан с деятельностью Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова. Он лично приглашал многих иностранцев осмотреть Крым с целью привлечь часть из них как опытных специалистов на государственную службу. Эти изменения подметил русский чиновник французского происхождения Поль Гибаль, посетивший полуостров в 1818–1819 гг.: «Многие путешественники уже писали о Крыме, все отмечали в воспоминаниях его чарующие ландшафты, его благоприятный климат, плодородие его земли, и почти все они преувеличивали. Однако за последние годы этот край был изъезжен во всех направлениях таким большим количеством путешественников, русских и иностранных, всех классов и сословий, что о полуострове создано более точное представление, чем взгляд, который содержится в поэтических описаниях первых путешественников»⁸⁰.

Лестные отзывы о М.С. Воронцове оставил и Дж. Уэбстер. Генерал-губернатор, по его мнению, «сделал много улучшений в регионе, как с помощью вложенных средств, так и благодаря либеральной и примирительной политике»⁸¹. В Симферополе британца принима-

ла Наталья Федоровна Нарышкина, жена занимавшего тогда пост Таврического гражданского губернатора Дмитрия Васильевича Нарышкина. Она жаловалась гостю на английских путешественников, искажающих, по ее мнению, образ русских⁸². Одним из важнейших начинаний главного начальника Новороссийского края Дж. Уэбстер считал сооружение дороги вдоль Южного берега Крыма ради того чтобы превратить полуостров в популярнейшее место в Российской империи. Безусловно, это понимали и российские власти. По задумке правительства развитие путей сообщения должно было сделать более доступными строительные материалы и привлечь капитал⁸³. По тем же соображениям активно строили шоссейные дороги на полуострове, и дорога на Южный берег была только частью этого грандиозного проекта⁸⁴.

Таврический гражданский губернатор Александр Иванович Казначеев удостоился внимания со стороны Т.Б. Армстронга, путешествовавшего по полуострову в 1828 г. В то время А.И. Казначеев совмещал посты начальника губернии и Феодосийского градоначальника⁸⁵. Путешественник отметил, что он – «приветливый человек и получает удовольствие от компании пилигримов»⁸⁶.

По поводу губернского центра Т.Б. Армстронг высказался так: «Улицы города, которых около дюжины, очень неупорядоченные и находятся в жалком состоянии. Кроме дома губернатора Симферополь представляет собой собрание ничтожного вида сооружений»⁸⁷. Между тем, архивные документы свидетельствуют о другом: именно в это время в городе велось строительство моста через р. Салгир⁸⁸, возводилось значительное число частных домов и административных зданий⁸⁹, завершалось строительство Александро-Невского собора.

Подробное описание жизни николаевской России оставил шотландец Джеймс Александер⁹⁰. Посетив Крым в 1829 г., он посвятил А.И. Казначееву следующие строки своих записок: «Он очень умный, интеллигентный и добрый человек и, сделав много полезного, был вознагражден назначением на должность губернатора, подчиненного князю Воронцову, который руководит всей Тавридой или Новороссией. Леди Казначеева, в девичестве княгиня Волконская, очень приветливая женщина. Казначеевы были со мной учтивы и внимательны, так что это невозможно будет забыть»⁹¹. Губернатор обеспечил путешественника лошадьми, переводчиком и рекомендательными письмами к своим знакомым, проживающим на Южном берегу Крыма⁹². Кроме того, шотландец посетил Н.Ф. Нарышкину, лестно отозвался о ее имении, расположенном на берегах Салгира. Он упомянул об ее отличном знании английского языка и наличии в библиотеке имения книг на английском языке⁹³.

Большинство путешественников отмечали гостеприимство губернаторов и градоначальников. На полуострове прослойка дворянства была незначительной, губернские чиновники составляли

малочисленную группу образованной интеллигенции, и их интерес к редким путешественникам был закономерен.

Венгр по происхождению Янош Карой Беш, посетивший Крым в 1829 г., описал радушие Керченского градоначальника И.А. Стемпковского и попечителя керченской торговли с черкесами Р. Скасси⁹⁴. Посетил путешественник и имение бывшего Таврического гражданского губернатора А.М. Бороздина Кучук-Ламбат, которое произвело на него приятное впечатление⁹⁵.

Многие сюжеты крымской истории и особенности этнографии полуострова нашли отражение в путевых заметках маршала Огюста Фредерика Луи де Мармона, герцога Рагузского, посетившего Крым в 1834 г. Ему удалось побывать в имениях большинства Таврических гражданских губернаторов. Оказавшись в Саблах, принадлежавших до 1828 г. А.М. Бороздину, он отметил: «Мы остановились в Собла, даче графини Лаваль. Здесь, как говорят, были первые насаждения и это первое место, которое сделалось обитаемым. Растительность прелестная и самая разнообразная, показывает все, что может производить эта страна»⁹⁶.

Посетив имение Д.В. Нарышкина на окраине Симферополя, француз записал: «Мы останавливались в прелестном жилище за полторы версты от Симферополя. Оно принадлежит графу Воронцову, а было устроено г-м Нарышкиным, прежним губернатором Таврическим. Прелесть новых жилищ здешней страны в том, что они удобны и изящны: их устраивали люди, которые путешествовали, и брали в образец из лучшего, виденного ими в других местах, что только применялось к собственному их положению. Таков здешний дом графа Воронцова, где сад распланирован превосходно и покрыт прелестными деревьями»⁹⁷.

В Симферополе О. де Мармон познакомился с А.И. Казначеевым: «Г-н Казначеев, губернатор Таврический, человек предупредительный, любезный и обязательный: он принял меня как можно лучше и с этой минуты сопутствовал нам во все остальное путешествие мое по Крыму»⁹⁸. «Оттуда мы отправились в Кильбурн [Ныне с. Пионерское Симферопольского района. – А.Н., А.К.], принадлежащий г-ну Перовскому: он также был Таврическим губернатором и устроил себе жилище, в которое удалился. Странно, что первые из богатых людей, приехавших поселиться в Крыму, не открыли неизмеримых выгод Южного берега, обещавшего всякому, кто станет обрабатывать его, и богатое вознаграждение, и пленительное жилище. Г. Перовский сделал все, что только можно было из избранного им места; хотя дом у него прекрасный, сад цветущий, но окружающие места всегда будут наводить тоску в этом жилище»⁹⁹.

На Южном берегу француз посетил А.М. Бороздина: «В Биюк-Ламбате остановились мы у генерала Бороздина. Это еще один из прежних губернаторов Крыма и один из первых, который старался придать истинную цену богатствам здешней страны. Жилище у

него скромное, но милое, возделывание земель, кажется, идет очень хорошо, а вина г-на Бороздина превосходны. Сделанное наподобие нашего шампанского могло бы обмануть наших знатоков»¹⁰⁰.

Особое внимание в записках маршала отведено М.С. Воронцову, сопровождавшему его: «Все это движение, все успехи произведены графом Воронцовым, который могущественно ускоряет их двумя способами. Как генерал-губернатор южной России, он облегчает все частные предприятия и покровительствует им; как помещик, он дает пример, которому всякой старается следовать. Выполняя дело самое полезное для своего отечества, он образует огромное местное имение, и присоединяет его к другим своим богатствам, чрезвычайно огромным»¹⁰¹. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, по всей видимости, подробно ознакомил гостя с особенностями административного устройства края, пояснил причины выделения из состава губернии Керчь-Еникальского градоначальства, подчиненного непосредственно министру внутренних дел. О. де Мармон в путевых заметках сообщал, что новое градоначальство предназначено было связать Кавказ и Приазовский район с Одессой, порт должен был принимать иностранные суда без захода в Азовское море¹⁰².

* * *

Одним из приглашенных М.С. Воронцовым в Крым стал итальянский врач Тит Ванцетти, совершивший свое путешествие в 1835 г.¹⁰³

Он особо отметил: «Всего несколько лет назад, во времена путешествия академика Палласа, все здесь было заброшено, и только гений нынешнего руководителя этой территории по-настоящему раскрыл все богатства края: он насадил здесь культуру ведения сельского хозяйства, построил дороги, а также устранил все препятствия на пути промышленного развития Крыма и создания еще одного бесценного источника обогащения империи и ее населения. Именно этот человек стоит у истоков рождения новой эры в истории полуострова»¹⁰⁴.

15 октября итальянец посетил «прекрасное поместье Кильбурн», принадлежавшее бывшему Таврическому гражданскому губернатору Н.И. Перовскому¹⁰⁵. Побывав в Керчи, он отметил, что город «достиг ощутимого прогресса»¹⁰⁶. Подобную похвалу можно считать комплиментом покровителю доктора – М.С. Воронцову, который был инициатором создания Керчь-Еникальского градоначальства и которому Т. Ванцетти посвятил свою книгу.

Не обошел Т. Ванцетти вниманием и других чиновников: «Хочу воспользоваться случаем, чтобы выразить свою горячую признательность Его превосходительству губернатору Тавриды господину Казначееву, керченскому градоначальнику Херхеулидзеву, властям

других городов полуострова [...] Никогда не забуду, как я, иностранец, был удостоен их дружбы и как они всеми силами поддерживали меня»¹⁰⁷.

В 1836 г. по приглашению М.С. Воронцова Крым посетил британец Эдмунд Спенсер. Он оценил усилия князя по улучшению транспортной системы полуострова, ориентированной на путешественников¹⁰⁸, отдал должное успехам в различных сферах, охарактеризовал его руководство как «просвещенное правление»¹⁰⁹. С особым удовольствием он отмечал приглашения М.С. Воронцовым его соотечественников на различные государственные должности¹¹⁰.

Во многих оценках Э. Спенсер сходится с Э.Д. Кларком. Так, он подробно описывал разрушения, причиненные русскими войсками¹¹¹. Э. Спенсер отметил усиление России в XIX в., которую раньше считали «ограниченной в ресурсах северной страной, а сейчас ее мощь нельзя игнорировать»¹¹². При этом англичанин постоянно подчеркивал техническое и социально-политическое превосходство своей родины над Россией. Он настаивал на необходимости либеральных реформ в Российской империи, которые, по его мнению, должны способствовать экономическому росту этих во многом не освоенных еще земель.

В частности, Э. Спенсер назвал торговлю в Керчи «пустяковой»¹¹³. Архивные документы опровергают такую оценку: с момента создания в 1821 г. торговые обороты в градоначальстве выросли к 1836 г. в десятки раз¹¹⁴.

Комплиментарные оценки М.С. Воронцову и его деятельности дал и Чарльз Бойло Эллиот, путешествующий по России в 1830-х гг. Он высоко оценил вклад Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора как крупного помещика в развитие виноградарства и виноделия на Южном берегу Крыма. По его мнению, именно благодаря усилиям М.С. Воронцова производство крымского вина вышло на новый уровень, получив признание во всей России¹¹⁵. Ч. Эллиот не обошел вниманием и имение Нарышкиных в Симеизе. Он упомянул произрастающие там оливки, гранаты, фиговые деревья. По его мнению, там производилось лучшее белое вино в Крыму¹¹⁶.

Воспоминания о керченском градоначальнике Захаре Семеновиче Херхеулидзе оставил немецкий ботаник Карл-Генрих Эмиль Кох, посетивший Крым в 1844 г.: «Керчь <...> имеет отдельного губернатора и во время моего проживания им был грузинский князь Херхеулидзе»¹¹⁷. Путешественник, явно симпатизируя чиновнику, отметил его склонность к германофильству и стремление к развитию науки: «Князь уделяет много внимания делам ближайших окрестностей, особенно естествознанию. Я видел у него отличную коллекцию камней и различных ископаемых <...>»¹¹⁸.

Любопытны замечания К. Коха по поводу желания местных властей превратить ялтинскую гавань в связующее звено между Керчью и Одессой. По его мнению, для начала в южнобережном горо-

де необходимо было возвести мол, способный защитить гавань от сильных ветров. Отметим, что в это время в городе существовала небольшая пристань, и уже велось строительство мола¹¹⁹.

При этом он ставил под сомнение исполнение задуманного в связи с тем, что население Южного берега Крыма состояло преимущественно из крымских татар и российского дворянства. Первые, по его мнению, вели натуральное хозяйство и не участвовали в товарном производстве. Исключение составляло лишь овцеводство и садоводство. Вторые, находились в своих имениях с мая по сентябрь и все необходимое из-за дороговизны на местных рынках привозили с собой либо заказывали из Симферополя¹²⁰.

Среди тех высших чиновников, с кем встречался К. Кох, оказался и Таврический гражданский губернатор В.Я. Рославец, однако ботаник не стал давать ему развернутой характеристики¹²¹.

Положительное восприятие полуострова и его жителей представил в своем путевом очерке американский путешественник Джордж Дитсон. Его поездка состоялась в 1847–1848 гг.¹²² В частности, он дал высокую оценку деятельности А.Э. Ришелье, «добрая память о котором осталась у местных жителей»¹²³. Дж. Дитсон, как правило, не пытался объяснить сути увиденного и редко высказывал собственное мнение. Так, сообщая об упадке торговли в Феодосии, он лишь констатировал выбор Керчи как основного порта¹²⁴. Путешественник особенно ярко описал Керчь-Еникальское градоначальство. З.С. Херхеулидзе и его супруге Лидии Григорьевне (в девичестве Кушникова) он посвятил следующие строки: «Человек, который управляет городом, очень приветлив, а его жена – одна из самых красивых и очаровательных женщин наших дней»¹²⁵.

Записки путешественников по Крыму занимают одну из ключевых позиций среди других источников по истории полуострова конца XVIII – первой половины XIX вв. Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. резко подняло интерес к полуострову. Вслед за императрицей Екатериной II в Крым потянулась длинная вереница иностранных путешественников. Обычно на них производило сильное впечатление то, что для местных жителей было привычным, а потому неприметным. Иностранные путешественники замечали наиболее значимые, бросающиеся в глаза ситуации, процессы и проблемы, существовавшие на полуострове. Они обращали пристальное внимание на успехи и неудачи российской администрации, не боялись критиковать работу губернского аппарата управления, указывали на наличие в Крыму коррупции и злоупотреблений чиновников. Также они часто давали оценки высшим чиновникам Новороссийского края и Таврической губернии, поскольку обычно гостили в их домах и лично общались с ними. В результате записки путешественников сохранили восприятие иностранцами высших чиновников Таврической губернии – как их личных качеств, так и управленческих навыков и методов. Подавляющее большинство

иностранных путешественников первой половины XIX в. обычно хвалебно отзывались о высших чиновниках Таврической губернии, а о российском чиновничестве в целом – весьма критически. «Бюрократ-вредитель» предстает на страницах записок путешественников в обезличенном образе рядового государственного служащего. Высшие чиновники воспринимаются и изображаются иностранными путешественниками как творцы всех успехов российской власти в Крыму, как двигатель прогресса. Напротив, рядовой бюрократ-коррупционер изображается как главное препятствие движению России к прогрессу.

Новороссийский край (Новороссия), Таврическая губерния, генерал-губернаторство, губернаторство, градоначальство, генерал-губернатор, Таврический губернатор, градоначальник, чиновничество, коррупция, крымские татары, иностранный путешественник, травелог, Крым, М.С. Воронцов.

Примечания Notes

¹ Письма леди Рондо жены английского резидента, при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны. Санкт-Петербург, 1874. С. 10–11.

² Роботи Т. Литература «путешествий» // Русская проза. Ленинград, 1926. С. 44.

³ Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века). Киев, 1999. С. 54–46.

⁴ Литературная газета (С.-Петербург). 1840. 31 июля.

⁵ Clarke E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, Africa: In 11 vol. Part 1: Russia, Tahtary and Turkey. Vol. 2. London, 1816.

⁶ Ibidem. P. 179.

⁷ Ibidem. P. 269, 270.

⁸ Observation on Dr. Clarke's Travels in Russia, Tartary and Turkey // American Review of History and Politics. 1812. Vol. 3. P. 70–121.

⁹ Непомнящий А.А., Кравчук А.С. Крым в начале преобразований: На обочине Империи // Крым: Проблемы истории. Москва, 2016. С. 142–155.

¹⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281. Оп.11. Д. 131. Л. 2–6.

¹¹ Там же. Л. 4–5.

¹² Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 190. Д. 542. Л. 222–226.

¹³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 131, 132, 133а.

¹⁴ Reuilly J. Travels in the Crimea, and along the Shores of Black Sea, Performed during the Year 1803. London, 1807.

¹⁵ Ibidem. P. 62.

- ¹⁶ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 542. Л. 222–226.
- ¹⁷ Reuilly J. Op. cit. P. 73.
- ¹⁸ Ibidem. P. 62, 63.
- ¹⁹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1–808.
- ²⁰ Reuilly J. Op. cit. P. 64.
- ²¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (ПСЗРИ1). Т. XXVII. № 20449.
- ²² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3226. Л. 2–11.
- ²³ О переименовании губернского правительства в правление, а казенной экспедиции в палату // Таврические губернские ведомости (Симферополь). 1838. 28 окт.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–3.
- ²⁵ Gabriel de Castelnau. Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie. Statistique des provinces qui la composent. Fondation d'Odessa; ses progrès, son état actuel; détails sur son commerce. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce: 3 tome. Vol. 3. Paris, 1820.
- ²⁶ ПСЗРИ-1. Т. XXVII. № 20449.
- ²⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 542. Л. 135–136.
- ²⁸ Кравчук А.С. К истории российского государственного строительства в Таврической губернии: Первая половина XIX века // Историческое наследие Крыма. Вып. 27. Симферополь, 2016. С. 213–216.
- ²⁹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2865. Л. 1–2.
- ³⁰ Heber R. Life of Reginald Heber, D.D. Lord Bishop of Calcutta. By his Widow: In 2 vol. Vol. 1. London, 1830. P. 261.
- ³¹ Ibidem. P. 261–263.
- ³² Ibidem. P. 262–263.
- ³³ Ibidem. P. 272.
- ³⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 49. Л. 46.
- ³⁵ Heber R. Op. cit. P. 269, 270. Ibidem. P. 258.
- ³⁶ РГИА. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–27; ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 735. Л. 22.
- ³⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 747. Л. 33–35; Д. 805. Л. 15.
- ³⁸ Holderness M. New Russia Journey from Riga to the Crimea, by Way of Kiev with Some Account of Colonization, and the Manners and Customs To which Are Added Notes Relating to the Crim Tatars. London, 1823.
- ³⁹ Ibidem. P. 117–120.
- ⁴⁰ Ibidem. P. 118–121.
- ⁴¹ Ibidem. P. 130, 131.
- ⁴² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2406. Л. 133–134.
- ⁴³ ГАРК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 3–324.
- ⁴⁴ Holderness M. Op. cit. P. 131.
- ⁴⁵ Ibidem. P. 91, 92.
- ⁴⁶ Ibidem. P. 117–118.
- ⁴⁷ Ibidem. P. 134, 135.
- ⁴⁸ Ibidem. P. 133, 134.
- ⁴⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 3 (1822). Л. 3–20.
- ⁵⁰ Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia: In 2 vol. Vol. 1. London, 1825. P. 253, 254.
- ⁵¹ Ibidem. P. 252, 253.
- ⁵² Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. Киев, 2011. С. 382–383.
- ⁵³ Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие в Крым. Симферополь, 2009.
- ⁵⁴ Непомнящий А.А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. № 4. С. 35–42.
- ⁵⁵ Непомнящий А.А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. № 4. С. 38–42.
- ⁵⁶ Непомнящий А.А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. № 4. С. 38–42.
- ⁵⁷ ГАОО. Ф. 1. Оп. 221 (1810). Д. 8. Л. 11; Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора А.М. Бороздина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2013. Т. 26. № 2 (65). С. 59.
- ⁵⁸ Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt; Performed during the Year 1825–1828: Including Particulars of the Last Illness and Death of the Emperor Alexander, and Russian Conspiracy of 1825: In 2 vol. Vol. 1. London, 1830. P. 60.
- ⁵⁹ Кравчук А.С. К биографии таврического гражданского губернатора А.М. Бороздина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2013. Т. 26. № 2 (65). С. 59.
- ⁶⁰ Webster J. Op. cit. P. 60.
- ⁶¹ Ibidem. P. 61.
- ⁶² Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia, Including a Tour in the Crimea, and the Passage of the Caucasus: with Observations on the State of the Rabbinical and Karaite Jews, and the Mohammedan and Pagan Tribes, Inhabiting the Southern Provinces of the Russian Empire: With Maps and Plates. London, 1826. P. 362.
- ⁶³ Ibidem.
- ⁶⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 2. Л. 68–71.
- ⁶⁵ Henderson E. Op. cit. P. 371.
- ⁶⁶ Ibidem. P. 379–382.
- ⁶⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 805. Л. 38.
- ⁶⁸ Там же. Л. 114.
- ⁶⁹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 736. Л. 109.
- ⁷⁰ Whittington. Account of a Journey through Part of Little Tartary; and of Some of the Armenian, Greek, and Tartar Settlements in that Portion of the Russian Empire: From the Journals of Mr. Whittington // Travels in Various

Countries of the East; Being a Continuation of Memoirs Relating to European and Asiatic Turkey. London, 1820. P. 465–468.

⁷² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 117. Л. 32.

⁷³ Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia: In 2 vol. Vol. 1. London, 1825. P. 241, 242.

⁷⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 2 (1811). Л. 3–5.

⁷⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 117. Л. 2–3.

⁷⁶ Lyall R. Op. cit. P. 341–344.

⁷⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 714. Л. 186.

⁷⁸ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2406. Л. 130.

⁷⁹ РИГА. 1284. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.

⁸⁰ Петерс Т.П. «Записки о путешествии неизвестного лица по Крыму, Новороссии и Кавказу. 1818 – 1820» как исторический источник сведений о Крыме (опыт источниковедческого исследования) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 85.

⁸¹ Webster J. Op. cit. P. 64–54.

⁸² Ibidem. P. 93.

⁸³ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 55 (1829). Л. 1–4.

⁸⁴ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 7218. Л. 1–12.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 595. Л. 7об., 8.

⁸⁶ Armstrong T.B. Journal of Travels in the Seat of War, during the Last Two Campaigns of Russia and Turkey; Intended as an Itinerary through the South of Russia, the Crimea, Georgia, and through Persia, Koordistan, and Asia Minor, to Constantinople: With Map Expressly drawn up, and Illustrative of the Author's Tour. London, 1831. P. 46.

⁸⁷ Ibidem. P. 39.

⁸⁸ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 44 (1825). Л. 1–36.

⁸⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 62 (1828). Л. 1–4.

⁹⁰ Alexander J.E. 1830: Travels to the Seat of War in the East through Russia and the Crimea in 1829: In 2 vol. Vol. 1. London, 1830.

⁹¹ Ibidem. P. 248, 249.

⁹² Ibidem. P. 252.

⁹³ Ibidem. P. 249.

⁹⁴ Авсенёва С.Н. Крым глазами путешественников первой половины XIX века: Новые отрывки из путевых записок Яноша Карой Беша // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2014. Т. 27. № 2 (66). С. 4.

⁹⁵ Авсенёва С.Н. Крым глазами путешественников первой половины XIX века: Новые отрывки из путевых записок Яноша Карой Беша // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. 2014. Т. 27. № 2 (66). С. 5, 6.

⁹⁶ Мармон де О. Путешествие Маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегами Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию,

Палестину и Египет. Москва, 1840. Т. 1. С. 209.

⁹⁷ Там же. С. 212.

⁹⁸ Там же. С. 210.

⁹⁹ Там же. С. 213.

¹⁰⁰ Там же. С. 216.

¹⁰¹ Там же. С. 215, 216.

¹⁰² Там же. С. 235, 236.

¹⁰³ Петрова Э.Б. Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 39–74.

¹⁰⁴ Петрова Э.Б. Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 51.

¹⁰⁵ Петрова Э.Б. Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 62.

¹⁰⁶ Петрова Э.Б. Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 47.

¹⁰⁷ Петрова Э.Б. Тит Ванцетти и его «Путешествие в Крым, предпринятое осенью 1835 года» // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2016. Т. 2 (68). № 2. С. 56–57.

¹⁰⁸ Spencer E. Travels in Circassia, Krim Tartary including a Stream Voyage down The Dunabe, from Viena to Constantinople and round Black Sea in 1836: In 2 vol. . Vol. 1. London, 1837. P. 230.

¹⁰⁹ Ibidem. P. 236.

¹¹⁰ Ibidem. P. 3, 4.

¹¹¹ Ibidem. P. 236.

¹¹² Ibidem. P. 54–66.

¹¹³ Spencer E. P. 236.

¹¹⁴ ГАРК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–24.

¹¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 22. Л. 21–22.

¹¹⁶ Elliott C.B. Travels in Three Great Empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott: In 2 vol. Vol. 1. London, 1838. P. 138–140.

¹¹⁷ Koch C. The Crimea and Odessa: Journal of a Tour, with an Account of the Climate and Vegetation by Dr. Charles Koch. London, 1855. P. 23, 24.

¹¹⁸ Ibidem.

¹¹⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 45 (1827). Л. 2–5.

¹²⁰ Koch C. Op. cit. P. 164–165.

¹²¹ Ibidem. P. 236–237.

¹²² Прохорова Т.А. «Другой Крым»: Ретрансляция исторических ми-

фов о России в американской литературе о путешествиях по Крыму в XIX веке // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2015. Т. 1. № 3 (67). С. 42–43.

¹²³ Ditson G.L. Circassia or, a Tour to the Caucasus. New York, 1850. P. 119, 120.

¹²⁴ Ibidem. P. 147.

¹²⁵ Ibidem. P. 171.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Непомнящий Андрей Анатольевич – докт. ист. наук, профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Симферополь)
dr.aan@mail.ru

Кравчук Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Музея истории Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; доцент Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь)
alexkravchuk7@gmail.com

Записки путешественников по Крыму занимают одну из ключевых позиций среди других источников по истории полуострова конца XVIII – первой половины XIX вв. Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. резко подняло интерес к полуострову. Вслед за императрицей Екатериной II в Крым потянулась длинная вереница иностранных путешественников. Обычно на них производило сильное впечатление то, что для местных жителей было привычным, а потому неприметным. Иностранные путешественники замечали наиболее значимые, бросающиеся в глаза ситуации, процессы и проблемы, существовавшие на полуострове. Они обращали пристальное внимание на успехи и неудачи российской администрации, не боялись критиковать работу губернского аппарата управления, указывали на наличие в Крыму коррупции и злоупотреблений чиновников. Также они часто давали оценки высшим чиновникам Новороссийского края и Таврической губернии, поскольку обычно гостили в их домах и лично общались с ними. В результате записки путешественников сохранили восприятие иностранцами высших чиновников Таврической губернии – как их личных качеств, так и управленческих навыков и методов. Подавляющее большинство иностранных путешественников первой половины XIX в. обычно хвалебно отзывались о высших чиновниках Таврической губернии, а о российском чиновничестве в целом – весьма критически. «Бюрократ-вредитель» предстает на страницах записок путешественников в обезличенном образе рядового государственного служащего. Высшие чиновники воспринимаются и изображаются иностранными путешественниками как творцы всех успехов российской власти в

Крыму, как двигатель прогресса. Напротив, рядовой бюрократ-коррупционер изображается как главное препятствие движению России к прогрессу. Новороссийский край (Новороссия), Таврическая губерния, генералгубернаторство, губернаторство, градоначальство, генерал-губернатор, Таврический губернатор, градоначальник, чиновничество, коррупция, крымские татары, иностранный путешественник, травелог, Крым, М.С. Воронцов.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Avsenyova S.N. Krym glazami puteshestvennikov pervoy poloviny XIX veka: Novyye otrvyki iz putevykh zapisok Yanosha Karoy Besh [Crimea through the Eyes of Travelers in the First Half of the 19th Century: New Excerpts from the Travel Notes of Janos Karoy Besh.]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskiye nauki*, 2014, vol. 27, no. 2 (66), pp. 3–9. (In Russian).

2. Kravchuk A.S. K biografii tavrisheskogo grazhdanskogo gubernatora A.M. Borozdina [Toward a Biography of the Taurida Civil Governor A.M. Borozdin.]. *Uchenyye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya: Istoricheskiye nauki*, 2013, vol. 26, no. 2 (65), pp. 45–66. (In Russian).

3. Nepomnyashchiy A.A. Zh.-F. Gamba i ego zapiski o puteshestvii po Krymu [Jean-F. Gamba and His Notes on a Journey to the Crimea.]. *Krymskiy arkhiv*, 1999, no. 4, pp. 35–42. (In Russian).

4. Peters T.P. “Zapiski o puteshestvii neizvestnogo litsa po Krymu, Novorossii i Kavkazu. 1818 – 1820” kak istoricheskiy istochnik svedeniy o Kryme (opyt istochnikovedcheskogo issledovaniya) [“Notes on the Journey of an Unknown Person in Crimea, Novorossia and the Caucasus, 1818 – 1820,” as a Historical Source of Information about Crimea (An Experience of Source Study).]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskiye nauki*, 2016, vol. 2 (68), no. 3, pp. 79–94. (In Russian).

5. Petrova E.B. Tit Vantsetti i ego “Puteshestviye v Krym, predprinyatoye osenyu 1835 goda” [Titus Vanzetti and His “Journey to the Crimea in the Autumn of 1835”]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskiye nauki*, 2016, vol. 2 (68), no. 2, pp. 39–74. (In Russian).

6. Prokhorova T.A. “Drugoy Krym”: Retranslyatsiya istoricheskikh mifov o Rossii v amerikanskoj literature o puteshestviyakh po Krymu v XIX veke [“The Other Crimea”: The Retransmission of Historical Myths about Russia in American Travel Literature on Crimea in the 19th Century.]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskiye nauki*, 2015, vol. 1, no. 3 (67), pp. 32–47. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Kravchuk A.S. K istorii rossiyskogo gosudarstvennogo stroitelstva v

Tavrisheskoy gubernii: Pervaya polovina XIX veka [On the History of Russian State-Building in the Taurida Province: The First Half of the 19th Century.]. *Istoricheskoye naslediyeye Kryma* [The Historical Heritage of Crimea.]. Simferopol, 2016, vol. 27, pp. 207–221. (In Russian).

8. Nepomnyashchiy A.A., Kravchuk A.S. Krym v nachale preobrazovaniy: Na obochine Imperii [Crimea at the Start of the Reorganization: On the Frontier of the Empire.]. *Krym: Problemy istorii* [Crimea: Problems of History.]. Moscow, 2016, pp. 142–155. (In Russian).

9. Roboli T. Literatura “puteshestviy” [Travel Literature.]. *Russkaya proza* [Russian Prose.]. Leningrad, 1926, pp. 42–73. (In Russian).

(Monographs)

10. Nepomnyashchiy A.A. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitiy istoricheskogo krayevedeniya Kryma (poslednyaya tret XVIII – nachalo XX veka) [Travelers’ Notes and Guides in the Development of Local Historical Studies of the Crimea (the Last Third of the 18th – Early 20th Centuries.).]. Kiev, 1999, 212 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Andrey A. Nepomnyashchiy – Doctor of History, Professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Leading Researcher, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Simferopol, Republic of Crimea, Russia)
dr.aan@mail.ru

Alexander S. Kravchuk – Candidate of History, Senior Researcher, Museum of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; Senior Lecturer, Crimean Engineering and Pedagogical University (Simferopol, Republic of Crimea, Russia)
alexkravchuk7@gmail.com

Travelers notes about Crimea hold one of the key positions among other sources on the history of the peninsula in the late 18th and the first half of the 19th centuries. With Crimea becoming part of the Russian Empire in 1783, public interest toward the peninsular rose sharply. Following Empress Catherine II’s visit to Crimea a whole host of foreign travelers started to the same destination. As a rule, they were extremely impressed by what was common and, otherwise, unremarkable for the local population. The foreign travelers paid attention to the most significant, “eye-catching” situations, processes and problems of the peninsular, focusing on the achievements and failures of the Russian administration. They fearlessly criticized the work of province administration, citing various cases of corruption and power abuse by local officials. Senior officials of Novorossiysk Krai and Taurida Province were also described as the travelers were usually received as guests at their houses

and had personal contacts with them. As a result, these travelogues reflect the foreigners’ perception of both personal traits and administrative methods and capacities of the top officials of the Taurida Province. The majority of the foreigners’ accounts dated by the first half of 19th century were complimentary and laudatory as far as the top officials of the Taurida Province were concerned, and fairly critical in case of the Russian bureaucracy at large. Thus, the rank-and-file government official is depicted in the travelogues as a trivial saboteur bureaucrat whereas the high ranking officials are viewed by the foreign travelers as the ones who are behind all that was achieved by the Russian authorities in Crimea and as the engine of progress, with the rank-and-file corrupt bureaucrat depicted as standing in the way of Russia’s advance to progress.

Novorossiysk Krai (Novorossya), Taurida Province, general-governorship, governorship, town administration, Governor-General, Taurida Governor, town governor, officials, corruption, Crimean Tatars, foreign traveler, travelogue, Crimea, Mikhail S. Vorontsov.

А.Е. Перебейнос, Т.Г. Пташко

**УЧАСТИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ УРАЛА
В ОБЩЕСТВЕННОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЖИЗНИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

А.Е. Perebeynos, T.G. Ptashko

**The Participation of Student Youth
in the Social, Cultural and Political Life of the Ural Region
in the Second Half of the 19th –Early 20th Centuries**

Реформы 60-х гг. XIX в. в России создали благоприятную почву для общественно-полезной деятельности российской интеллигенции. Большую роль в этом процессе играла молодежь. Несмотря на всестороннее исследование в отечественной историографии участия молодежи в общественной жизни России периода конца XIX – начала XX вв., роль учащейся молодежи Уральского региона (Оренбургская, Уфимская, Пермская и Вятская губернии) полностью не изучена. Учащаяся молодежь не только пополняла ряды интеллигенции – этой быстрорастущей в пореформенный период социальной группы русского общества, – но и активно поддерживала все ее начинания.

В данной статье авторы рассматривают историю участия уральской учащейся молодежи в общественно значимых делах. Общественная активность учащихся средних учебных заведений наиболее ярко проявлялась в трудовой, культурной и общественно-политической деятельности, в художественном и техническом творчестве, в физкультуре и спорте. Как правило, участие в этой деятельности проходило вне стен учебного заведения, в свободное от учебных занятий время.

* * *

В 80-е гг. XIX в. одной из форм такого участия была практическая помощь, которую оказывали молодые уральцы органам местного самоуправления в распространении грамотности среди населения.

Нередко подростки 14–15 лет, недавно закончившие свое обучение, сами становились учителями сельских школ, где наряду с детьми учились и взрослые. Особенно в работе таких учителей нуждались их сверстники, так как по причине своей неграмотности они испытывали большие трудности при устройстве на работу, становясь «тяжелым бременем для семьи, нося в себе задатки шалопайства, извращенности и грубости, делаая их вредными членами общественного организма»¹.

Учениц Челябинской прогимназии с большой охотой брали пре-

подавать в начальные казачьи школы и в качестве домашних наставниц. По этому поводу «Екатеринбургская неделя» писала: «Нас радует каждая такая ученица, потому что вместе с ними в семью, в эту колыбель человечества, вносится луч света, мало-помалу развевающий мрак человечества»². А позже, когда в 1906 г. в Челябинске была открыта воскресная школа, учителями в ней стали работать ученицы женской гимназии. Они обучали слушателей, возраст которых колебался от 15 до 45 лет³. Ученицы 8 класса Чердынской гимназии также активно участвовали в ликвидации неграмотности на Урале. По окончании учебы все 14 выпускниц продолжили эту работу⁴.

Еще одной общественно значимой сферой жизни, где проявляла себя учащаяся молодежь, была медицина. Незаменимы оказались молодые медсестры в борьбе со вспышками сифилиса, оспы в Туринском округе Тобольской губернии (в 1919 г. Туринский округ (уезд) был передан в Пермскую губернию). Здесь было привито от оспы 52 % всех детей⁵. Благодаря студентам-медикам и сестрам милосердия из школы Пермской общины Красного Креста удалось подавить эпидемию цинги в Ирбитском уезде Пермской губернии⁶.

Вначале учащиеся медицинских учебных заведений участвовали в ликвидации эпидемий на общественных началах, не ставя вопрос об оплате выполняемой работы. Но местные власти и органы местного самоуправления, понимая всю опасность эпидемий и важность борьбы с ней, устанавливали молодым медикам хорошую зарплату. Так, в Шадринске учащимся медицинских учебных заведений, борющимся с распространением холеры, платили по 100 руб. в месяц. Двенадцати студентам-«оспировавателям» (так или «оспенными учениками» называли студентов-медиков, занимавшихся привитием населения от оспы) – за их нелегкий труд Уфимской губернской земской управой было выплачено 1 800 руб.⁷

Существенное разнообразие в повседневную жизнь уральцев вносили устраиваемые учащимися концерты и спектакли. Ученические вечера в средних учебных заведениях Вятки пользовались особым вниманием со стороны общественности. Зрительные залы всегда были заполнены, и не все желающие могли попасть на данные представления. Учащиеся Екатеринбурга, Уфы и других городов также участвовали в концертной деятельности. Очень часто выступления учащихся проходили в лучших городских зрительных залах. Концертные номера, как правило, исполнялись на высоком художественно-эстетическом уровне. Это нашло отражение в местной печати. Так, «Екатеринбургская неделя» в 1893 г. писала, что публика с удовольствием посещает концерты учащихся, так как в них участвуют «музыкальные силы, обладающие симпатичными талантами»⁸.

Иногда выступления просили разрешить для оказания поддержки населению: уфимские учащиеся под влиянием газетных сообще-

ний и разговоров в семье неоднократно обращались с просьбами к директорам учебных заведений дать возможность внести свою лепту в помощь уездам, пострадавшим от засухи. После того как такое разрешение было получено, они «организовали концерт, который проходил весьма успешно»⁹.

Часто концерты и спектакли носили благотворительный характер. Средства, вырученные от концертной деятельности, шли на поддержку плохо обеспеченных учащихся.

Еще одной формой проявления активности учащихся стало их участие в выставках и конкурсах ученических работ, которые получили широкое распространение. Так, в 1888 г. в г. Екатеринбурге прошел конкурс работ учащихся по черчению и моделированию¹⁰.

Серебряными медалями были отмечены «ученик Орской учительской школы Ильджан Уразов за перспективный чертеж классного коридора, ученики Пермского реального училища Николай Мельников за рисунок с натуры “Сельская утварь” и Александр Бушев за эпюру по начертательной геометрии “Колесо конического початого сцепления”»¹¹.

Во время конкурса учащиеся имели возможность обменяться опытом, рассказать о своих творческих планах и за пределами края. Особым изяществом отличались кружева, привезенные Кунгурским женским училищем¹².

Учащиеся средних учебных заведений активно участвовали в изучении и охране природы. На Урале с 1900-го г. весной стали проходить праздники деревонасаждений. Только в 1902–1903 гг. в них приняли участие более 50 учебных заведений Оренбургской и более 10 Пермской губерний¹³.

Вот как 24 апреля 1913 г. проходил такой праздник в г. Оренбурге: «Ранним утром около здания женской гимназии собрались девушки в костюмах, украшенных голубыми, синими, оранжевыми лентами, с изящными цветными сумочками через плечо. Затем они двинулись на площадь перед реальным училищем, где собрались питомцы мужской гимназии, прогимназии, реального училища и учительской школы. Все они были одеты в парадную форму образцовых рот с винтовками и каждая со своим знаменем. У городской Думы к ним присоединились учащиеся приходских училищ. Колонна, насчитывавшая до 10 тысяч человек, под звуки собственного и двух военных оркестров, двинулась на Николаевскую площадь. Там после молебна были посажены деревья. Это шествие по городу представляло настолько торжественную картину, что масса зрителей заняла все балконы и площадки домов по главной улице»¹⁴.

С целью изучения природы, животного мира и птиц родного края стали проводиться специальные экскурсии. Например, в 1914 г. такая экскурсия по берегам Камы была организована для учеников 2-й Пермской мужской гимназии¹⁵.

В связи с возросшим желанием многих учащихся лучше изучить

жизнь животных и птиц Уральского региона при содействии обществу стали возникать «Майские союзы». Одним из первых на Урале было открыто Екатеринбургское отделение «Майского Союза» (1907 г.). «Пермская земская неделя» отмечала, что «союзы эти имеют хорошее влияние на детей: они становятся мягче, отзывчивее, правдивее»¹⁶.

В 1910 г. Пермский губернатор статский советник В.А. Лопухин утвердил устав этого общества. Одной из основных его задач было привлечение учащихся к сохранению животных и «пернатого царства». В музее Уральского общества любителей естествознания 17 марта 1913 г. под председательством инспектора народных училищ В.К. Попова состоялось первое заседание «Уральского майского союза», целью которого было «развитие в подрастающем поколении гуманного чувства ко всем живым существам, любви к природе и разумного отношения ко всем ее дарам. Его членами могли быть все учащиеся, получившие разрешение учебного начальства. Члены обществ имели право ношения значка в виде ласточки»¹⁷. Эта общественная организация учащихся быстро становилась массовой. На ее счету было много интересных и полезных дел.

На рубеже XIX–XX вв. в российском обществе сформировалось понимание необходимости создания системы мер по профилактике и охране здоровья населения и, в первую очередь, молодежи. В решениях Первого общеземского съезда, состоявшегося в 1911 г. в Москве, отмечалось, что «в деле расширения и усиления забот об оздоровлении населения должна была принять на себя школа». Делать это предполагалось посредством воспитания в молодежи основ физической культуры¹⁸.

Юноши и девушки учебных заведений Урала были не только объектом физического воспитания, но и активными участниками создания системы физической культуры, пропагандистами многих видов спорта. В 10-е гг. XX в. заметным явлением в общественной жизни становятся так называемые сокольские праздники учеников и учениц средних учебных заведений. В их программу входили гимнастические упражнения с булавами, лентами, мячами и палками. В 1911–1912 гг. такие праздники прошли в Екатеринбурге, Оренбурге, Уфе, Перми, Бирске, Кустанае. А весной 1914 г. они были устроены в учебных заведениях Белебея, Кунгура, Осы, Чердыни, Челябинска. Как отмечали современники, «во всех названных городах праздники прошли с большим успехом. Масса лиц, присутствующих на этих праздниках: представители правительственных и общественных учреждений, педагогический персонал учебных заведений, учащиеся и их родители, свидетельствует о живом интересе общества к постановке дела физического воспитания молодежи»¹⁹.

В 10-е гг. XX в. на Урале по инициативе общественности стали создаваться общества физического развития учащихся, в которые входили и учащиеся старших классов средних учебных заведений.

Эти общества играли заметную роль в организации и проведении спортивных соревнований по различным видам спорта. Так, в течение зимы 1912–1913 гг. при поддержке Общества физического развития учащихся г. Уфы в саду мужской гимназии силами учащихся был оборудован каток. На нем прошел хоккейный матч между командами гимназистов и реалистов. Победу одержали учащиеся гимназии. На этом ледовом катке Общество физического развития учащихся г. Уфы проводило состязания конькобежцев и фигуристов. Об их популярности свидетельствует тот факт, что в город для участия в соревнованиях приезжали спортсмены из Самары²⁰.

Среди учащейся молодежи Урала были популярны не только зимние, но и летние виды спорта. Например, летом 1913 г. по инициативе Общества физического развития учащихся г. Уфы было организовано первенство Урала по футболу. Учащиеся сразу же откликнулись на это событие, создав сборную ученическую команду. Правда, эта команда не отличалась большой сыгранностью, в результате чего проиграла спортсменам общества 0:8. Более упорным был поединок реалистов и гимназистов. В нем победу одержали последние со счетом 1:0. Теннис – еще один летний вид спорта, который был популярен среди уфимских учащихся. Они тренировались на трех асфальтированных кортах на площадке Ушаковского парка. Здесь в течение лета играло в теннис более 1 200 учащихся²¹.

Участие молодежи в культурной и общественной жизни Урала во многом зависело от уровня ее социальной активности, в основе которой лежало воспитание у учащихся патриотизма, чему должен был способствовать прежде всего учебный процесс. Здесь особая роль отводилась урокам словесности. Так, в Уфимской мужской гимназии выбор тем для сочинений по русскому языку проводился с учетом того, чтобы «они не только возбуждали, но и осмысливали любовь к Отечеству». В этом учебном заведении в 1885 г. ученики 8 класса писали сочинение «Патриотизм в истории греков-римлян и русского народа»²².

Формировать гражданскую позицию и зрелость были призваны и уроки по истории. На первом общеземском съезде по народному образованию, проходившем с 16 по 30 августа 1911 г. в Москве, отмечалось, что целью уроков по истории должна быть «подготовка учеников к пониманию государственного и общественного строя России» и содействие развитию в них любви к Отечеству²³.

Воспитательная работа в этом направлении проводилась и во внеучебное время. Для тематических собраний гимназистами Уфимской мужской гимназии выбирались такие исторические события, в которых проявлялась бы сила любви и преданности Отечеству. Так, 24 октября 1885 г. преподаватель истории изложил события Смутного времени на Руси, причем особенно подробно он остановился на освободительном движении К. Минина и Д.М. Пожарского, разъяснив значение этого события для российской истории. Также в этом

учебном заведении старались выдавать награды ученикам книгами патриотического содержания, такими как «Севастопольская оборона», «Альбом деятелей русской истории», «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году»²⁴.

Учитывая возросший в связи с началом мировой войны интерес учащихся к военной истории, попечитель Оренбургского учебного округа (образованный в 1874 г., он включал в себя Пермскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии) тайный советник Н.И. Тихомиров своим циркуляром от 30 сентября 1914 г. рекомендовал пополнить библиотеки школ, училищ, гимназий военно-исторической литературой²⁵.

Не оставались без внимания учащихся и педагогов юбилейные даты, связанные с именами выдающихся деятелей российской науки и культуры, принесших стране мировую славу. Согласно распоряжению министра народного просвещения Л.А. Кассо об организации праздничных мероприятий, посвященных 200-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, во всех учебных заведениях округа были отменены занятия. Независимо от совершения панихиды предлагалось повсеместно в соответствии с силами и средствами достойным образом почтить память «этого русского гения – самородка с уяснением учащимися его горячей деятельной любви к Отечеству, к русской науке и просвещению». В честь этого знаменательного события среди учащихся Уфы был проведен конкурс на лучшее стихотворение о М.В. Ломоносове. На средства, пожертвованные председателем родительского комитета Уфимской Мариинской женской гимназии Н.Н. Быховским, были назначены три премии: 50, 30 и 20 руб. На конкурс прислали 36 стихотворений, все призовые места достались представителям Уфимского учительского института²⁶.

Примером высокой гражданственности, любви к Отечеству для учащихся были их учителя. Так, преподаватели Троицкой и Екатеринбургской гимназий с получаемого содержания делали пожертвования в пользу раненых на русско-турецком фронте в 1877 г.²⁷. В 1914 г. их примеру последовали наставники учебных заведений Уфы, выразив желание отчислять 3 % от заработка в пользу фронта²⁸.

Это начинание нашло горячий отклик в сердцах учащейся молодежи Урала. Ученики вместе с педагогами приняли активное участие в однодневных кружечных сборах на нужды армии и в пользу Красного Креста. Кружки для сбора пожертвований были поставлены во всех учебных заведениях²⁹. Только с августа по декабрь 1914 г. было собрано более полутора тысяч рублей³⁰. Журнал «Вестник школы» сообщал о том, что в Екатеринбурге две девушки пришли в банк, чтобы сдать свою золотую и серебряную медали на нужды фронта³¹. На эти же цели пошли средства, вырученные от продажи экспонатов, предназначавшихся для Всероссийской выставки в Киве³².

Ученицы гимназий и прогимназий на уроках рукоделия занимались изготовлением теплых вещей для солдат. Такая форма помощи возникла еще в 70-е гг. XIX в. Тогда ученицы Екатеринбургской женской гимназии, «сочувствуя тяжелому положению на востоке братьев-христиан во время сербской войны, собственноручно изготовили три больших тюка белья и прочих вещей». С первого же дня объявления войны Турцией России девушки стали заниматься этой работой не только на уроках, но и в свободное время. «Даже и такие маленькие ученицы приговорительного класса и те шиплют корпию»³³.

Не стали исключением и события 1914 г. Тогда для сбора теплых вещей, изготовленных ученицами средних заведений Урала, при Управлении Оренбургским учебным округом был создан специальный комитет. Туда же отправлялись изделия учащихся среднетехнических и ремесленных учебных заведений, которые, используя оборудование мастерских и лабораторий, способствовали выполнению заказов правительства по испытанию материалов и изготовлению различных принадлежностей для военного ведомства и учреждений Красного Креста³⁴.

Помимо материальной помощи, учащаяся молодежь старалась поддержать солдат и морально. С началом военных действий к ежедневной утренней молитве прибавлялась молитва «Спаси господи и помилуй христоролюбивое воинство». Кроме этого, гимназисты 2-й Пермской мужской гимназии 8 сентября 1914 г. участвовали в крестном ходе и молитве «за Победу Русского оружия»³⁵.

О действенности воспитательной работы, на наш взгляд, может свидетельствовать тот высокий уровень гражданской сознательности, который демонстрировали молодые уральцы. В отчете пермского губернатора действительного статского советника И.Ф. Кошко за 1914 г. отмечалось, что «многие освобожденные от призыва молодые люди пошли на войну добровольно, и были даже случаи, когда забракованные при призыве настойчиво домогались принять их в войска»³⁶.

* * *

Учащаяся молодежь, как одна из самых образованных и «отзывчивых» групп населения, не могла остаться в стороне от участия в общественно-политических и революционных событиях. Как правило, вся революционно настроенная учащаяся молодежь была воспитана на публицистических и художественных произведениях известных литераторов, в которых поднимались актуальные проблемы российской действительности, давались рекомендации «что делать».

Огромное влияние на формирование демократических взглядов учащихся, на готовность их участия в революционном переустрой-

стве существующих государственных устоев оказывали и молодые преподаватели средних учебных заведений Урала. Это были выпускники вузов, часто столичных, которые в свои студенческие годы приобщились к революционной борьбе. Например, во второй половине 70-х гг. XIX в. классный наставник Екатеринбургской гимназии Абрамов распространял среди гимназисток запрещенную литературу. Он же, по заявлению попечительницы гимназии, проповедовал идеи равенства и братства среди учениц. О степени влияния наставника на воспитанников можно судить по следующему факту: узнав о высылке его в Вятку, они подали коллективное прошение об увольнении их из гимназии. Позже они неоднократно навещали своего учителя в Вятке³⁷.

В 1883 г. были лишены права на педагогическую деятельность 19-летние учащиеся Благовещенской учительской семинарии Матвеев и Николаев. Оба «по неблагонадежности в политическом и религиозно-нравственном отношении»³⁸. Выпускник Санкт-Петербургского университета С. Удинцев, прибывший в Златоуст в качестве учителя в дом горного начальника, был арестован 2 января 1885 г. за участие в преступном сообществе в Санкт-Петербурге «Союз молодой народной воли». В связи с такими явлениями в 80-е гг. XIX в. возникла практика негласной аттестации нравственных качеств и политической благонадежности молодых людей, собиравшихся сдавать экзамены на звание учителя³⁹.

Особенно усилилось влияние молодого учительства на формирование оппозиционных самодержавию настроений среди учащейся молодежи в годы Первой русской революции. В 1905 г. унтер-офицеры Верхотурского уездного жандармского управления неоднократно отмечали политическую неблагонадежность учителей. В частности, в сочувствии революционному движению были замечены педагоги Нижнее-Тагильского горнозаводского училища. Учащиеся этого учебного заведения активно занимались изучением политических вопросов и участвовали в противоправительственных демонстрациях. В списках «неблагонадежных» часто можно встретить учителей вместе с их учениками, попавшими под их влияние⁴⁰.

Учащиеся, со свойственной молодежи горячностью и нетерпеливостью, искали ответы на вопросы, которые ставила перед ними жизнь, в запрещенной литературе, участвовали в деятельности нелегальных кружков и организаций. В середине 70-х гг. XIX в. такие организации возникли в 12 учебных заведениях Перми, Вятки, Уфы, Оренбурга и Екатеринбургa. В них велись жаркие споры о проблемах российского общества и будущего страны. Каждый кружок пытался обзавестись нелегальной библиотекой и издавать собственный (рукописный) журнал или газету. Пермские семинаристы выпускали журнал «Бурсак», позднее – «Окурок»⁴¹. В Екатеринбургской женской гимназии выходил журнал «Своими силами». В Николаевской школе Челябинска издавался ученический журнал «Школьный

товарищ»⁴².

В 80-е гг. XIX в. кружки уже действовали почти во всех средних учебных заведениях Урала. Все чаще сами учащиеся занимались пропагандой среди своих товарищей. В 1880 г. сестры Рудневы, ученицы Оренбургской женской гимназии, были замечены в распространении «нигилистических идей» среди гимназистов. За это они были отчислены из учебного заведения⁴³.

В 1900-е гг. XIX в. учащаяся молодежь, по мере обострения политической ситуации в империи, все активнее участвовала в общественно-политической жизни. По данным В.Я. Рушанина, за 1901–1904 гг. количество выступлений учащихся Урала выросло почти в три раза по сравнению с 1895–1900 гг.⁴⁴

К началу революции антиправительственные организации учащихся становятся настолько распространенным явлением, что начальник Пермского губернского жандармского управления полковник Н.П. Евстафьев приказал своим подчиненным собирать в уездах материалы о деятельности таких организаций и их членах. Из анализа этих материалов, а также негласной переписки между директорами учебных заведений видно, что формы борьбы учащейся молодежи были различными. Они участвовали в забастовках, митингах и демонстрациях. Ученица Екатеринбургской женской гимназии Анна Дудина подстрекала учениц кричать на демонстрации «Да здравствует свобода»⁴⁵. В январе 1901 г. 38 учащихся Уральского горного училища устроили забастовку протеста против существующих в учебном заведении порядков⁴⁶.

Своего апогея политическая активность учащейся молодежи достигла во время революционных событий 1905–1907 гг. Семинаристы Оренбургской духовной семинарии и ученицы Челябинской женской гимназии в течение 1905 г. неоднократно участвовали в мавках⁴⁷. А в 1906 г., когда было повешено несколько активных участников событий 1905 г., воспитанницы этой гимназии в знак протеста отказались отвечать на уроках и покинули учебное здание⁴⁸.

В январе 1907 г. гимназисты Уфимской мужской гимназии отметили годовщину «кровавого воскресенья» всеобщим пением «Марсельезы» и «Вечной памяти»⁴⁹. В Туринском горном училище 16 марта 1907 г. 150 учеников объявили забастовку, требуя увольнения преподавателей, плохо обращавшихся с ними. Администрация отказалась пойти на уступки и исключила всех зачинщиков этой акции⁵⁰.

Требования, выдвигаемые учащимися в годы революции, были весьма разнообразными, но большинство из них было направлено на демократизацию среднего образования⁵¹.

В ходе борьбы учащаяся молодежь средних учебных заведений добилась следующих уступок: с осени 1905 г. отменялось ношение формы учащимися вне школы; прекращалась слежка за учащимися и применение к ним физических наказаний; значительно был ослаблен контроль учебной администрации за внешкольным чтением и

участием учащихся в «религиозных отправлениях»; отменено было ведение кондуитов; в составы педсоветов учебных заведений стали входить представители учащихся и родительской общественности с правом решающего голоса по всем проблемам внутришкольной жизни. Возросла роль старост в решении конфликтных вопросов, возникающих между учащимися и администрацией⁵².

Но вскоре после поражения революции старый внутренний распорядок в учебных заведениях был восстановлен практически полностью. Так, ранее отмененные административные наказания и кондуитные журналы вводились вновь; с февраля 1908 г. было снова запрещено ученикам выступать на концертах и вечерах вне стен учебных заведений. Урезаны были права родительских комитетов, многие из них были упразднены. Учащимся средней школы независимо от возраста запрещалось появляться на улице позднее 8 часов вечера зимой и 9 часов – летом; усиливался надзор за квартирами, где проживали учащиеся без родителей. Ученики не имели права без разрешения школьного начальства посещать театры, концерты, вечера, городские библиотеки, публичные лекции⁵³.

Активное участие значительной части учащихся в культурной и политической жизни региона не означало, что в их нравственном и культурном воспитании не было пробелов и проблем. Анализ собранного нами материала свидетельствует, что такие пороки, как пьянство и сквернословие, были присущи и этой категории молодежи.

Так, окружной инспектор народных училищ Оренбургской губернии Соболев докладывал попечителю Оренбургского учебного округа действительному статскому советнику Н.Ч. Зайончковскому, что в Троицкой гимназии пьянство среди учеников было обычным явлением. Причем это имело место не только вне учебного заведения, но даже и в пансионе, где проживали гимназисты. Они «неоднократно были замечены расхаживающими в нетрезвом виде по улицам ночного города с шумными песнями в обществе публичных женщин»⁵⁴.

Ученики Уральского горного училища, по словам комнатного надзирателя (его обязанностями являлось наблюдение за учащимися, пребывание с ними в ночное время, наблюдение за чистотой учеников, посещение занятий в классе, помощь в подготовке уроков и организации свободного времени), «между собой сквернословят самыми похабными словами. Не отпрашиваются ни у кого, являются ночью пьяными и в этом виде идут драться с надзирателем из-за того, что он доносит на учеников. Также двери в общежитии ломают и водят туда девок»⁵⁵.

Корреспондент «Екатеринбургской недели», путешествуя в одном вагоне с учащимися-екатеринбуржцами, тоже отмечал, что «большинство из них курили и сквернословили»⁵⁶.

Склонность к употреблению спиртного была распространена

даже среди семинаристов духовных семинарий. Ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Никодим с горечью отмечал желание семинаристов «пировать на квартирах ночной порой и днем в окрестностях города»⁵⁷.

Эти негативные явления, имевшие место в учащейся среде, были характерны и для других губерний и областей России. Озабоченные этой проблемой, земства Саратовского, Двинского и Олонецкого уездов провели ряд обследований школьников на предмет употребления алкоголя. Результаты были удручающими. Более 2/3 учеников впервые употребили спиртные напитки, когда им еще не было 12 лет. На вопрос «пьете ли вы в настоящее время?» утвердительно ответили более половины опрошенных учеников⁵⁸. Такое положение вещей позволило врачу Д.М. Березкину, издавшему в Санкт-Петербурге несколько популярных брошюр на тему школьного алкоголизма, писать следующее: «Больно сознавать, что пьянство и разврат заразили нашу школу, наше подрастающее молодое поколение. Пьют до бесчувствия студенты вузов, пьют до потери сознания подростки-гимназисты, пьют в начальных училищах школьники, зараза проникла даже в женские учебные заведения. Прочно закрепились в молодых душах грубо эгоистическая привычка к сильным ощущениям»⁵⁹.

Педагоги многих учебных заведений отмечали в своих учениках такие недостатки, как лень, склонность ко лжи, отсутствие бережного отношения к школьному имуществу, небрежность в одежде и выполнении своих ученических обязанностей⁶⁰. Исключением не были даже семинаристы, которые, казалось бы, должны были быть в нравственном отношении значительно выше, чем учащиеся светских учебных заведений. Например, среди пермских семинаристов имело место воровство и мотовство, причем проматывались нередко даже предметы одежды⁶¹.

Кражи как у своих товарищей, так и казенного имущества были распространены в ученическом коллективе Уфимской мужской гимназии. Здесь 18 марта 1884 г. ученики 4 класса были пойманы при попытке воровства экспонатов из минералогическо-зоологического кабинета. При обыске у них были найдены вещи, ранее пропадавшие у одноклассников⁶².

Среди учащейся молодежи имели место поступки, которые носили явно хулиганский, а в ряде случаев даже уголовный характер. Так, 28 ноября 1881 г. ученики Пермской мужской гимназии «напились как сапожники и в этом виде отправились в дом терпимости, где устроили дебош и были арестованы». Некоторые из семинаристов, по словам ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Рафаила, «напиваются до бесчувствия, шумят по городу, ссорятся с обывателями, за что и попадают в съезжий двор и заводят дела судебные»⁶³.

В донесении помощника начальника Пермского губернского

жандармского управления по Екатеринбургскому уезду ротмистра М.А. Подгоричани управляющему Уральскими горными заводами П.П. Боклевскому сообщается: «7 декабря 1906 г. ученики горного училища Л. Гребнев, К. и А. Хромцевы, Г. Титов были задержаны при попытке ограбления типографии г-жи Вельц, причем первый в самом здании с револьвером в руках и марлевой повязкой на лице»⁶⁴.

Обыватели Кунгура были обеспокоены тем, что у учеников местного училища установились «неприятные отношения» с рабочей молодежью, что было поводом для частых потасовок и драк⁶⁵.

Среди учащихся довольно часто встречались грубость и жестокость не только по отношению к сверстникам, но и к педагогам⁶⁶. Так, учащийся Уфимского землемерного училища Свешников, «пропустивший самовольно три экзамена, был вызван к директору для объяснений. Там он вел себя дерзко, а когда ему предложили написать заявление об уходе, бросился на директора для кулачной расправы»⁶⁷.

В 1887 г. в Екатеринбурге произошел дикий случай, который до этого не имел аналогов в учебных заведениях России. Учеником 6 класса Екатеринбургской гимназии Алексеем Скачковым из револьвера был застрелен директор гимназии Я.И. Предтеченский. Преступник был приговорен к 13 годам поселения в Сибири⁶⁸.

* * *

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. учащаяся молодежь Урала принимала активное участие в организации и проведении важнейших мероприятий общественной и культурной жизни.

Учащиеся помогали земствам в распространении грамотности среди населения, занимались изучением и охраной природы. Учащиеся медицинских учебных заведений участвовали в борьбе с эпидемиями.

Учащиеся устраивали концерты и спектакли не только для товарищей по гимназии или училищу, но и для жителей города. Художественная самодеятельность учащихся именно в эти годы выходит за стены учебных заведений. Очень часто концерты и спектакли носили благотворительный характер. Средства, вырученные от концертной деятельности, шли на поддержку плохо обеспеченных учащихся.

Учащаяся молодежь Урала сыграла значительную роль в становлении системы физической культуры и спорта. Именно в этот период молодежь начинает регулярно заниматься спортом: складывается система тренировок, организуются соревнования. Уральские школьники-спортсмены участвовали в соревнованиях, выезжая в различные города России.

Существенную роль в формировании у учащихся патриотизма,

любви к Отечеству, к родному краю играли уроки словесности, истории, географии, а также внеклассные мероприятия по этим учебным предметам.

В военные годы учащаяся молодежь Урала активно помогала русской армии и Российскому обществу Красного Креста, собирая пожертвования и вещи, необходимые на фронте.

В начале XX в. идеи социал-демократов и социалистов-революционеров быстро воспринимались учащейся молодежью Урала, росла ее политическая активность. Накануне революции 1905–1907 гг. массовый протест учащихся вызвал внутренний распорядок, существовавший в учебных заведениях. Учащейся молодежи и общественности удалось в ходе революционной борьбы добиться существенной демократизации многих сторон системы народного образования. После поражения революции средняя школа лишилась многих завоеваний. При этом старый внутренний распорядок в средних учебных заведениях был восстановлен почти полностью.

Примечания Notes

- ¹ Екатеринбургская неделя. 1886. 5 февр.
- ² Екатеринбургская неделя. 1886. 28 мая; 29 июня.
- ³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГА-ЧО). Ф. 1732. Оп.1. Д. 50 Л. 23.
- ⁴ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 693. Оп. 1 Д. 41. Л. 28.
- ⁵ Екатеринбургская неделя. 1888. 27 марта.
- ⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 552. Л. 9.
- ⁷ Екатеринбургская неделя. 1892. 19 июля; Вестник Уфимского земства 1880. Вып II. Т. VIII–VI. Уфа, 1881. С. 46.
- ⁸ Екатеринбургская неделя. 1893. 4 июля.
- ⁹ Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 1. С. 53–55.
- ¹⁰ Екатеринбургская неделя. 1893. 4 июля.
- ¹¹ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1888. № 5. С. 127–139.
- ¹² Екатеринбургская неделя. 1890. 15 июля.
- ¹³ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1904. № 12. С. 91.
- ¹⁴ Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 5. С.299–300.
- ¹⁵ ГАПО. Ф. 171. Оп. 1 Д. 4. Л. 36.
- ¹⁶ Пермская земская неделя. 1907. 15 нояб.
- ¹⁷ Попов В.Е. Открытие в г. Екатеринбурге Пермской губернии общества под названием «Уральский майский союз» // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 3. С. 159.
- ¹⁸ Постановления Первого общеземского съезда по народному образованию в г. Москве 16–30 августа 1911 г. Уфа, 1912. С. 12.

- ¹⁹ ГАПО. Ф. 171. Оп. 1 Д. 4, 38; Вестник Оренбургского учебного округа 1912. № 4. С. 243; № 5. С. 314; 1914. № 4. С. 267.
- ²⁰ Вестник Оренбургского учебного округа. 1912. № 7-8. С.449.
- ²¹ Там же.
- ²² Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАБР). Ф. И-119. Оп. 1. Д. 51. Л. 51.
- ²³ Постановление Первого общеземского съезда по народному образованию в г. Москве 16–30 августа 1911 г. Уфа, 1912. С. 16.
- ²⁴ ЦИГАРБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 51. Л. 51.
- ²⁵ ГАПО. Ф. 172 Оп.1 Д.1а Л. 20–23.
- ²⁶ ЦИГАРБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 209. Л.18,11,20.
- ²⁷ Пушинов О.И., Зеленецкий А.К., Лавровский В. А. Двадцатипятилетние Троицкой гимназии (1873–1898). Троицк, 1900. С. 45.
- ²⁸ Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6-7. С. 700.
- ²⁹ ГАПО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1а. Л. 41,50; Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6-7. С. 664–668.
- ³⁰ Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 8. С. 478.
- ³¹ Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6-7. С. 399.
- ³² ГАПО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1а. Л. 64.
- ³³ Отчет о состоянии Екатеринбургской женской гимназии за 1876 – 77 гг. Екатеринбург, 1877. С. 12.
- ³⁴ ГАПО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 47. Л. 147; Ф. 172. Оп. 1. Д. 1А. Л. 86; Вестник Оренбургского учебного округа. 1914. № 6-7. С. 640, 661.
- ³⁵ ГАПО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 4. Л. 38; Ф. 172. Оп. 1. Д. 1А. Л. 65.
- ³⁶ ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 62. Л. 1об.
- ³⁷ ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 423. Л. 6, 7, 11об., 17об., 30, 31, 51об.
- ³⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 93. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 217. Л. 15, 15об., 79.
- ⁴⁰ ГАСО. Ф. 519. Оп. 1 Д. 50. Л. 18, 18об.; Д. 123. Л. 60, 65, 65об.; Ф. 521. Оп. 1 Д. 12. Л. 343–358.
- ⁴¹ Рушанин В.Я. Нелегальные библиотеки уральской учащейся молодежи (60 – 80-е гг. XIX в.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (29). С. 7–11.
- ⁴² ОГАЧО. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 50. Л. 22; Рушанин В.Я. Журналы и газеты учебных заведений Урала (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10 (269). С. 50–54.
- ⁴³ РГИА. Ф. 733. Оп. 200. Д. 25 Л. 1–1об.
- ⁴⁴ Рушанин В.Я. Молодежное движение в России: Региональный аспект (1861 – 1904 гг.). Челябинск, 1998. С. 105, 115.
- ⁴⁵ ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 12. Л. 315.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–6.
- ⁴⁷ ОГАЧО. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 50. Л. 8, 35.
- ⁴⁸ Там же. Л. 30.
- ⁴⁹ ЦГИАРБ. Ф. И-119. Оп. 2. Д. 6. Л. 13.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 71. Л. 35, 35об.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 72. Л. 4–6; Ф. 185. Оп. 1 Д. 71. Л. 35, 35об.; Ф. 538. Оп. 1. Д. 22. Л. 4, 4об.; Ф. 552. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 423. Л. 6–7.

⁵² Тебиев Б.К., Шамахов Ф.Ф., Усачева Р.Ф. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Конец XIX – начало XX вв. Москва, 1991. С. 38, 39, 42, 51.

⁵³ ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 69. Л. 43об.; Ф. 529. Оп. 1. Д. 15. Л. 113; ЦГИ-АБР. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 188. Л. 1, 7; ГАПО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 47. Л. 50. Д. 28. Л. 27, 58; Вестник Оренбургского учебного округа. 1012. № 7-8. С. 472; 1913. № 7-8. С. 387; Тебиев Б.К., Шамахов Ф.Ф., Усачева Р.Ф. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: Конец XIX – начало XX вв. Москва, 1991. С. 59–61, 65.

⁵⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 709. Л. 51.

⁵⁵ ГАСО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 207об.

⁵⁶ Екатеринбургская неделя. 1893. 12 дек.

⁵⁷ Новиков Н.Н., Шестаков И.В. Очерки из истории Пермской семинарии // История Пермской духовной семинарии. Т. 4. Вятка, 1901. С. 37.

⁵⁸ Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 6. С. 374; № 4. С. 263, 264.

⁵⁹ Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. № 6. С. 389.

⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 164. Д. 911. Л. 4, 4об., 9, 10, 10об., 11, 21об.; Оп. 165. Д. 709. Л. 48; Новиков Н.Н., Шестаков И.В. Очерки из истории Пермской семинарии // История Пермской духовной семинарии. Т. 4. Вятка, 1901. С. 3.

⁶¹ Новиков Н.Н., Шестаков И.В. Очерки из истории Пермской семинарии // История Пермской духовной семинарии. Т. 4. Вятка, 1901. С. 22.

⁶² ЦГИАРБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 44. Л. 15об.

⁶³ РГИА. Ф. 733. Оп. 164. Д. 911. Л. 4.

⁶⁴ ГАСО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 167. Л. 8.

⁶⁵ Екатеринбургская неделя. 1895. 15 янв.

⁶⁶ ГАПО. Ф. 693. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–22; ЦГИАРБ. Ф. И-119. Оп. 1. Д. 338. Л. 1–5.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 217. Л. 218об.

⁶⁸ Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1887. № 6. С. 79–81.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Перебейнос Артем Евгеньевич – канд. ист. наук, доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск)

nos75@mail.ru

Пташко Татьяна Геннадьевна – канд. пед. наук, доцент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (Челябинск)

ptashko75@mail.ru

В статье освещается участие учащейся молодежи в культурной, спортивной, общественной и политической жизни Урала во второй половине XIX – начале XX вв. На основе архивных документов, обнаруженных авторами, впервые удалось выявить основные направления общественной активности учащейся молодежи на территории Оренбургской, Уфимской,

Пермской и Вятской губерний. Учащиеся средних учебных заведений уральских городов помогали органам местного самоуправления в распространении грамотности среди сельского населения и в оказании медицинской помощи крестьянам, особенно во время эпидемий. Кроме того, учащаяся молодежь содействовала озеленению городов и другой природоохранной деятельности. Учащаяся молодежь Урала сыграла значительную роль в становлении системы физической культуры и спорта в России. Именно в этот период молодежь начинает регулярно заниматься спортом: зарождается тренировочный процесс, складывается система соревнований по различным видам спорта. Большой вклад внесла учащаяся молодежь и в развитие театральной и концертной самодеятельности, которая способствовала развитию культурного уровня населения. Особое внимание авторы уделяют анализу участия учащейся молодежи в политической деятельности, особенно активно – в борьбе за политические свободы и за демократизацию системы среднего образования в России. Вместе с тем авторы рассматривают проявления нравственной незрелости и девиантного поведения среди учащейся молодежи Урала: пьянства, сквернословия, грубости, жестокости, участия в уличных драках. Авторы приходят к выводу, что во второй половине XIX – начале XX вв. учащаяся молодежь уральских городов принимала все более активное и разностороннее участие в общественной, культурной, спортивной и политической жизни своих губерний, что было характерно и для всего российского общества.

Средняя школа, учащийся средней школы, гимназист, общественная деятельность, культурная деятельность, художественная самодеятельность, спортивное соревнование, политическая активность, демократизация образования, Урал, Оренбургская губерния, Уфимская губерния, Пермская губерния, Вятская губерния.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Rushanin V.Ya. Nelegalnyye biblioteki uralskoy uchasheysya molodezhi (60 – 80-e gg. XIX v.) [The Illegal Libraries of Ural Student Youth (in the 60s – 80s of the 19th Century.).]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv*, 2012, no. 1 (29), pp. 7–11. (In Russian).

2. Rushanin V.Ya. Zhurnaly i gazety uchebnykh zavedeniy Urala (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vekov) [Student Journals and Newspapers of Ural Educational Institutions (second half of the 19th – beginning of the 20th Centuries.).]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnyye nauki*, 2012, no 10 (269), pp. 50–54. (In Russian).

(Monographs)

3. Rushanin V.Ya. Molodezhnoye dvizheniye v Rossii: Regionalnyy aspekt (1861 – 1904 gg.) [The Youth Movement in Russia: A Regional Aspect (1861 –

1904).]. Chelyabinsk, 1998, 131 p. (In Russian).

4. Tebiev B.K., Shamakhov F.F., Usacheva R.F. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR: Konets XIX – nachalo XX vv. [Essays on the History of the School and the Pedagogical Thought of the Peoples of the USSR: End of the 19th – beginning of the 20th Centuries.]. Moscow, 1991, 445 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Artem E. Perebeynos – Candidate of History, Senior Lecturer, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia)
nos75@mail.ru

Tatyana G. Ptashko – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, South Ural State Humanitarian Pedagogical University (Chelyabinsk, Russia)
ptashko75@mail.ru

The article highlights the participation of student youth in cultural, sport, social and political life of the Ural region in the second half of the 19th – early 20th centuries. Based on the archival documents discovered by the authors, it offers the first description of major activities of the student youth on the territory of Orenburg, Ufa, Perm, and Vyatka provinces. Secondary school students helped the local authorities to spread literacy among rural population and render medical aid to the peasants, particularly, during epidemics. Besides, the student youth was involved in urban planting and other environmental activities. The students of the Ural region played a substantial role in the development of physical culture and sports in Russia. It is at this period that the youth takes up sports on a regular basis, with the training process and a network of competitions in different sports coming into practice. A lot was contributed by the student youth to the development of theatrical and concert amateur activities raising the population's cultural level. The authors pay a special attention to the analysis of the student's youth participation in the political life, especially, in their struggle for political freedoms and for the democratization of secondary education system in Russia. At the same time, attention is paid to the manifestations of moral immaturity and deviant behaviour among the student youth of the Ural region: alcoholism, foul language, rudeness, and street fights.

Secondary school, secondary school student, gymnasium student, social activities, cultural activities, amateur art, sports competition, political activity, democratization of education, Urals, Orenburg province, Ufa province, Perm province, Vyatka province.

А.Б. Безбородов, Т.И. Хорхордина

АРХИВЫ И ВЛАСТЬ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И РОССИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

A.B. Bezborodov, T.I. Khorkhordina

Archives and Power: The State Archival Service in the Formation of Historical Consciousness and Russian Social and Cultural Identity

В истории отечественного архивного дела 2018 г. ознаменовался 100-летним юбилеем Государственной архивной службы, образованной Декретом СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» от 1 июня 1918 г. Эта дата стала началом создания централизованной системы государственного управления архивным делом.

Отсутствие в дореволюционном архивном деле общей и единой законодательной базы тормозило развитие исторических и других общественных наук. Переход оконченных делопроизводством документов в текущие архивы, а оттуда – в исторические, был чрезвычайно затруднен. Архивы учреждений, несмотря на правительственные распоряжения, десятилетиями удерживали у себя не только созданные ими и оконченные документы, но даже документальные комплексы упраздненных учреждений.

В связи с этим следовало выделить архивное дело в самостоятельную отрасль государственного управления, для чего необходимо было изъять исторические архивы из ведомств, передав их в специально созданные государственные хранилища, а также обеспечить постоянное комплектование исторических архивов материалами ведомств и учреждений.

Декрет от 1 июня 1918 г. отразил суть новой организации архивного дела в стране и положил начало архивной реформе, в ходе проведения которой был образован Единый государственный архивный фонд (ЕГАФ) – вершинное достижение отечественной архивоведческой мысли. В состав ЕГАФ вошли документы не только ведомственных исторических архивов, но и текущего делопроизводства центральных учреждений, местного административного управления, общественных организаций, а также частновладельческие фонды и коллекции.

Идея создания Единого государственного архивного фонда и централизованного управления им была выдвинута и разработана прогрессивно мыслящими историками и архивистами – членами

образованного еще в марте 1917 г. Союза российских архивных деятелей (Союз РАД). Они разрабатывали проекты реформы архивного дела, заключающиеся в централизации процессов комплектования, хранения и описания архивного наследия, используя при этом опыт западноевропейских архивистов. Так, заместитель председателя Союза Н.В. Голицын и начальник Архива и библиотеки Св. Синода К.Я. Здравомыслов разработали первый проект Положения о Главном архивном управлении, член Союза В.В. Снигирев подготовил доклад «Западноевропейское архивное законодательство как материал для устройства архивного дела в России».

Несмотря на то, что первый руководитель Союза РАД академик А.С. Лаппо-Данилевский, в октябрьские дни 1917 г. подписал официальное заявление от Российской Академии наук, которое начиналось следующими словами: «Великое бедствие постигло Россию...»¹, для спасения архивов и строительства архивной системы на демократической основе члены Союза пошли на сотрудничество с новыми властями в лице известного деятеля российского революционного движения, собирателя документов по истории марксизма Д.Б. Рязанова. Для проведения архивной реформы и собирания документального наследия Рязанов сумел сплотить ведущих отечественных архивистов и историков – Н.И. Ардашева, С.А. Белокурова, М.М. Богословского, С.К. Богоявленского, Ю.В. Готье, Б.Д. Грекова, В.Н. Егорова, А.А. Кизеветтера, И.Л. Маяковского, Б.И. Николаевского, С.Ф. Платонова, М.А. Полиевктова, А.Е. Преснякова, Е.В. Тарле и других, а также известного философа Н.А. Бердяева.

По замыслу реформаторов, Единый государственный архивный фонд, целью образования которого объявлялось «лучшее научное использование» (п. 7 Декрета), был разделен на секции – административные органы управления. В секции в качестве отделений вошли родственные между собой по содержанию бывшие ведомственные архивы с сохранением в их составе исторически сложившихся фондов. Принципы происхождения и недробимости отдельного фонда соблюдались реформаторами неукоснительно, что спасло архивные фонды от распыления.²

Первым годам Советской власти были присущи глубочайшие изменения не только в государственном устройстве, но и всей жизни общества: лишенные своей собственности, которая переходила государству, владельцы предприятий, банков, магазинов и т.д., земельных угодий, а также имений и усадеб, покидали их. Документальные собрания при этом оказывались в бедственном положении, многие из них гибли.

Главархив (Главное управление архивным делом – ГУАД), созданный Декретом в структуре Наркомпроса РСФСР в июне 1918 г., возглавил масштабную работу по спасению и собиранию докумен-

тальных комплексов, хранившихся в упраздненных новой властью учреждениях и организациях, церковных архивов, выявлению и передаче на государственное хранение частновладельческих собраний документов и материалов.

ГУАД, руководителем (управляющим) которого был назначен Д.Б. Рязанов, стал первым общероссийским органом государственного управления архивной отраслью и начал свою деятельность первоначально в Петрограде. После переезда Совнаркома РСФСР в Москву в ноябре 1918 г. Московское областное управление было преобразовано в Главное управление архивным делом, в Петрограде же оставлено Петроградское отделение с собственной коллегией, возглавляемой профессором С.Ф. Платоновым.

Координировала работу архивов Коллегия ГУАД, перед которой была поставлена задача организации собирания и комплектования архивов на всей территории Советской России.

* * *

За 100 лет своей деятельности Государственная архивная служба стала одним из атрибутов российской государственности, а архивы – одной из важнейших составляющих российской культуры. Ее роль в формировании исторического сознания народов многонациональной России и российской социокультурной идентичности велика, ее невозможно переоценить. Документы самих центральных и региональных органов управления архивным делом стали важнейшей составной частью Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ), источниковой базой для изучения ее 100-летней истории как части истории Российской государственности. И источниковедческое освоение этих документов отечественные историки-архивисты всегда считали и считают своим профессиональным долгом и своим научным призванием.

В год 100-летнего юбилея историко-архивоведческая наука обогатилась новыми источниками по истории архивного дела и архивного строительства России: вышло в свет документальное издание в двух томах «Архивы и власть. Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918 – 1928 гг.», подготовленное коллективом ГАРФ. Издание было осуществлено под общей редакцией С.В. Мироненко и Т.И. Хорхординой. Руководителем авторского коллектива стала Л.А. Роговая. Составителями стали О.Н. Копылова (ответственный редактор и составитель), Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов, Т.Н. Котлова, В.П. Наумов, Т.И. Хорхордина, В.И. Широков.

Впервые публикуемый целостный комплекс документов, хранящийся в полном объеме в фондах Государственного архива Российской Федерации, воссоздает картину формирования и становления архивного дела в послереволюционное десятилетие, заложившего

основы последующего развития и строительства отечественной архивной системы. Издание уникальных документов и материалов является результатом подготовленного в рамках Указа Президента РФ «О праздновании 100-летия государственной архивной службы России» (№ 314 от 10 июля 2017 г.) – большого научного проекта, вносящего вклад не только в историю архивного дела и архивоведческую мысль, но и в историю российской государственности и в историю российской культуры в целом. Именно так, без ложной скромности, можно расценить выход в свет этого фундаментального издания.

В документальном двухтомнике публикуется комплекс протоколов и журналов заседаний коллегии ГУАД–Центрархива РСФСР с момента образования ГУАД в 1918 г. и до 1929 г., когда Постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР Центрархив был упразднен и создано Центральное архивное управление РСФСР (ЦАУ), что и предопределило выбор хронологических рамок публикации.

Материалы, вошедшие в 1-й том, охватывают 1918–1920 гг. – период в истории архивной отрасли, когда ею руководил Д.Б. Рязанов, поэтому авторы предисловия О.Н. Копылова и Т.И. Хорхордина называют его «рязановским».³

Во 2-м томе опубликованы протоколы заседаний Коллегии ГУАД–Центрархива РСФСР за 1921–1928 гг. В эти годы Главархивом руководил историк-марксист М.Н. Покровский, проводивший линию на «политизацию» архивного дела страны.

Авторы-составители проделали колоссальную работу по выявлению, археографическому описанию и комментированию архивных источников, освещающих документальную историю «своей» отрасли – развитие архивного дела, складывание сети государственных архивов, собирание и концентрацию архивных фондов в указанное десятилетие.

История российских архивов – прежде всего история личностей, их подвижнического труда. Не случайно публикаторы предварили 1-й том посвящением «коллегам-архивистам эпохи великих потрясений, сохранившим для грядущих поколений бесценные документальные сокровища». Двухтомное издание изобилует именами и биографическими справками о тех, кто оставил след в сложной и драматичной судьбе архивов и внес вклад в сохранение документальной памяти Отечества. В материалах, включенных в издание, сохранились имена и выдающихся историков и архивных деятелей, и сотен рядовых сотрудников центральных и региональных архивов.

Протоколы заседаний Коллегии Главархива дополняются материалами совещаний и комиссий, а также протоколами совещаний при заведующем ГУАД (с 1 ноября 1919 г. по 21 августа 1920 г.). В двухтомник включены самостоятельным разделом и тексты протоколов совещаний управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ за 1918–1920 гг., а также коллегии Петроградского

отделения, сыгравшей значительную роль в методическом и методологическом обеспечении различных направлений архивного дела. В период деятельности «рязановского» ГУАД Петроградское отделение, без преувеличения, являлось «мозговым» центром архивоведческой науки страны. Историки и архивоведы – Я.Л. Барсков, Ю.И. Гессен, Н.В. Голицын, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков, Е.В. Тарле и другие – решали сложные организационные и насущные проблемы подготовки архивистов на Архивных курсах Петроградского археологического института и разрабатывали проекты многих декретов и постановлений по архивному делу. Протоколы совещаний управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ всеобъемлюще раскрывают состояние архивного дела не только в Петрограде, но и в северных губерниях страны, входящих в круг ведения отделения, – Новгородской, Псковской, Тверской, Олонецкой и Архангельской губерний.

Кроме того, в двухтомник включены протоколы заседаний инспекции и Научно-издательской комиссии Главархива, значительно дополняющие и конкретизирующие картину отечественного архивного строительства. Опубликованные в издании источники позволяют более полно раскрыть многие сюжеты этого насыщенного событиями периода в судьбах отечественных архивов, знаменовавшегося сложным, порой противоречивым, но целенаправленным переходом от дореформенной ведомственной разобщенности к научным основам организации архивного дела.

* * *

Яркая черта документального двухтомника – тщательная продуманность работы, строгая системность изложения, убедительная логичность структуры.

Новаторский подход проявился в разработке авторами-составителями технологии выявления и публикации уникальных архивных источников с обоснованием различных методических и методологических приемов, то есть ими были решены вполне конкретные задачи, имеющие системно-целостный историко-архивоведческий характер. Умелое и последовательное применение современных научных методов публикации исторических источников позволило воссоздать полную картину развития и эволюции архивов и архивоведческой мысли не только на фоне российских, но и общемировых процессов.

Опубликованные архивные документы не исчерпываются протоколами и журналами Коллегии Главархива. В издание вошли подготовительные материалы к заседаниям коллегий: доклады, докладные записки, отчеты, письма и другие документы, значительно дополняющие информацию, содержащуюся в протоколах. Публикаторы провели колоссальную работу по поиску в фонде Р-5325 соот-

ветствующих материалов к протоколам.

В качестве приложений в издание включены Схемы секционного деления ЕГАФ (1918 – 1920 гг.) и Перечня дел из фонда Главархива СССР. Необходимость их помещения вызвана, как отмечают составители, формированием дел с протоколами заседаний Коллегии Главархива таким образом, что они рассредоточены по различным делам фонда Р-5325. Отчеты губернских уполномоченных, инспекторов ГУАД, переписка о состоянии архивного дела на местах и т.д. расположены в отдельных «досье»: отсылки к ним помещены в примечаниях по содержанию, что облегчит исследователям их поиск.

Несомненным достоинством издания является его научно-справочный аппарат. Он включает именной (развернутый) и географический указатели, а также указатель архивных учреждений и архивных комплексов, библиографию (к каждому тому), список сокращенных слов.

Открывает 1-й том общее предисловие к изданию. Кроме того, каждый том предваряют введения, характеризующие ключевые события, явления и процессы в истории архивного строительства за определенный хронологический период, а также особенности состава и содержания публикуемых источников.

Бесспорную самостоятельную ценность имеют и развернутые комментарии, выполненные на высочайшем профессиональном уровне, обогащающие наши представления о развитии архивоведческой мысли и архивов.

Осуществленное на современном научном уровне издание оформлено в лучших традициях публикационной практики: каждый документ датирован, снабжен заголовком, поисковыми данными (легендой), в которых указано место хранения, подлинность (копийность). Тексты документов сопровождаются комментариями и ссылками на первоисточник, а также на именной указатель, которые органично вписываются в «повествовательную канву». Все это делает издание удобным для работы и научного использования.

Именной указатель имеет самостоятельное научное значение. Во 2-м томе помещен сводный именной комментарий, являющийся, по сути, биографическим справочником, содержащим ценную информацию об архивистах и историках, работавших в системе отечественных архивов в 1918–1928 гг., составленный, в основном, по архивным документам. Перед читателем предстают судьбы, творческий путь и деятельность ученых и архивистов-практиков, внесших вклад в развитие российских архивов.

Авторы-составители выявили интереснейшие документы, раскрывающие этапы развития архивов в указанный период, малоизвестные страницы создания и деятельности частных архивов, истории научной мысли архивистов-практиков, архивоведов и историков, драматичные страницы развития государственных архивов в 1918–1928 гг.

Удачно избрана структура сборника, носящего ярко выраженный антропологический характер. Авторы идут от конкретного анализа деятельности людей, от наличествующего человека, который был первопричиной исторических событий, их подлинным творцом. С нашей точки зрения, особое достоинство подлинно научного произведения, каким является документальный двухтомник «Архивы и власть», заключается в том, что оно построено на уважении к личности человека, к его, выражаясь философским языком, «самости». Раскрытая авторами-составителями преемственная связь поколений позволяет выявить роль архивов в непрерывной череде событий, из которых складывается летопись жизни человека, общества и государства, способствует глубокому пониманию, что такое архив, архивный документ, и каким должно быть отношение к архивистам как хранителям общественной памяти и к их труду.

* * *

Двухтомник отличает стремление авторов-составителей к «очеловечиванию» архивной истории – стремление показать «человеческое измерение» архивов, восстановить на основе отобранных к публикации источников быт и труд рядовых архивистов, которые вместе со всей страной испытали все сложности и опасности переживаемого времени.

Включенные в 1-й том документальные свидетельства о начальном периоде архивного строительства показывают драматичную историю собирания в труднейших условиях Гражданской войны ослабевшими от голода архивистами разрозненных и часто брошенных на произвол судьбы архивов и документальных коллекций.

Так, на совещании управляющих Петроградским отделением секций ЕГАФ врач А.А. Садов привел красноречивые данные о нормах питания в связи с продовольственным положением в городе. Он проинформировал членов Коллегии, что архивисты и их семьи в августе-октябре 1918 г. получили по продовольственным карточкам на 80 % меньше минимальной продовольственной нормы, особо отметив, что «малейшие отклонения» от нее «наносит непоправимый вред организму». Более того, на одном из последующих заседаний (протокол № 16 от 14 ноября 1918 г.) он сделал угрожающий вывод: «Последствия такого голодания не только отражаются на современном поколении, но отразятся и на потомстве»⁴.

Питание московских архивистов, как и вообще «архивная повседневность», если и отличались от петроградских, то только в худшую сторону. К недоеданию добавлялись физические лишения, недостаток отопления в квартирах и архивах – все это приводило к высокой смертности среди архивистов, о чем свидетельствовал очевидец, архивный деятель А.С. Николаев: «В Москве из 27 архивных деятелей только в I Отделении II секции скончались пять <...>

Н.Н. Маркова нашли в квартире мертвым. Он лежал на полу возле стола, в пальто, шапке, галошах. На столе неоконченная записка, в которой Марков просил сослуживца зайти к нему. Записка оборвалась на слове “коченею” <...>⁵. Руководитель одной из секций с болью отмечал: «<...> Вымирание архивных служащих идет гигантскими шагами <...>⁶. Руководство Главархива, как могло, старалось облегчить жизнь архивных служащих, из-за отсутствия транспорта перевозивших на саночках или переносивших вручную тюки с выброшенными бумагами из упраздненных учреждений. Протокол № 2 совещания при заведующем ГУАД 4 ноября 1919 г. гласит: «Исключительно тяжелые условия жизни, переживаемые служащими учреждений г. Москвы, содержание которых далеко не соответствует ценам на продукты, одежду, обувь и топливо, побудили некоторые учреждения выдать им ссуду в размере месячного оклада содержания с погашением ее в рассрочку на несколько месяцев и, кроме того, специальный аванс на приобретение топлива». Было принято единогласное решение ходатайствовать об отпуске этих сумм. Однако членами Коллегии высказывалось опасение, что обязательное погашение выданной ссуды «к известному сроку» может неблагоприятным образом повлиять на «покупную способность» сотрудников.⁷

Коллегии Главархива с самого начала своей деятельности пришлось вести борьбу против захвата помещений архивов более могущественными ведомствами. Уже на втором заседании коллегии ГУАД (протокол № 2 от 14 ноября 1918 г.), члены Коллегии заслушали доклады инспекторов Главного управления Л.И. Львова и М.С. Вишневого о стремлении Научно-технического отдела Московского Совета народного хозяйства занять помещение, принадлежащее Архиву бывшей Московской духовной консистории, а также завладеть частью принадлежавшего ему инвентаря. Более того, «выяснилось, что Научно-технический отдел не предполагает удовольствоваться уже занятым помещением в этом доме, а намеревается настаивать на очищении всего помещения, занятого под архив, для своих нужд <...>».

Коллегия постановила, что ГУАД является «учреждением государственным, и вводимое ими дело представляется делом особой важности и принадлежащие ему исторические документы и дела нуждаются в особо бережном к ним отношении <...>»⁸.

Таких фактов было немало. Коллегия улаживала ситуации, связанные с недооценкой новыми учреждениями и организациями значения документального наследия и проводила широкую разъяснительную и просветительскую работу.

Так, протокол № 16 от 9 декабря 1918 г. свидетельствует, что Клинский уездный Совет местных народных судей собирался уничтожить без составления описей все законченные дела мировых судей (с 1864 по 1890 гг.), уездного по крестьянским делам присут-

ствия (с 1874 по 1890 гг.), земских начальников и уездного суда (с 1890 по 1917 гг.) и волостных судов (с 1861 г. по день прекращения деятельности судов). Решение уездного Совета объяснялось «утратой этими делами всякого значения».

Коллегия не согласилась как с решением об уничтожении дел, так и с мотивами уничтожения и постановила: «Уведомить Совет, что, согласно декрета от 1 июня с.г., все означенные дела подлежат тщательной охране со стороны Совета под страхом указанной в декрете ответственности».

Коллегия вынуждена была оперативно реагировать на многочисленные ситуации, связанные с угрозой сохранности архивных дел. В частности, находящиеся в Никольской башне Кремля: «Обратиться к Комиссии по реставрации Кремля с просьбой о принятии срочных мер к вставке рам в башне, указав, что гибнут от атмосферических невзгод дела высокой ценности» (протокол № 6, 8 октября 1920 г.)¹⁰.

Главархив также добился прекращения противозаконных действий Центроутиля ВСНХ, который в условиях бумажного кризиса готов был использовать для утилизации архивы бывших частновладельческих предприятий и даже правительственных учреждений.

В протоколах освещаются проблемы архивного дела в регионах, связанные с трудностями создания новых и реорганизации старых архивов, концентрацией документов и т.д. Практически на каждом заседании решались вопросы ассигнования денежных средств на нужды архивистов, охрану архивных материалов и в целом налаживание архивной работы (протоколы № 2 от 13 ноября 1918 г., № 4 от 20 ноября 1918 г., № 5 от 27 ноября 1918 г.).

Вместе с тем шел напряженный поиск учеными и специалистами оптимальных путей архивного строительства в Советской России. Так, на совещании под председательством Д.Б. Рязанова и при его поддержке (протокол № 5 от 27 ноября 1918 г.) была образована «особая комиссия» для разработки проекта издания архивных документов. В результате в ноябре 1918 г. была создана Научно-издательская комиссия Главархива. Протоколы заседаний комиссии (с 30 ноября 1918 г. по 22 февраля 1919 г.) показывают масштабную программу издательской деятельности архивных учреждений. Комиссия, в которую входили историки и архивисты С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, М.А. Полиевктов, А.Е. Пресняков, А.Н. Савин, В.Н. Сторожев и А. Н. Филиппов, единогласно постановила в интересах исторической науки издавать «систематически, планомерно, в широких размерах» источники по истории России. Было принято решение о подготовке и издании не только новых сборников («Отчеты и дела Департамента полиции», «Материалы по делу декабристов», «Памятники дипломатических сношений нового времени»), но и о продолжении дореволюционных изданий: «Духовные и договорные грамоты великих князей», «Письма и бумаги Петра I», «Архив Государственного Совета» и других. Пораз-

ительно, что в условиях «бумажного голода» большинство запланированных изданий удалось осуществить.

На заседаниях Коллегии обсуждались и методические вопросы архивного дела: о разработке учетных справочников, методике составления архивных описей, каталогизации, приемах издания архивных документов, редакционной политике журнала «Исторический архив», программе практических занятий для слушателей Архивных курсов и другие. Коллегией были утверждены «Правила издания документов» (1919 г.), а также «Правила пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребностей» (1920 г.), опубликованные в 1921 г. в «Сборнике декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу»¹¹.

В январе 1920 г. начинается поиск и выявление в архивах ленинских документов, о чем свидетельствует протокол совещания при заведующем ГУАД (протокол № 36): «произвести розыск статей В.И. Ленина в архивных материалах»¹².

О подвижничестве характере повседневного труда архивистов свидетельствуют протокольные записи. Деятельность по обеспечению сохранности документов – это, в определенном смысле, и есть история архивов. В материалах заседаний инспекции Главархива, созданной в июне 1918 г. под руководством А.Е. Преснякова, можно почерпнуть сведения о деятельности инспекторов по спасению и собиранию архивных фондов и музейных коллекций, перевозке документов в центральные хранилища из различных, «неблагополучных» в связи с Гражданской войной, губерний. К протоколу инспекции от 28 июня 1919 г. приложен отчет инспектора Главархива, руководителя образованного в январе того же года Хранилища частных архивов, А.М. Фокина о командировке в Гомельскую губернию и перевозке архива из дворца князей Паскевичей. Почти на каждом заседании Коллегии Главархива заслушивались отчеты губернских уполномоченных и инспекторов ГУАД о состоянии и проблемах архивного дела на местах, организации губернских и уездных архивов и местных органов архивного управления. Историк-славист В.И. Пичета был назначен главным инспектором ГУАД. В его подчинении находились инспекторы: архивовед и литературовед Н.Ф. Бельчиков; архивист и библиограф, высланный в 1922 г. из Советской России и ставший одним из создателей Русского заграничного исторического архива в Праге, А.Ф. Изюмов, архивовед и филолог М.С. Вишневецкий и другие, внесшие огромный вклад в формирование Государственного архивного фонда.

Важнейшим направлением деятельности Главархива был контроль за положением архивного дела на местах. Приведем один из многочисленных протоколов заседаний Коллегии, посвященных этому вопросу: а) «просить председателя Тамбовской ГУАК Алексея Николаевича Норцова <...> принять меры к полной охране всего архивного материала Тамбова и Тамбовской губернии; б) Тамбов-

ский губисполком просить о полном содействии А.Н. Норцову по охране того же материала» (протокол 4 от 20 ноября 1918 г.)¹³.

В связи с массовым закрытием монастырей, храмов и духовных учебных заведений проблема сохранения архивов церковных учреждений требовала безотлагательного решения. В числе привлеченных к осмотру и охране материалов архива Троице-Сергиевой Лавры был философ Н.А. Бердяев, служивший в ГУАД научным сотрудником в Хранилище частных архивов. Кроме того, он получил задание организовать перевозку материалов профессоров Московской духовной академии, а также архива писателя и философа В.В. Розанова (протокол № 137 от 5 сентября 1919 г.). В ГАРФ хранится заявление Н.А. Бердяева от 22 февраля 1919 г. с просьбой принять его на работу: «Покорнейше прошу зачислить меня на какую-либо должность по архивному делу»¹⁴.

Беспокоила руководство Главархива и угроза гибели усадебных архивов, которые историк, председатель Императорской Археографической комиссии с 1900 по 1917 гг. С.Д. Шереметев, умерший в ноябре 1918 г., называл «культурными гнездами» России. Главархив принимал неотложные меры по их охране и концентрации в государственных хранилищах. Историк, генеалог, художник и писатель П.С. Шереметев, сын Сергея Дмитриевича, обратился еще в октябре 1918 г. в Московское областное архивное управление: «<...> Считаю долгом обратить внимание <...> на необходимость спасения <...> замечательных архивов, сохранившихся до последнего времени в отдельных усадьбах в разных губерниях России <...> Судьба подобных архивов, ввиду потрясений на местах, чрезвычайно печальная. Многие, вероятно, уже погибло, но тем важнее спасти то, что еще уцелело»¹⁵. В итоге для концентрации документальных собраний из усадебных архивов в январе 1919 г. при поддержке Д.Б. Рязанова было создано Хранилище частных архивов, сотрудники которого по всей России собирали гибнущие частновладельческие архивы. Проблемы сохранности усадебных архивов Шереметевых, Юсуповых, Гагариных, Голицыных и других, а также и перевозки их центральные хранилища обсуждались и решались и позже – Коллегией Централархива РСФСР (протокол № 1 от 7 января 1925 г.).

Деятельность Главархива при Рязанове, который стремился ослабить чрезмерную политизацию, строилась на научной основе. В соответствии с Декретом был провозглашен принцип гласности в пользовании архивных документов исследователями, что быстро перестало отвечать интересам укрепления новой власти и стало вызывать ее недовольство. На состоявшемся 27 августа 1920 г. заседании Коллегии ГУАД (протокол № 1), где присутствовали М.Н. Покровский, А.М. Полянский, В.Н. Сторожев, В.В. Адоратский, принято решение: «Ввиду отъезда заведующего Главархивом Д.Б. Рязанова, с 23 августа заведование ЕГАФ <...> принимает на себя зам. нар. комиссара по просвещению М.Н. Покровский»¹⁶. То есть

именно тот член Коллегии, который открыто заявлял свою «классовую позицию»: мол, «архивы находятся в руках чужих людей», поэтому старых специалистов, перед которыми «дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта», необходимо заменять «нашими людьми»¹⁷.

Изменения в работе Главархива и системе отечественных архивов в целом не заставили себя долго ждать¹⁸.

Протокол № 4 заседания новой Коллегии ГУАД от 17 сентября 1920 г. гласит: 1. «По выслушивании предложения М.Н. Покровского об образовании в составе ЕГАФ Государственного архива РСФСР» вынесено постановление об его учреждении «для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов»¹⁹.

Смена руководства Главархива и последовавшие кадровые перестановки как в центральных, так и региональных архивных учреждениях, проходившие на фоне укрепления единовластия партии большевиков на большей части территории бывшей Российской империи и во всех сферах жизни страны, свидетельствовали о новом курсе в области партийно-государственной архивной политики.

Начала возрождаться ведомственность в архивном деле, которую с большим трудом преодолевали историки-архивисты в 1918–1920 гг. Об изменении курса, направленного на политизацию архивной отрасли и усиление роста влияния на нее партийного аппарата, свидетельствует учреждение Совнаркомом по предложению М.Н. Покровского в сентябре 1920 г. Истпарта – Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б). Созданный в 1924 г. Архив Истпарта образовал систему партийных архивов, долгие десятилетия недоступных широкому кругу исследователей.

24 ноября 1921 г. по представлению М.Н. Покровского Президиумом ВЦИК было принято постановление о передаче Главного управления архивным делом, которое переименовывалось в Центрархив РСФСР, из ведения Наркомпроса РСФСР в подчинение ВЦИК. Отметим, что М.Н. Покровский еще в 1918 г. при обсуждении проекта архивной реформы отстаивал идею «политического значения архивов» и добивался передачи создающегося Архивного управления во ВЦИК, так как считал, что архивы должны находиться «при короне».

Скоро последовала реорганизация секционного деления ЕГАФ, сопровождавшаяся «чисткой» архивных кадров. В 1922 г. для обследования Петроградского отделения и секций ЕГАФ был командирован В.В. Максаков, которому предоставлялось право отстранения должностных лиц от исполнения служебных обязанностей, и даже приостановление деятельности архивохранилищ. В.В. Максаков заявил о необходимости введения в состав Коллегии Петроградского отделения лиц, пользующихся «политическим доверием со стороны власти и партийных учреждений». В итоге Коллегией Центрархива

было принято постановление об укреплении Петроградской коллегии членами РКП(б) (протокол № 85 от 24 ноября 1923 г.)²⁰.

В августе 1923 г. В.В. Максаков снова инспектировал Петроградское отделение и с удовлетворением констатировал, что новая коллегия стала «коммунистической»²¹.

В 1920-е гг. начали создаваться политсекции при губернских архивных бюро. В губернских архивах, как и в центральных, повсеместно проводилась замена беспартийных сотрудников членами ВКП(б). С докладом о положении дел в провинциальных архивных бюро в апреле 1924 г. на заседании Коллегии Центрархива выступил В.В. Максаков (протокол № 7). Члены Коллегии поставили задачу пересмотра личного состава сотрудников губернских архивных бюро, а в качестве «ударного задания» – организацию политсекций. На следующем заседании Коллегии 25 ноября 1924 г. было постановлено: «Настоятельно просить губкомы и губисполкомы о замене беспартийных заведующих губернскими архивными бюро партийными товарищами» (протокол № 28)²².

* * *

Опубликованные во 2-м томе протоколы Коллегии Центрархива дают возможность составить объективную картину влияния процессов идеологизации и политизации архивов на их деятельность: проведение «макулатурных кампаний», кадровые «чистки», становление режима засекречивания и т.п.

Они дают достаточные основания для того, чтобы сделать исключительно важный вывод: к началу 1920-х гг. создание ЕГАФ предоставляло все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая могла бы сплотить все культурные слои общества. В России было то, чего не было ни в одной другой стране мира – историософское отношение к архивам как к внутренне целостным, живым организмам, по самой своей природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего и имманентно присущим жизнедеятельности Личности, Общества и Государства. Однако партийно-государственный аппарат пресек эту историческую и многообещающую перспективу, начав процесс монополизации управления архивами на жесткой идеологической основе вместо осуществления принципа их централизации на научном фундаменте.

Вторая половина 1920-х гг. отмечена значительным усилением «политизации» архивов и стремлением карательного аппарата партии большевиков в лице ОГПУ контролировать все стороны архивной деятельности. Один из многочисленных опубликованных документов свидетельствует: «Переброска в Москву бывшего архива Департамента полиции дала возможность поставить планомерную работу по изучению материалов этого архива в целях выявления

многочисленной армии жандармов, полицейских, агентов охраны, секретных сотрудников и т.д.». На основании этих материалов архивисты вынуждены были исполнять запросы «специальных органов»²³.

Много внимания Коллегией Центрархива уделялось деятельности военных архивов, а также приему-передаче находящихся в Ленинграде военных архивов: «ускорить прохождение приказа о переходе Морского архива в полное ведение Центрархива» (протокол № 100 от 22 июня 1923 г., протокол № 101 от 13 июля 1923 г., протокол № 1 от 4 января 1924 г., протокол № 3 от 1 февраля 1924 г., протокол № 12 от 26 июля 1924 г.).

Неоднократно обсуждался вопрос о взаимоотношениях Центрархива с входившим в Главнауку музейным ведомством, которые в 1920-е гг. были сложными: еще на Первой Всероссийской конференции архивных деятелей (1921 г.) состоялась дискуссия о разграничении понятий «архив», «библиотека», «музей». С этого времени началась борьба за место хранения коллекций письменных источников, изначально отложившихся в рукописных отделах музеев и библиотек. Так, 4 ноября 1924 г. (протокол № 25) было решено обратиться к Музейному отделу Главнауки с просьбой о передаче Центрархиву всех архивных материалов, находящихся в музеях. Особо было указано, что Центрархив является единственным хранителем архивов в РСФСР.

Центрархивом ясно осознавалась приоритетная роль комплектования, и в течение 1920-х гг. его усилиями завершилась концентрация в государственных архивах документов дореволюционного периода. И сразу же был начат прием документов советской эпохи.

Была создана Комиссия по разработке Положения об архивах при действующих учреждениях, установлен контроль за постановкой делопроизводства в государственных и общественных учреждениях. Так уже в 1920-е гг. в государственных архивах начался переход к планомерной работе по комплектованию, учету и описанию архивных документов.

Протоколы раскрывают масштабную деятельность Центрархива по налаживанию работы архивов союзных республик, организации новых архивов, а также размежеванию фондов между ними. Первоочередной задачей Центрархив наметил «разработку вопроса об организации местных архивных учреждений в связи с районированием СССР» (протокол № 12 от 6 июня 1924 г.)²⁴.

Одним из насущных вопросов, которым занимался Центрархив, являлась подготовка кадров архивистов. Еще на Первой Всероссийской конференции архивных деятелей (1921 г.) обсуждался проект организации в Москве и Петрограде высших учебных заведений – архивно-археографических институтов²⁵, оставшийся нереализованным. В связи с этим Центрархивом были организованы архивные курсы, а также создан кабинет архивоведения при

Центрархиве.

* * *

Таким образом, двухтомник «Архивы и власть» ввел в научный оборот многочисленные и крайне важные источники по истории деятельности ГУАД–Центрархива РСФСР, выполнивших сложнейшую задачу не только спасения от гибели и сохранения архивных и музейных фондов, но и формирования новой системы отечественных архивов. Это фундаментальное издание, включившее в себя огромный корпус не публиковавшихся ранее источников, позволяет объективно проанализировать механизм принятия решений на высшем уровне по вопросам архивного дела. Тем самым это издание документальных материалов органов управления архивным делом значительно расширило источниковую базу изучения истории не только Государственной архивной службы, но и российской государственности в целом. Опубликованные протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивным делом впервые дали ясное представление о том новом, что привнесли архивы не только в историческую науку и архивное дело, но и в историю взаимоотношений Личности, Общества и Государства.

Научная и культурная ценность данного издания будет огромным подспорьем не только для историков и архивоведов, но и для политологов, культурологов, краеведов, социологов, и других специалистов, изучающих историко-документальное наследие России и этапы его формирования, историю российской государственности. Можно без преувеличения сказать, что вышедшее в свет издание является существенным вкладом в архивоведческую мысль и мировую культуру в целом.

Примечания Notes

¹ *Ростовцев Е.А.* Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. Вып. 1. Санкт-Петербург, 2001. С. 237.

² *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. Москва, 2003. С. 298–299.

³ *Копылова О.Н., Хорхордина Т.И.* Предисловие // Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие: Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918 – 1928 гг.: Сборник документов. В 2 т. Т. 1: 1918 – 1920 гг. Москва, 2018. С. 41.

⁴ Архивы и власть: Первое послереволюционное десятилетие: Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918 – 1928 гг.: Сборник документов. В 2 т. / Отв. ред. *О.Н. Копылова*. Составители: *О.Н. Копылова, Б.Ф. Додонов, Н.С. Зелов, Т.Н. Котлова, В.П. Наумов, Т.И. Хорхордина, В.И. Широков*. Т. 1: 1918 – 1920

гг. Москва, 2018. С. 595.

⁵ Николаев А.С. Главное управление архивным делом (апрель – октябрь 1918 г.) // Исторический архив. 1919. № 1. С. 62.

⁶ Копылова О.Н., Хорхордина Т.И. «Спасены архивные дела, фактически спасены от гибели»: Из протоколов руководящих органов управления архивным делом в 1918 – 1928 гг. // Отечественные архивы. 2010. № 4. С. 84.

⁷ Архивы и власть... Т. 1. С. 369.

⁸ Там же. С. 59.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 518.

¹¹ Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Москва, 1921. С. 113–122.

¹² Архивы и власть... Т. 1. С. 432.

¹³ Там же. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325. Оп. 12. Д. 2197. Л. 6.

¹⁶ Архивы и власть... Т. 1. С. 512.

¹⁷ Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917 – 1980-е гг. Москва, 1994. С. 85.

¹⁸ Шумейко М.Ф. Реализация информационной функции белорусских архивов в 1920 – 1930-е гг. // История и архивы. 2018. № 1. С. 46–63.

¹⁹ Архивы и власть... Т. 1. С. 516.

²⁰ Архивы и власть... Т. 2: 1921 – 1928 гг. Москва, 2018. С. 143.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 1. Д. 6. Л. 87.

²² Архивы и власть... Т. 2. С. 250.

²³ Там же. С. 672.

²⁴ Там же. С. 220.

²⁵ ГА РФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 312. Л. 7, 7об.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Безбородов Александр Борисович – докт. ист. наук, профессор, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва) bezborodov.a@rggu.ru

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна – докт. ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва) ioad@yandex.ru

В статье анализируются основные вопросы архивного строительства в России в первое десятилетие Советского государства. Этот анализ основан на документах двухтомника «Архивы и власть», вышедшего в свет к 100-летию Государственной архивной службы России. Целостный комплекс документов по истории органов управления архивным делом в

Советской России и СССР в 1918–1928 гг. хранится в Государственном архиве Российской Федерации. В двухтомник было включено огромное количество документов этого комплекса, большинство из которых ранее никогда не публиковались и не использовались историками. По оценке авторов статьи, публикация этих документов в двухтомнике «Архивы и власть», значительно расширила источниковую базу изучения архивного строительства и архивной мысли в России. Документы раскрывают масштабную работу по спасению и собиранию документального наследия, которую проводил первый общероссийский орган государственного управления архивной отраслью – Главное управление архивным делом (ГУАД). Протоколы заседаний Коллегии ГУАД–Центрархива, как показано авторами статьи, позволяют раскрыть многие события, явления и процессы в судьбах отечественных архивов в 1918–1928 гг. Это первое послереволюционное десятилетие стало периодом трудного и противоречивого, но целенаправленного перехода от ведомственной разобщенности к централизации управления архивами и научным основам организации архивного дела. Документальный двухтомник впервые позволил объективно проанализировать механизм принятия решений на высшем уровне по вопросам архивного дела. Как показали авторы на основе опубликованных документов, партийно-государственный аппарат вместо реализации принципа централизации архивного дела на научном фундаменте осуществил монополизацию управления архивами на жесткой идеологической основе. Один из выводов, к которому пришли авторы статьи, состоит в том, что документальный двухтомник «Архивы и власть» значительно расширил источниковую базу изучения истории не только Государственной архивной службы, но и российской государственности в целом.

Диктатура большевиков, Единый государственный архивный фонд, Государственная архивная служба, Главное управление архивным делом, Центрархив РСФСР, Союз российских архивных деятелей, государственный архив, частный архив, архивоведение, археография, источниковедение, Д.Б. Рязанов, М.Н. Покровский.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Nikolayev A.S. Glavnoye upravleniye arkhivnym delom (aprel – oktyabr 1918 g.) [The Main Archival Administration (April – October 1918)]. *Istoricheskiy arkhiv*, 1919, no. 1, pp. 3–63. (In Russian).

2. Shumeyko M.F. Realizatsiya informatsionnoy funktsii belorusskikh arkhivov v 1920 – 1930-e gg. [The Implementation of the Information Function of the Belarusian Archives in the 1920s – 1930s.] *Istoriya i arkhivy*, 2018, no. 1, pp. 46–63. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Rostovtsev E.A. Deyatel'nost' A.S. Lappo-Danilevskogo v Rossiyskoy akademii nauk [The Activities of A.S. Lappo-Danilevsky at the Russian Academy of Sciences.] *Istochnik. Istorik. Istoriya* [Source. Historian. History.]. St. Petersburg, 2001, vol. 1, pp. 135–246. (In Russian).

(Monographs)

4. Khorkhordina T.I. *Istoriya Otechestva i arkhivy: 1917 – 1980-e gg.* [The History of the Fatherland and the Archives: 1917 – 1980s.]. Moscow, 1994, 360 p. (In Russian).

5. Khorkhordina T.I. *Rossiyskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [The Russian Science of Archives: History. Theory. People.]. Moscow, 2003, 525 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Alexander B. Bezborodov – Doctor of History, Professor, Rector, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
bezborodov.a@rggu.ru

Tatyana I. Khorkhordina – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
ioad@yandex.ru

The article analyzes the main issues of archival construction in Russia during the first decade of the Soviet state. The analysis is based on documents from the two-volume edition titled “Archives and Power” which was published on the occasion of the centenary of Russia’s State Archival Service. State archives keep a full range of documents concerning the history of administrative bodies in charge of archives in Soviet Russia and the USSR in 1918–1928. A huge number of documents from this variety is included in the two volumes of the book, with most of them never published and used by historians before. The book “Archives and Power”, argue the authors of the article, considerably expands the source base for researching archival construction and archival science in Russia. The documents indicate what a large-scale activity was carried out by the Main Archival Administration (GUAD), the first all-Russia administrative body in charge of archives, saving and collecting this documentary heritage. As the authors of the article show, a lot of events, developments and processes in the period of 1918–1928 are revealed through the records and protocols of the meetings of GUAD-Central Archives (Tsentrarhiv of the RSFSR). The first post-revolutionary decade saw a targeted transition, though a difficult and contradictory one, from departmental segmentation to centralized management of archives and scientific principles of archiving. The documentary two-volume edition offers the first objective analysis showing the mechanism of high-level

decision-making in archiving. According to the authors of the article, the published documents show that the party and state machine, instead of centralizing archiving on scientific principles, monopolized the management of archives on a hard-line ideological basis. The fundamental edition “Archives and Power” has enlarged the source base for the historical research of the State Archival Service as well as the one of Russian statehood in general.

Bolshevik Dictatorship, Unified State Archival Fund, State Archival Service, Main Archival Administration, Tsentrarhiv of the RSFSR, Union of Russian Archival Personnel, state archives, private archives, Archival science, Archeography, Source studies, David B. Ryazanov, Mikhail N. Pokrovsky.

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Everyday Life in Russia

Е.Н. Бадмаева

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА КАЛМЫКИИ В 1920-Е ГОДЫ

E.N. Badmaeva

Everyday Life and the Political Mood of the Peasantry of Kalmykia in the 1920s

В современной отечественной историографии одним из ведущих направлений стала история повседневности, прежде всего повседневности крестьянства, которое на протяжении многих веков составляло большинство населения страны. За последние два десятилетия различные аспекты повседневной жизни крестьянства в XIX–XX вв., влияние на крестьянскую повседневность модернизационных процессов и социальной политики государства исследовались российскими специалистами как в формате монографий¹, так и в формате журнальных статей².

В данной статье ставится задача исследовать повседневную жизнь крестьянства Калмыкии в 1920-е гг. и в этой связи проанализировать политические настроения крестьян, восприятие ими социально-экономического и политического развития Калмыцкой автономной области (КАО).

Изучение отношения крестьян к проводимым экономическим и общественно-политическим мероприятиям Советской власти (нэпу, налоговой политике, избирательным кампаниям, борьбе с неграмотностью и т.д.), а также к протестным, антисоветским выступлениям поможет, на наш взгляд, хотя бы отчасти раскрыть повседневные реалии жизни калмыцкого крестьянства, выявить степень политической и гражданской активности сельских жителей.

В КАО ярко проявлялись все социально-экономические процессы, протекавшие в стране, но в то же время они имели свою специфику. Автономная область отличалась полиэтничностью крестьянского населения с преобладанием коренных жителей, что дает возможность раскрыть проявление национальных особенностей повседневной жизни крестьян.

Для написания статьи были использованы сохранившиеся пись-

менные свидетельства: письма, обращения, устные разговоры, отмеченные в различных информационных донесениях о политических взглядах простых крестьян, их суждения и мнения в контексте диалога с властью. Ценные сведения по теме статьи имеются в материалах обследований, проведенных в первое десятилетие Советского государства различными органами, комиссиями и экспедициями. Некоторые сведения о «жизненном мире» калмыцкого крестьянства имеются в публикациях ответственных работников КАО, вышедших в первое послеоктябрьское десятилетие.

* * *

1920-е гг. для крестьянства Калмыкии, как в целом для всего российского крестьянства, стали особым периодом в их жизни. Калмыцкий народ постигли тяжелейшие испытания во время Гражданской войны, отличавшейся на юге России особым ожесточением, и он понес большие людские и материальные потери³. В военное и послевоенное время по всей стране происходили коренные изменения в социальной структуре, материальной среде обитания и духовной сфере.

Однако до конца 1920-х гг. основные занятия калмыцких крестьян, способы ведения хозяйства, их образ жизни почти не претерпели изменений. Как трактует советская историография, калмыцкому скотоводу были присущи общие черты патриархального русского крестьянина: консервативность, приверженность исконным традициям в способе ведения скотоводческого хозяйства, быту и мировоззрении, узость интересов, замкнутость и ограниченность, молчаливая покорность, раздробленность на бескрайних степных просторах⁴.

Основная масса населения была пассивна, неграмотна и забита тяжелым непосильным трудом. Крестьянский образ жизни имел цикличность, отлаженный ритм труда и отдыха. У калмыка, по существу, в отличие от русского народа, праздничных дней в году было не так много⁵.

Вся повседневная жизнь простых калмыков проходила в будничном быту – выживании и социальном подчинении (они прекрасно понимали свою нишу в социальной иерархии), основанном на давних монгольских традициях. И отсюда – консервативный тип мышления и весьма настороженное отношение к новациям. Для калмыцкого крестьянина главной ценностью традиционного образа жизни являлось скотоводство как основа его жизнедеятельности и то, что он умел и имел – отличные навыки и способности по уходу и выращиванию четырех видов скота. Занятие земледелием, право работать на земле не являлось для калмыка главной ценностью.

После революции калмыки в массе своей продолжали заниматься кочевым скотоводством, практически круглосуточно жили в пере-

носных юртах и кибитках, которые легко собирались и разбирались, что было удобно для кочевой жизни. Временные поселения калмыков назывались «хотоны», объединявшие несколько семей, совместно ведших общее хозяйство. Основным продуктом питания кочевников-скотоводов оставались мясо и молоко. Лишь малая часть калмыцкого населения была занята земледелием и рыболовством. Земледельцы и рыбаки жили в кибитках, но вели оседлый образ жизни. Некоторые калмыки в оседлых поселениях строили глинобитные дома, построенные из самана с минимальным набором мебели и домашней утвари. Рацион питания оседло живущих калмыков состоял в основном из мяса и молока, иногда включал хлеб и рыбу.

Смена общественно-политического строя почти не повлияла на традиционные нормы поведения и образ жизни степняка. И даже такое значительное событие, как Российская революция 1917 г., не могло в одночасье изменить менталитет кочевника. В калмыцком обществе почитались и сохранялись многовековые обычаи, ритуалы, национальные обряды культуры, наряду с поклонением Степи, культивировался культ Семьи, уважения и беспрекословного подчинения старшим. Важнейшим содержанием сельской повседневности региона, как и прежде, оставался непрерывный физический труд крестьянина по обеспечению своей семьи. Калмыки традиционно бережно относились к созданию и сохранению семьи, к семейным ценностям. Так, брачная инициатива исходила от родителей, и сын не мог не согласиться с родительским выбором невесты для него. Дочь также не могла ослушаться родительского решения и покорно соглашалась с ним, зачастую выходя замуж за практически незнакомого ей мужчину. Родители подыскивали мужа или жену своим детям с учетом прежде всего их благосостояния и родовой принадлежности⁶.

Советская власть в первые послеоктябрьские годы пыталась безуспешно отделить «кухню от брака» и строить семью не на «принципах семейственности», а на «принципах общественности». Но калмыцкая семья в 1920-е гг. оставалась патриархальной и ее никаким образом не затронули новые революционные идеи об институте семьи с их упрощенными взглядами на любовь, брак и семейные отношения. Важнейшая ячейка общества у калмыков в основном была моногамной, редко когда встречались полигамные семьи. Мужчина был главным кормильцем дома, вел крестьянское хозяйство, ему отводилась роль защитника и представителя интересов семьи и рода в общественных делах. Повседневная жизнь женщин в семье была всецело заполнена воспитанием детей, она была хранительницей домашнего очага и почти не участвовала в общественной жизни. В калмыцкой семье превалировали многовековые нравственные ценности, практически не было разводов и семейных конфликтов⁷.

В то же время, начиная с середины 1920-х гг. вчерашние кочевники, в особенности женщины, по инициативе властей, стали посте-

пенно втягиваться в новые общественные отношения.

* * *

В отличие от семейно-бытовой жизни, повседневная общественная жизнь крестьян в Калмыкии в 1920-е гг. была насыщена конфликтными ситуациями.

В период «военного коммунизма» они были вызваны острейшим хозяйственным кризисом, военным разорением и реквизиционными мероприятиями Советской власти и антибольшевистских сил. В результате чего степняки, как и все население юга России, испытывали невероятные материальные и продовольственные затруднения⁸.

Упадок животноводства и вызванное им бедственное положение калмыцкого населения обсуждалось на III съезде Советов депутатов трудового калмыцкого народа в декабре 1918 г. Об этом говорили руководители улусов (районов) Яндыко-Мочажного (С. Хадылов), Икицохуровского (Ш. Манджиев), Малодербетовского (М. Косиев), Харахусовского (П. Байчихаев), Багацохуровского (Э. Замбаев). Один из делегатов в своем выступлении на съезде с болью отмечал: «Население не имеет ни чая, ни хлеба, ни мануфактуры, ни табаку, ни рыболовецких, ни сельскохозяйственных орудий. Не выполняется распоряжение о вывозе хлеба из Ставропольской губернии вследствие бессистемных реквизиций подвод и фуража для военнопленных, войсковой части, военных грузов, беженцев, для поставки телеграфной связи и т.д. Распоряжения идут со всех сторон, все экстренные и безотлагательные. В случае невыполнения грозят расстрелом и арестами»⁹.

Поскольку территория Калмыцкой степи в годы Гражданской войны являлась ареной ожесточенных боев, калмыцкие крестьяне подвергались грабежу и реквизициям со стороны и Красной армии, и белых армий. Немаловажную роль в сложившемся драматическом положении крестьянства сыграл декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства» (11 января 1919 г.)¹⁰. Государство сосредоточило в своих руках заготовку хлеба и его распределение. У крестьян отчуждались не только продовольственные излишки, но и часть продуктов, необходимых им самим. В результате всего произошло почти повсеместное разорение калмыцких хозяйств, влачивших жалкое существование. Калмыцкое крестьянство бедствовало, находилось на грани отчаяния и социального взрыва¹¹.

Расстройство личных хозяйств, нехватка продуктов питания, неправомерные действия со стороны отдельных местных руководителей порождали у населения КАО, с одной стороны, апатию и безысходность, а с другой – недовольство новой властью и сопротивление ей вплоть до вооруженных выступлений. На территориях действовали вооруженные повстанческие отряды, именуемые орга-

нами партии большевиков и Советской власти «бандами»¹².

Архивные документы отразили крайнюю напряженность социально-политической обстановки в КАО в самом начале 1920-х гг. Разорение от продразверстки, голод в автономии, как и во всем Поволжье, вызывали у крестьян враждебную реакцию на решения и действия властей. Происходили рост числа крестьянских мятежей против Советской власти, активные действия повстанческих отрядов.

«Политический бандитизм» в КАО представляли малочисленные и разрозненные группировки антибольшевистских сил, оставшиеся на ее территории после Гражданской войны. Их движущей силой была ненависть к большевистской диктатуре. В Калмыцкой степи на тот момент не было военно-политического лидера, способного поднять крестьянские массы на борьбу против большевиков, да и сама область находилась в недостижимости от пограничных территорий, откуда враги новой власти могли воздействовать на психологию и поведение калмыцкого крестьянства.

Отдельные «бандитские» формирования, возглавляемые бывшими зайсангами (князья), атаманами и офицерами (О. Босхомджиевым, бывшим атаманом Малодербетовского улуса; Корниловым, племянником генерала Л. Г. Корнилова; О. Шануновым, бывшим хорунжим, выходцем из зайсангов) являлись ярыми врагами новой власти и выступали под лозунгами «За свободные Советы!», «За победу настоящей революции!»¹³. Хотя и сами главари «банд» до конца не понимали, за какую же революцию и Советы им надо бороться и проливать кровь. Повстанческие отряды состояли преимущественно из бывших офицеров и помещиков, но находились в их рядах и обиженные Советской властью зажиточные крестьяне и даже бедняки. Одной из основных причин многочисленности крестьянства в «бандах» стало принудительное изъятие продовольствия на основе разверстки, полное разорение личных хозяйств и безысходность, толкавшие их на путь вооруженного грабежа и воровства с целью обеспечения пропитания для себя и своей семьи.

Бандиты запрещали населению поддерживать Советскую власть, то есть подчиняться ее органам, участвовать в ее мероприятиях, нести повинности, а после перехода к нэпу – оплачивать продовольственный и прочие государственные налоги. Запреты сопровождались угрозами разорения крестьянского хозяйства, даже убийствами, как самих крестьян, так и членов его семьи¹⁴.

Так, в декабре 1921 г. «банда Маслакова» (после гибели в июле 1921 г. самого Г.С. Маслакова, донского иногороднего, героя Первой конной армии, в 1920 г. повернувшего оружие против большевиков, этот повстанческий отряд возглавил бывший поручик Сычев) совершила дерзкий налет на Эркетеневский улус. Банда сожгла и разграбила полностью ставку Эркетеневского улуса, отняла у крестьян скот: 22 верблюда, 12 лошадей, 70 голов крупного рогатого скота,

11 овец и 64 козы¹⁵. Погиб 21 крестьянин, кроме того бандиты изъяли 55 млн руб., выделенных властями в помощь голодающим. Чуть позже на рыбных промыслах Джиликтинской группы на Морской полосе Эркетеневского улуса члены банды угнали 12 подвод, изъяли все запасы муки и товары повседневного спроса. Крестьяне Эркетеневского улуса были полностью разорены, жилища их сожжены. сами они в ужасе бежали из улуса¹⁶.

Запуганные бандитами, некоторые крестьяне, опасаясь за свою жизнь, скот и имущество, в открытую или тайно саботировали мероприятия властей.

По мере укрепления Советской власти банды на территории Калмыцкой степи постепенно утрачивали свое «политическое лицо» превращались в чисто разбойничьи шайки, вырождались в уголовную преступность. Основной костяк таких групп составляли безработные, лишенные средств к существованию, озлобленные из-за личной бытовой неустроенности, голода. Они не ставили политических целей, а общими усилиями решали проблемы собственного выживания. Скрываясь в степи или уходя от преследования в соседние губернии, такие уголовные банды промышляли в основном воровством скота, которых пускали на пропитание, а породистых скакунов и рабочих лошадей сбывали по сходной цене вдали от тех мест, откуда они были угнаны. На территории КАО действовали не только местные банды уголовников, но и бандитские отряды из соседних регионов.

Местная власть в Калмыкии и карательные органы активно боролись с бандформированиями. Президиумом ЦИК КАО «за время с III по IV общекалмыцкий съезды в 1922 г. с июня по декабрь проведено 11 заседаний по вопросам, связанным с бандитизмом; в 1923 г. с января по сентябрь – 7 заседаний»¹⁷. В борьбе с бандитизмом союзниками власти выступало зажиточное крестьянство, заинтересованное в прекращении хаоса и возможности развивать свои хозяйства, разоренные в ходе Гражданской войны. Особенно пострадали от военных действий и бандитских нападений скотоводческие хозяйства. Крестьяне считали, что «главное зло в уменьшении крупного рогатого скота заключается в бандитизме», в действиях местных банд и банд, приходящих с территории Дона, Воронежской, Тамбовской и других губерний¹⁸.

* * *

Напряженность в отношениях между властью и крестьянами создавалась и задержкой решения неотложных хозяйственных вопросов крестьян, ухудшавших их и без того трудное экономическое и материальное положение.

Так, крестьяне с. Элиста Манычского уезда Пастарнаков, Денисенко и Малиев, владельцы мелких промышленных заведений, об-

ратились в Президиум Совнархоза Калмобласти с вопросом, «могут ли они распоряжаться своими ветряными мельницами по собственному усмотрению, как полные хозяева и должны ли сдавать какую-либо часть с помола в Заготконтору?». В своем пояснении в том же письме сами же крестьяне пишут, что «на основании декрета Совнаркома “О порядке натуральной оплаты за переброску зерна и о порядке эксплуатации мукомольных и крупяных предприятий” [22 июля 1921 г.] Астраханский губисполком постановил все мельницы, крупорушки и просорушки крестьянского типа, не находящихся в ведении Совнархозов, передавать в полную эксплуатацию их владельцам <...> установлен натуральный промысловый сбор из расчета 2 фунта с пуда средней годовой производительности предприятия, каковой сбор вносить в заготовительную контору». Волостным исполкомом, в нарушение предписаний центральной и губернской властей, «мелкие промышленные заведения были поставлены на учет, и натуральный промысловый сбор устанавливался в повышенной ставке, из расчета с каждого молотого пуда по 4 фунта¹⁹. Владельцы ветряных мельниц выказывали свое недовольство неправомерными действиями Элистинского волостного исполкома, с их стороны недовольство было обусловлено проблемами материального характера и нелегкой повседневной жизнью. Власть не шла на уступки, нарочито усложняя ситуацию, тем самым вызывая справедливый гнев отчаявшихся сельчан. В основе самоуправных действий местной власти лежало стремление партийно-советских чиновников любыми, даже противозаконными действиями, увеличить поступление натуральных и денежных сборов в бюджеты всех уровней, выслужиться перед вышестоящими органами и в то же время свидетельствует об их желании экономически «задавить» нарождающихся нэпманов.

Говоря о конфликтах с властью, наполнявших трудовой быт крестьян Калмыкии в 1920-е гг., следует отметить их разнообразие, многомерность и разноуровневость. Участниками конфликтов, вызвавших недовольство у крестьян, были представители самых разных социальных и профессиональных групп, но чаще всего – работники партийно-советских учреждений и органов.

Так, крестьянин Д.Н. Коротецкий, проживавший в Ремонтненском уезде (единственном в КАО, поскольку он был населен преимущественно русскими), в своем письме в ЦК РКП(б) остро критикует стяжательство, вседозволенность, моральное разложение руководителей-коммунистов: «Почему крестьянство недовольно коммунистами? Потому, что в глухих углах творится такой произвол, что честному человеку нет места среди политической партии, так что, которые были, и те повышли из таковой, лишь бы не переносить позора других. Члены партии, имеющие стаж по 5-ти [Более пяти лет. – Е.Б.], не только не защищают интересы трудящихся и не будут лишь по следующим обстоятельствам. Каждый партийный

член, стоящий у власти, имеет живой капитал, даже у некоторых по 100 шт. рогатого скота и он дело имеет с таким кулаком-буржуем, как и сам, скрывает и другого от всех налогов общественных так государственного и страхового, и многие побросали своих детей и жен, и понабрали буржуазно-поповских детей и жен, и этот элемент требует больше расходов. Также каждый старается привиться к кулацко-буржуазному классу, буржуй-кулак, как пиявка, впившийся к какому-либо комиссару, ведь это тот же сладкий пирог, а комиссары, как по лестницам или в театре артисты один другого сменяют, горяченькие места передают один другому <...> Я уверен, что открыл бы больше скрытого имущества, облагаемого государственным налогом, чем есть в КАО, как у калмыков-кулаков и их прихвостней комиссаров, так и у русских <...> Если центру так надобно знать, то пусть в центр [меня] затребуют»²⁰.

Как явствует из этого эмоционального и выразительного письма русского крестьянина Д.Н. Коротецкого, партийно-советское начальство Ремонтненского уезда бесчестным поведением и «буржуазным» образом жизни подрывало авторитет партии большевиков и Советской власти на местах, вызывало недовольство и возмущение простых крестьян.

Отрицательные деловые и моральные качества руководителей разного уровня негативным образом влияли на повседневную жизнь калмыцкого крестьянина, порождали большие трудности в их жизнеустройстве. По словам Д.Н. Коротецкого, крестьяне, видя барское поведение и разгульный образ жизни руководителей, всерьез считали, что «все собранные с нас налоги дальше кармана местных властей от УИКа [Исполнительный комитет Ремонтненского уездного Совета. – Е.Б.] до областного центра, не идут. Они живут хорошо, даже пьянствуют, а наш брат только гнет шею на них. На этом построена вся советская власть»²¹.

* * *

В повседневной жизни крестьянства КАО большой проблемой являлись преступления, связанные со скотокрадством и конокрадством.

Традиционно угон лошадей у калмыков, как у всех кочевых народов, не относился к преступным деяниям. В сознании калмыка-скотовода лошадь была верным и бескорыстным спутником, любимым другом и почти членом семьи. Угон лошадей из соседней деревни или улуса не прекращался и в годы Советской власти, конокрад по-прежнему считался смелым, храбрым удальцом и пользовался большим уважением у родственников и однохотонцев (односельчан).

Калмыки не столь негативно относились к конокрадам, хотя потеря лошадей и тем более породистого скакуна не могла быть безболезненной для самих хозяев. Поэтому они тщательно охраняли

свои табуны, относились к коню как самому ценному животному в своем хозяйстве, и выкрасть у них лошадей было очень трудно. Большею частью конокрады из числа калмыков воровали у русских крестьян, у которых не было культа коня, как у кочевников. На почве скотокрадства часто возникали межнациональные споры, правда, до вооруженных столкновений дело редко доходило.

Об остроте проблемы свидетельствуют письма русских крестьян из с. Элиста в центральные учреждения страны. В целом положительно оценивая политику Советского государства, они требовали решительной борьбы с калмыцким скотокрадством. Тот же Д.Н. Коротецкий писал: «Мы приветствуем все мероприятия центральной власти, направленные к братству и равенству. Но прекратить сильное скотокрадство – меры ни УИК [Ремонтненский уездный исполком. – Е.Б.], ни улусный исполком не принимает. На этой почве скоро дело дойдет до вооруженного столкновения. Калмык не хочет работать, хотя он очень способный, но он занимается грабежом. Просим принять незамедлительные меры»²².

Сами власти понимали взрывоопасность ситуации со скотокрадством в области, могущей вылиться в межнациональные конфликты. Как отмечал в своем докладе Ш.Н. Ибрагимов, «ответственный инспектор» ЦК РКП(б), проверявший деятельность областной партийной организации в 1925 г., неразрешенность вопроса со скотокрадством в области значительно портила взаимоотношения между добрососедскими народами, а эта ситуация активно используется кулаками²³.

Жалобы в областные органы власти и управления писали в основном крестьяне русской национальности (очевидно, больше владеющих культурой письма), сообщая об имеющихся финансовых и прочих нарушениях улусного руководства. Калмыцкие крестьяне редко жаловались в силу своей природной замкнутости и абсолютной неграмотности. Областное партийно-советское руководство не всегда реагировало и зачастую покрывало должностные преступления улусных и уездных властей, и крестьянам приходилось напрямую обращаться в центральные органы партии и государства.

О полном недоверии к местной власти свидетельствует просьба, содержащаяся в письме крестьянина Д.Н. Коротецкого в Москву: «Прошу мое заявление держать втайне, даже от областного члена ЦИК»²⁴.

Центральная власть не могла не реагировать на подобного рода обращения, поступающие с мест, и пыталась найти формы сотрудничества между местными властями и крестьянством. Так возник документ «Лицом к деревне», где акценты расставлялись на оживление местных Советов и создание советского беспартийного крестьянского актива. По инициативе ЦК РКП(б) в союзных республиках, в областях, краях, национальных автономиях РСФСР были проведены специальные обследования политического и экономиче-

ского положения, состояния «социалистической законности» в деревне, проверка местных партийных ячеек. По его результатам многие партийные работники были отстранены от своих должностей и некоторые даже отданы под суд. Так, в апреле 1924 г. за финансовые нарушения был отстранен от работы партийный и государственный деятель Калмыцкой автономной области А. Чапчаев²⁵.

Выявляя и наказывая провинившихся чиновников, власть старалась тем самым поднять авторитет партии большевиков и Советского государства в глазах населения.

Существовавшая определенная напряженность между органами власти и крестьянским калмыцким населением КАО внешне никак не проявлялась, она была скрыта от посторонних глаз. По этой причине «ответственный инспектор» ЦК РКП(б) Ш.Н. Ибрагимов, находясь в 1925 г. в области, не смог выявить настроение крестьян калмыцкой национальности и их отношение к советской власти: «Масса темна и они Советской власти не знают, либо знают очень плохо и поэтому относятся к ней безразлично. Вероятно, помимо темноты сохранилась и теперь некоторая боязнь представителей власти. Ведь калмыцкая масса в царское время была зажата приставами, нойноми, зайсангами и гелюнгамы <...> у меня осталось самое безотрадное чувство. Слышался вопль обнищавшей, темной калмыцкой массы»²⁶.

Приезжий ответственный работник ЦК партии большевиков не знал тонкостей психологии калмыков, которые никогда не выражали своего недовольства властью в силу своей восточной ментальности, природной замкнутости и традиционной культуры, а также изолированности от внешнего мира. Сами крестьяне понимали, что назревшие социальные вопросы можно решить только при поддержке центральной и местной администрации. В частности, об этом говорил крестьянин Либнев из Манычского улуса: «У нас мало грамотных, неграмотных – 99 %. Нужно принять на государственный бюджет, если не все школы, то хотя бы аймачные»²⁷.

* * *

Повседневная жизнь калмыцкого крестьянства резко изменилась после принятия, согласно указанию из Москвы, II общекалмыцким съездом Советов в 1921 г. решения о переходе калмыцкого народа на оседлый образ жизни: «о приближении калмыцкого народа к оседлой жизни, путем группировки отдельными хотонами, не менее 50 кибиток в постоянные оседлые поселки»²⁸.

Процесс обоседления калмыцкого крестьянина проходил с надломом, иногда насильственным образом. Не последнюю роль в затягивании перехода к оседлости играла система хозяйствования калмыцкого крестьянина-скотовода, в корне отличавшаяся от крестьян-землепашцев соседних губерний. Калмык – кочевник по духу

и скотовод по своим убеждениям и роду занятий – не был привязан к одному месту.

Процесс обоседления начался, в основном за счет калмыков-переселенцев из других губерний и областей РСФСР. Если в 1920 г. оседлым хозяйством занималось всего 365 калмыцких семей, то уже в 1921 г. 150 семей переселилось из Оренбургской губернии в Большедербетовский улус, а в 1922 г. только в Яндыко-Мочажном улусе КАО к оседлости перешли 2 503 калмыцкой семьи²⁹.

В 1922 г. кумские калмыки переселились в Большедербетовский улус, расположившись в 2 км от улусного центра с. Башанта и образовав так называемый Кумский аймак, получив бесплатно земельные участки³⁰. В годы нэпа из других местностей в Большедербетовский улус переселилось донских калмыков – 3 400 человек, оренбургских – 456, терских – 807, из Астраханской губернии – 50, всего 4 713 крестьян³¹.

В декабре 1922 г. Совнарком РСФСР в качестве поддержки выделил им 200 тыс. руб.³². Жилые и хозяйственные постройки переселенцев размещались в местах, удобных для земледелия: по берегам степных речек, вокруг небольших озер у колодцев и других водных источников³³.

Тяжелое состояние скотоводства, трудности ведения пастбищного животноводства толкали значительную часть скотоводов к переходу на оседлый образ жизни, и Советская власть активно поощряла их. Так создавались условия для трансформации калмыка-скотовода в земледельца и рыбака. Со временем эти занятия становились не только подсобными, но и зачастую главными и единственными источниками существования вчерашних скотоводов.

* * *

Одним из факторов в повседневной жизни крестьянства Калмыкии, осложнявшим его взаимоотношения с властью, являлся непосильный пресс налогов.

Уплата продовольственных налогов крестьянами КАО в течение 1921 г. проходила как добровольно, так и под воздействием силового нажима, о чем свидетельствуют архивные документы: «К неплательщикам частично применялись меры воздействия, реже – арест. Население охотнее всего сдавало мясомолочные продукты. Налоги выполнялись маслом, салом, мясом. Тяжелее всего, из-за неурожая для населения в 1921 г., происходила уплата сена и хлеба, которую крестьяне старались скрыть. Очень обременителен был молочный налог на «однокоровников». Областной продовольственный комитет просил об освобождении «однокоровников» от обложения молочным налогом. На вопрос «Считаете ли вы правильным обложение пашни или посевной единицы?» крестьянство Калмыкии «обложение пашни при исчислении хлебного налога посчитало правиль-

ным»³⁴.

В 1921 г. крестьянин КАО только в местный бюджет обязан был, кроме уплаты основных налогов, дополнительно внести денежные средства: с пригоняемого на рынок скота для продажи в размере 300 руб. и от дохода от ярмарок в размере 465 руб.³⁵ Хотя при установлении указанных налогов и сборов, по мнению самого населения, не оговаривались мотивы и основания их введения; властями не были определены ставки и правила взимания этих денежных сумм. Кроме того, дополнительно необходимо было вносить «сбор со скота и арендную плату за пользование выпасными и сенокосными участками в местную казну»³⁶.

Сами крестьяне КАО, судя по опросным листам Астраханского губернского комиссариата земледелия, считали единственно верным и оправданным налогом для улучшения экономического положения области денежный подворный налог, охватывающий круг плательщиков не только городских, но и сельских поселений. Все остальные налоги сельчане считали ненужными и направленными против них, поэтому не оплачивали их, а также не платили за услуги общегосударственного характера – выдачу записей о рождении и смерти, заключении и расторжении брака. Они не спешили получать регистрационные документы: то ли по причине незнания, но в основном из-за отсутствия финансовых средств. По этой причине затруднялось ведение демографического учета населения в области, который велся на местах не на должном уровне.

Наличие большого количества налогов было обременительно для крестьянина и государства. Поэтому в марте 1922 г. был установлен единый натуральный налог с единой весовой мерой – в пудах ржи или пшеницы. Введение единого натурального налога в целом положительно повлияло на развитие сельского хозяйства в КАО. Об этом свидетельствуют архивные документы: «Введение продналога повлияло на подъем сельского хозяйства весьма значительно <...> калмыцкое население, вторично взявшееся за полеводство, быстро к нему охладело лишь потому, что работая и имея урожай – не могло им распоряжаться, что непонятно культурно отсталому калмыку. Русские крестьяне во время разверстки сокращали посеы полей. С отменой разверстки и введением продналога сразу замечается стремление улучшить свое хозяйство путем засева технически-ценных культур и продовольственных злаков, а также в улучшении и обработки почвы»³⁷.

Но в течение 1922 г., кроме единого натурналога, были введены еще два общегражданских налога – подворно-денежный и трудгужналог. И отношение калмыцких крестьян к налогам стало отрицательным, более того – враждебным. Многие из них не знали о своих налоговых обязательствах: «По вопросу о степени правильности поступления государственных налогов налоговой службе приходится констатировать <...> что население сознательно не усвоило истины

о необходимости налогов и туго поддается налоговой работе фининспекторов и улусных исполкомов»³⁸.

Отсутствие средств связи, бездорожье в степи, весенняя и осенняя распутица затрудняли своевременный сбор налогов. Неудовлетворительная работа налоговых органов, острый дефицит грамотных фининспекторов являлись причинами недоимок: «Налоговый аппарат недостаточно налажен по взиманию продналога <...> отсутствие опытных работников на местах, плохие способы передвижения по обширной степной территории». И как результат: «Налоги поступают в автообласть очень медленно, а регистрация и вылавливание плательщиков проходят чрезвычайно затянато, и по всей вероятности, период этот будет изжит не так скоро. Достаточно сказать, что даже популярный общегражданский налог к настоящему времени фактически поступил в кассу Облфинотдела пока лишь с одних служащих Автообласти»³⁹.

В апреле 1923 г. на XII съезде партии большевиков были приняты решения, реформирующие систему налогообложения деревни. В дальнейшем они были закреплены декретом ВЦИК и Совнаркома «О едином сельхозналоге», который устанавливал единый сельскохозяйственный налог взамен всех существующих сельскохозяйственных налогов. Как официально заявляла центральная власть, учитывались пожелания крестьян, сумма налога, падающая на хозяйство, должна была согласовываться с размерами его доходов и достатком⁴⁰. Незамедлительно последовала реакция населения, что подтверждается архивными документами: «Особое недовольство крестьян вызывало изменение срока уплаты налога, причем сократились сроки платежа»⁴¹.

Обложение скота в форме перевода на землю вызывало острое недовольство сельских жителей КАО, поскольку негативно повлияло на их повседневную жизнь. Возможность своевременной уплаты всех видов налогов калмыцким крестьянином зависело от состояния животноводства в личных хозяйствах скотоводов, от погодных условий и урожайности полей, в целом от экономической обстановки в области и т.п. Власть, видя недовольство крестьян в целом по стране, их неспособность оплачивать все причитающиеся налоги, приняла ряд организационно-политических документов, связанных с проведением налоговой кампании. В марте 1924 г. Наркомфин РСФСР рекомендовал Наркомфинам автономных республик, областным и губфинотделам закончить кампанию по сбору сельхозналога к 1 апреля и совсем отказаться от применения таких мер, как арест плательщиков, конфискации имущества и проведение выездных сессий суда. Также предлагалось отказаться от кампании по «зачистке довызысканий остатков сельхозналога» в связи с началом полевых работ⁴².

Некоторые представители местной власти Калмыкии, ощущая негативное настроение крестьян, пытались популистскими метода-

ми завоевать доверие сельских жителей. Так, член ЦИКа Г.М. Манкиров на встрече с жителями в с. Долбан заявил о том, что «Калмыцкая область отнесена к району голодающих и никаких налогов не должно быть»⁴³. Такого рода безответственные заявления одного из руководящих работников области подрывали авторитет власти и фининспекторов, а в результате сельское население, зачастую ссылаясь на партийных руководителей из области, отказывалось платить налоги. Хотя для голодающих районов были сделаны некоторые налоговые послабления и то на короткий срок. В целом в 1924 г. в силу разных причин произошло значительное уменьшение поступления налогов в областной бюджет. Если за декабрь 1922 г. в бюджет области поступило 2 847 049 руб., то за сентябрь 1924 г. доходы составили 1 592 244 руб.⁴⁴

В 1925 г. в СССР был осуществлен переход к денежному обложению деревни. Произошло это благодаря укреплению крестьянского хозяйства, увеличению посевных площадей, количества скота и росту покупательской способности крестьянства. На деле происходило фактическое снижение налогового гнета на крестьянское хозяйство. По факту источником недовольства в среде крестьянства стали низкие «лимитные» цены и установление твердых цен на рожь и пшеницу. Вызывало неодобрение налогоплательщиков денежная форма взыскания налога, «так как цены на хлеб низки, а эквивалент по налогу высокий и крестьянству приходится продавать 1-2 пуда ржи, чтобы внести стоимость одного пуда в кассу ГФО по единому налогу»⁴⁵.

Поступления сельхозналога в 1925/26 хозяйственном году тоже признались неудовлетворительными. Областной финотдел отмечал, что сельхозналог за 1925/26 г. и погашение недоимки прошлых лет осуществлялись медленными темпами⁴⁶. Бюджет автономной области на 1925/26 г. был сведен в 2 600 тыс. руб. (при своих доходах в 200 тыс. руб.) и поступления из федерального бюджета на сумму 3 488 тыс. руб. В результате общая сумма федерального и местного бюджетов составила 6 088 тыс. руб. Огромная дефицитность областного бюджета объяснялась слабой экономической базой территории, падением налогооблагаемой численности поголовья скота. Если в 1916 г. крупного и мелкого скота было 909 725 голов, то в 1925 г. стало 634 615 голов (цифры даны в 1925 г. с учетом Ремонтненского уезда, переданного в Ставропольскую губернию)⁴⁷.

Дефицитность бюджета препятствовала социально-экономическому развитию автономной области, отрицательно сказывалась на материальном положении калмыцкого крестьянина, повседневная жизнь которого была наполнена проблемами выживания.

Налоговая политика являлась своеобразным отражением большевистского принципа социальной справедливости: все налоги на бедняков, как прямые, так и косвенные, постепенно снижались и упразднялись, а основное их бремя ложилось на плечи более за-

житочного крестьянства. Это было связано с тем, что налог стал взиматься по совокупности доходности крестьянских хозяйств, с применением более резкой прогрессии. Усиление прогрессивного налогообложения в 1926–1927 гг. привело к тому, что бедняцкие хозяйства (около 70 %) налогом не облагались, середняцкие (23 %) облагались в облегченном варианте, а вся тяжесть налога ложилась на плечи зажиточного слоя крестьянского населения (6,14 %), которому предстояло выплатить 87 % всей суммы единого сельхозналога за 1928/29 г. В Калмыкии было собрано 548 276 руб., из них зажиточные совместно с кулацкими внесли 195 330 (41,6 %), каждый в среднем внес по 131 руб. 08 коп.; кулацкие – 269 652 руб. (45,4 %) каждый по 1 009 руб. 93 коп.; маломощные середняцкие – 83 294 руб. (13 %), по 10 руб. 10 коп. каждое⁴⁸.

Некоторая часть состоятельных крестьян пыталась скрыть от обложения налогами и землю, и скот и ей это зачастую удавалось: «Местами замечается задержка выплаты налога. Со стороны кулачества заметно стремление уклониться от внесения налогов и скрыть действительное количество скота, посевов и имущества; выжидание в уплате налога <...> замечаются случаи распределения скота зажиточными крестьянами на несовершеннолетних членов семьи и скрытие его в соседних батрацких хозяйствах»⁴⁹.

Налоговая политика Советского государства стала источником социального напряжения в обществе, сдерживала предпринимательскую инициативу предприимчивых граждан, способствовала все большему расслоению калмыцкого крестьянства, уничтожению дееспособных крестьянских хозяйств. Ужесточался контроль не только за зажиточными слоями деревни, но и частью середняков. По этой причине часть зажиточного крестьянства стремилась понизить свой социальный статус и сфальсифицировать свое социальное положение и причислить себя к классу середняков. У преобладающей части крестьянства Калмыкии отношение к более богатым односельчанам варьировалось от зависти и ненависти до скрытой неприязни. Также неоднозначным отношением было отношение к бедноте: вместе с жалостью к ним испытывали и презрение, в тоже время, надеясь на наступление «светлого будущего для всего крестьянства», ориентируясь на вековой «идеал уравнительности» в народной культуре и социальной психологии⁵⁰.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что социальные, экономические и политические процессы, протекавшие в калмыцком обществе в 1920-е гг., определенно повлияли на трудовые и бытовые отношения внутри неграмотного и не знающего русского языка калмыцкого крестьянства, на его образ жизни. В калмыцком обществе произошла трансформация традиционных форм жизнедеятельности насе-

ления Калмыкии, в результате которой произошло приобщение вчерашних кочевников к новым видам социальной и культурной жизни. Крестьяне постепенно втягивались в новые общественные отношения, в перестройку сельской местности, образа жизни и быта, инициатором и идеологом которых выступала большевистская государственность.

Новое, инициированное властью, не всегда получало поддержку среди крестьянского сообщества, и в силу консервативности мышления сельских жителей, существовавшего сильнеешего расслоения, и по причине непродуманности отдельных решений партийно-государственной власти, желавшей добиться своего быстрым «кавалерийским наскоком» и зачастую топорными методами.

Для партийно-государственной власти Калмыцкой автономной области одним из важнейших показателей политических настроений калмыцкого крестьянства в 1920-е гг. были, с одной стороны, различные формы пассивного и активного сопротивления, с другой – проявление доброжелательного отношения крестьян к практическим мероприятиям новой власти, способствовавших развитию крестьянского хозяйства, улучшению их повседневной жизни. Калмыцкие крестьяне, в массе своей неграмотные, ограниченные интересами своего хозяйства и жизнью деревни, были индифферентны к политическим лозунгам Советской власти. Они воспринимали происходящее в обществе в основном не по указке органов власти и управления, а через призму собственного миропонимания и личных интересов.

В калмыцком обществе, несмотря на сильнейшее давление власти с целью добиться реализации своих решений, в ряде случаев даже жесткие меры, по-прежнему оставались сильны народные традиции, выраженные в определенных общественных установках, обычаях, обрядах, нормах поведения. Калмыцкое крестьянство в основном занималось индивидуальным личным хозяйством.

Примечания Notes

¹ *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Москва; Тамбов, 2004; *Мищенко Т.А.* Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921 – 1927 гг.: Традиции и новации. Брянск, 2009; *Бадмаева Е.Н.* Нижнее Поволжье: Опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921 – 1933 гг.). Элиста, 2010; *Мухина З.З.* Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: Традиции и динамика перемен в пореформенной России. Москва, 2012.

² *Гатауллина И.А.* Крестьянская повседневность: Быт средневожской деревни в 1920-е годы // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 1. С. 156–163;

Скрябин И.В. Воздействие модернизационных процессов на крестьянскую повседневность во второй половине XIX века на примере Тульской губернии // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1. С. 122–128; Фурсов В.Н., Перепелицын А.В., Плотникова Л.И. Социальная психология и пореформенная крестьянская повседневность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 1 (120). С. 139–144.

³ Очиров У.Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917 – 1920 гг.). Элиста, 2006.

⁴ Амур-Санан А. Вымирающая степь // Жизнь национальностей. 1922. № 4 (10). С. 9.

⁵ Бадмаева Е.Н. Индустриальная модернизация в Калмыкии (конец XIX в. – 1930-е гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 29.

⁶ Эрдниева У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста, 1985.

⁷ Эрдниева У.Э., Максимов К.Н. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста, 2007.

⁸ Очиров У.Б. Последствия Гражданской войны 1918–1920 годов для экономики Калмыкии // Отечественная история. 2006. № 1. С. 73–84.

⁹ Установление и упрочение Советской власти в Калмыкии (январь 1918 г. – апрель 1919 г.): Сборник документов. Элиста, 1973. С. 172.

¹⁰ Декреты Советской власти. Т. 4. Москва, 1968. С. 292–294.

¹¹ Очиров У.Б. Последствия Гражданской войны 1918–1920 годов для экономики Калмыкии // Отечественная история. 2006. № 1. С. 73–84.

¹² Очиров У.Б. Особенности борьбы с «политическим бандитизмом» в Калмыкии в период Гражданской войны (1917 – 1920 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 51–55.

¹³ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК) Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 2. Л. 220; Д. 5. Л. 58–59; Д. 8. Л. 89.

¹⁴ Очиров У.Б. Особенности борьбы с «политическим бандитизмом» в Калмыкии в период Гражданской войны (1917 – 1920 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 51–55.

¹⁵ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 9. Л. 37, 37об.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 14. Л. 118.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 389. Л. 50.

¹⁸ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 245. Л. 43.

¹⁹ НА РК. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 65. Л. 21.

²⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 84. Д. 720. Л. 36–37.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 902. Л. 127.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 720. Л. 106–107.

²³ Там же. Л. 108.

²⁴ Там же. Л. 37.

²⁵ Там же. Л. 21.

²⁶ Там же. Л. 106.

²⁷ Там же. Л. 105.

²⁸ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 25. Л. 10.

²⁹ Бадмаева Е.Н. Миграционные процессы в истории формирования населения Калмыкии в годы нэпа // Государственная служба. 2008. № 1 (51). С. 112.

³⁰ НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 88. Л. 187–188.

³¹ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1923. Л. 29.

³² НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 257. Л. 9, 15.

³³ Бадмаева Е.Н. Миграционные процессы в Калмыкии в годы новой экономической политики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 1. С. 12–15; Бадмаева Е.Н. Миграционные процессы в истории формирования населения Калмыкии в годы нэпа // Государственная служба. 2008. № 1 (51). С. 111–113; Бадмаева Е.Н. Социально-политическая обстановка в Нижнем Поволжье в 1920-х гг. // Власть. 2010. № 10. С. 19–23.

³⁴ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 245. Л. 44.

³⁵ НА РК. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 17. Л. 28.

³⁶ Там же.

³⁷ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 245. Л. 44.

³⁸ НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 159. Л. 12.

³⁹ НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 159. Л. 25.

⁴⁰ Мищенко Т.А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921 – 1927 гг.: Традиции и новации. Брянск, 2009.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 902. Л. 123.

⁴² НА РК. Ф. Р-82. Оп. 2. Д. 17. Л. 45.

⁴³ НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 159. Л. 23.

⁴⁴ НА РК. Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 159. Л. 27; Оп. 5. Д. 11. Л. 71.

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 902. Л. 123.

⁴⁶ НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 727. Л. 189.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 720. Л. 95.

⁴⁸ Максимов К.Н. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии: 1918 – 1940-е гг. Москва, 2004. С. 34.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 902. Л. 128.

⁵⁰ Доброноженко Г.Ф. От идеологемы «Кулак» к реальной социальной группе репрессированных крестьян (1918 – 1920 годы) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2012. № 3. С. 117.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бадмаева Екатерина Николаевна – докт. ист. наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста)

en-badmaeva@yandex.ru

В статье рассматривается повседневная жизнь калмыцкого крестьянства в неразрывной связи с его политическими настроениями в 1920-е гг. Проанализированы экономические, социальные и политические факторы,

которые влияли на повседневную жизнь и политические настроения калмыцкого крестьянства. Такими факторами стали антибольшевистское повстанческое движение, организованная уголовная преступность, деятельность партии большевиков и Советского государства по переводу калмыков на оседлый образ жизни, новая экономическая политика и налоговая политика. Социально-экономические и политические перемены в Калмыкии влияли на трудовые и бытовые отношения внутри крестьянства, меняли его образ жизни. Крестьяне активно втягивались в новые общественные отношения, в перестройку сельского образа жизни и быта. Однако перемены, происходившие по инициативе центральной и местных властей, далеко не всегда получали поддержку сельского населения. Крестьяне доброжелательно воспринимали те мероприятия Советского государства, которые способствовали восстановлению и развитию их хозяйства и улучшению их повседневной жизни. Однако нередко социально-экономические мероприятия властей и работа партийно-государственного бюрократического аппарата давала поводы для недовольства крестьянства. Это недовольство становилось почвой, на которой возникало скрытое и открытое противодействие крестьян мероприятиям центральной и местных властей. Наиболее распространенными формами этого противодействия были неисполнение законов и распоряжений органов власти, уклонение от уплаты налогов. Порой скрытое противодействие перерастало в открытое вооруженное сопротивление. В целом же калмыцкие крестьяне, ограниченные интересами своего хозяйства и повседневной жизнью своей семьи и своих населенных пунктов, были равнодушны к политическим лозунгам Советской власти.

Калмыкия, Калмыцкая автономная область, калмыки, крестьянство, скотоводство, кочевой образ жизни, оседлая жизнь, новая экономическая политика (НЭП), политические настроения, повседневность.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Badmayeva E.N. Industrialnaya modernizatsiya v Kalmykii (konets XIX v. – 1930-e gg.) [Industrial Modernization in Kalmykia (from the End of the 19th Century to the 1930s)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya*, 2017, no. 4 (44), pp. 24–36. (In Russian).
2. Badmayeva E.N. Migratsionnyye protsessy v istorii formirovaniya naseleniya Kalmykii v gody nepa [Processes of Migration in the History of the Formation of the Population of Kalmykia during the Years of the NEP]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 2008, no. 1 (51), pp. 111–113. (In Russian).
3. Badmayeva E.N. Migratsionnyye protsessy v Kalmykii v gody novoy ekonomicheskoy politiki [Processes of Migration in Kalmykia during the New Economic Policy]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2008, no. 1, pp. 12–15. (In Russian).
4. Badmayeva E.N. Sotsialno-politicheskaya obstanovka v Nizhnem Povolzhye v 1920-kh gg. [The Social and Political Situation in the Lower Volga Region in the 1920s.]. *Vlast*, 2010, no. 10, pp. 19–23. (In Russian).

5. Dobronozhenko G.F. Ot ideologemy “Kulak” k realnoy sotsialnoy grupe repressirovannykh krestyan (1918 – 1920 gody) [From the Ideologeme of the “Kulak” to the Actual Social Group of Repressed Peasants (1918 – 1920)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2012, no. 3, pp. 114–118. (In Russian).

6. Fursov V.N., Perepelitsyn A.V., Plotnikova L.I. Sotsialnaya psikhologiya i poreformennaya krestyanskaya povsednevnost [Social Psychology and the Daily Life of the Post-Reform Peasantry.]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya*, 2012, no. 1 (120), pp. 139–144. (In Russian).

7. Gataullina I.A. Krestyanskaya povsednevnost: Byt srednevolzhskoy derevni v 1920-e gody [Peasant Daily Life: The Way of Life of the Middle-Volga Village in the 1920s.]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2008, vol. 150, no. 1, pp. 156–163. (In Russian).

8. Ochirov U.B. Osobennosti borby s “politicheskim banditizmom” v Kalmykii v period Grazhdanskoj vojny (1917 – 1920 gg.) [Some Features of the Struggle against “Political Banditry” in Kalmykia during the Civil War (1917 – 1920)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2014, no. 4, pp. 51–55. (In Russian).

9. Ochirov U.B. Posledstviya Grazhdanskoj vojny 1918–1920 godov dlya ekonomiki Kalmykii [The Consequences of the Civil War of 1918 – 1920 for the Economy of Kalmykia.]. *Otechestvennaya istoriya*, 2006, no. 1, pp. 73–84. (In Russian).

10. Skryabin I.V. Vozdeystviye modernizatsionnykh protsessov na krestyanskuyu povsednevnost vo vtoroy polovine XIX veka na primere Tul'skoy gubernii [The Impact of the Processes of Modernization on Peasant Everyday Life in the Second Half of the 19th Century: The Example of Tula Province.]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 2013, no. 3-1, pp. 122–128. (In Russian).

(Monographs)

11. Badmayeva E.N. Nizhneye Povolzhye: Opyt i itogi realizatsii gosudarstvennoy politiki v sotsialno-ekonomicheskoy sfere (1921 – 1933 gg.) [The Lower-Volga Region: The Experience and Results of the Implementation of State Policy in the Socio-Economic Sphere (1921 – 1933)]. Elista, 2010, 544 p. (In Russian).

12. Bezgin V.B. Krestyanskaya povsednevnost (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka) [Peasant Everyday Life (The Traditions of the Late 19th – Early 20th Centuries)]. Moscow, Tambov, 2004, 304 p. (In Russian).

13. Maksimov K.N. Tragediya naroda: Repressii v Kalmykii: 1918 – 1940-e gg. [A People’s Tragedy: Repressions in Kalmykia: 1918 – 1940s.]. Moscow, 2004, 311 p. (In Russian).

14. Mishchenko T.A. Obraz zhizni krestyanstva yugo-zapadnykh guberniy Tsentra Rossii v 1921 – 1927 gg.: Traditsii i novatsii [The Way of Life of the Peasantry of the South-Western Provinces of Central Russia in 1921 – 1927: Traditions and Innovations.]. Bryansk, 2009, 224 p. (In Russian).

15. Mukhina Z.Z. Semeynyy byt i povsednevnost krestyan Kurskoy gubernii: Traditsii i dinamika peremen v poreformennoy Rossii [The Family Lifestyle

and the Daily Life of the Peasants of Kursk Province: The Dynamics of Tradition and Change in Post-Reform Russia.]. Moscow, 2012, 299 p. (In Russian).

16. Ochirov U.B. Kalmykiya v period Grazhdanskoy voyny (1917 – 1920 gg.) [Kalmykia during the Civil War (1917 – 1920)]. Elista, 2006, 448 p. (In Russian).

17. Erdniev U.E. Kalmyki: Istoriko-etnograficheskiye ocherki [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays.]. Elista, 1985, 282 p. (In Russian).

18. Erdniev U.E., Maksimov K.N. Kalmyki: Istoriko-etnograficheskiye ocherki [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays.]. Elista, 2007, 428 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Ekaterina N. Badmaeva – Doctor of History, Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)

en-badmaeva@yandex.ru

The article examines the everyday life of the Kalmyk peasantry in close connection with its political mood in the 1920s. It highlights economic, social and political factors which affected their life and political mood. These factors comprise anti-Bolshevik insurgency, organized criminal activity, the policies pursued by the Bolshevik party and the Soviet government to bring the Kalmyks to the settled way of life, the new economic and taxation policies. Social, economic and political changes transformed the relations among the peasants in their labour and everyday activities, in their lifestyle. The peasantry actively entered into new social relationships and the transformed rural way of life. Nevertheless, the changes initiated by the central and local authorities were not always supported by the rural population. Whereas the peasants approved of the measures performed by the Soviet government aimed at restoring and developing their economy, it was not a rare occasion when the social and economic work of the authorities and bureaucracy made the Kalmyks dissatisfied. This dissatisfaction triggered both hidden and open counteraction on the part of the peasants against the central and local authorities, the most common acts being failure to observe the laws and orders adopted by the state as well as tax evasion. Sometimes concealed opposition gave way to open military resistance. Generally, the Kalmyk peasants, limited by the needs of their own households and their families' routine in their locality, were indifferent to the political appeals of the Soviet power.

Kalmykia, Kalmyk Autonomous Region (Oblast), Kalmyks, peasantry, cattle breeding, nomadic way of life, settled way of life, New Economic Policy (NEP), political mood, everyday life.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

The Ecological History of Russia

Н.Н. Дрыгина

ПЕСКИ НАСТУПАЮТ: ИЗ ИСТОРИИ ЗАЩИТНОГО ЛЕСОНАСАЖДЕНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

N.N. Drygina

The Sand Is Coming: From the History of Protective Forest Planting in the Astrakhan Region

История человечества неотделима от истории природы.

В современном мире система «человек–природа» требует всестороннего изучения, в том числе в рамках длительных исторических периодов, что невозможно без привлечения исторической науки. Это обусловило формирование в 1970-х гг. в странах Западной Европы и Америки новой отрасли научного исторического знания – экологической истории, изучающей взаимоотношений человека и природы в прошлом. За полувековой период ее существования за рубежом была разработана ее методология, накоплена обширная литература, основаны научные организации, которые осуществляют всестороннюю поддержку историко-экологических исследований¹.

Благодаря большому интересу к России со стороны зарубежных ученых многие аспекты ее экологической истории изучены ими более подробно, чем отечественными специалистами. Нередко экологические историки из Америки и Европы именно избирают Россию главным объектом своих исследований, изучают русский язык и работают с документами как центральных, так и местных российских архивов².

Цель настоящей статьи – осветить основные моменты истории защитного лесонасаждения, производившегося с целью закрепления подвижных песков в Астраханском Заволжье в XX в. В качестве важного источника использованы документы личного фонда «победителя астраханских песков» М.А. Орлова (1881 – 1955), который хранится в Государственном архиве Астраханской области.

* * *

Об угрозах и ужасах наступающей пустыни автор настоящей статьи знает не понаслышке: своими глазами пришлось увидеть, как цветущая, покрытая зеленью станица Летняя ставка (Туркменский район Ставропольского края) за 1990-е гг. была «захвачена» пустыней. Людям жить там стало просто невозможно: иссушающая жара, пронизывающие ветра, пыльные и песчаные бури, в садах и огородах все выгорало, стало невозможно держать животных. Песок наносило ветром в огороды, сады, дворы, дома. Люди начали покидать станицу. Песок постепенно вытеснял людей, превращая цветущую станицу в часть безжизненной пустыни.

Принятая в 1994 г. Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием была направлена на организацию действий, способствующих устойчивому развитию стран, подверженных опустыниванию. После принятия конвенции появились обобщающие научные труды, посвященные как общим вопросам опустынивания, так и опыту борьбы человека с опустыниванием в различных регионах и странах³.

В изучение опыта противодействия наступлению пустыни в Астраханском крае посредством лесонасаждения внесли свой вклад, еще в середине XX в., советские ученые М.А. Орлов⁴, Ф.М. Касьянов⁵ и А.Е. Дьяченко, причем книга последнего особенно интересна для нас тем, что в ней рассказано об опыте работы созданного в Астраханской полупустыне Богдинского агролесомелиоративного опорного пункта⁶.

Спустя три десятилетия был проанализирован накопленный к концу 1980-х гг. опыт работы Богдинской научно-исследовательской агролесомелиоративной опытной станции (НИАГЛОС), созданной на основе агролесомелиоративного опорного пункта⁷.

Изучение и обобщение уникального опыта Богдинской НИАГЛОС специалистами по сельскому и лесному хозяйству продолжается и в настоящее время⁸.

* * *

Первые попытки закрепления подвижных песков Астраханского Заволжья были предприняты во второй половине XIX в. С этой целью в 1890 г. было создано Нарынское лесничество. Пески пытались закрепить посевами трав – кумарчика и овса песчаного – с последующим созданием на них лесных насаждений из древесно-кустарниковых пород. Работы выполнялись в крайне небольших объемах, не требующих больших затрат денежных средств и ручного труда. В этот период закрепление песков осуществлялось энтузиастами естествоиспытателями и отдельными хозяйственными работниками⁹.

Для борьбы с засухой Василий Васильевич Докучаев еще в 1892 г. предложил научно обоснованные методы обводнения и облесения

степей. Организованной им экспедицией в 1893 г. были заложены в черноземных степях три опытных участка, где были созданы полезные лесные полосы. Докучаев выдвигал и проект создания такого участка между реками Уралом и Волгой¹⁰.

К концу XIX в. территория песчаной Астраханской полупустыни оказалась в бедственном положении. Вследствие нерегулярного землепользования на месте песчаных площадей образовались голые пески, засыпающие пастбища, пашни, селения. Для борьбы с этим бедствием была создана Астраханская пескозакрепительная организация, которая приступила к своей работе в 1904 г. Основным способом закрепления песков стало травосеяние¹¹.

В 1909 г. Ленской департамент Главного управления землеустройства и земледелия направил в Астраханскую губернию Митрофана Алексеевича Орлова как одного из специалистов по лесному хозяйству, горевшего энтузиазмом вступить в борьбу с наступающими песками.

В своей автобиографии Орлов писал: «Вспоминая первые годы (1910–1911 гг.) своей деятельности в борьбе с Астраханскими песками, когда песчаная стихия грозила территории губернии быть обращенной в пустыню, когда еще только ошупью, чутьем вырабатывались проекты будущих своеобразных укрепительных работ здесь, невольно оживаешь под впечатлением той напряженности мышления, которое охватывало весь организм и на долгие часы, дни и недели приковывало его к спокойно-безжизненному морю барханов, то к вздувавшимся и погребавшим все живое волнам, им, подымавшим пылевые частицы высоко в атмосферу, от которых меркло яркое Астраханское солнце и горизонт принимал палево-бурую окраску, которая особо неприятно тяжело давила на жизнь и вызывала то упадочное настроение, то подъем энергии с верой в успех начатого дела»¹².

Гражданская война, политика военного коммунизма и, наконец, засухи 1921 и 1924 гг. нанесли огромный ущерб сельскому хозяйству страны. В 1924 г. в Саратовском институте сельского хозяйства и мелиорации, было проведено совещание специалистов лесного хозяйства, на котором присутствовал и Орлов. Совещание приняло решение о проведении опытно-производственных работ по борьбе с засухой в астраханской полупустыне. Для выполнения принятого решения осенью 1924 г. был образован Богдинский опытно-производственный участок (впоследствии его переименовали в «опорный пункт»), заведующим которого был назначен Орлов¹³. С закладкой Богдинского опытно-производственного участка в Заволжье сбылись мечты Докучаева о создании опытного лесозащитного участка в междуречье Волги и Урала¹⁴.

В конце 1924 г. Орлов, при активном участии крестьянина села Сокрутовка Владимирского района Астраханской области М.Ф. Никотина, выбрал участок в 440 гектар для посадки на нем защит-

ных лесополос, затем были произведены разбивка под лесополосы и вспашка почвы на площади 52 гектара. Весной 1925 г. начали первую посадку лесных полос. Так в «безжизненной», как ее называли, полупустыни вблизи соленого озера Баскунчак были заложены лесные защитные полосы; в таких суровых условиях – впервые в мировой практике¹⁵.

С 29 марта 1923 г. по 17 сентября 1931 г. Орлов, занимая должность краевого агролесомелиоратора (в 1928 г. бывшая Астраханская губерния вошла в состав Нижнее-Волжского края), руководил всем делом пескоукрепления в Астраханской полупустыни. Затем, по май 1939 г., он руководил Песчано-Полупустынным сектором Всесоюзного научно-исследовательского института агролесомелиорации (сектор находился в Астрахани). Великая Отечественная война застала Орлова заведующим Отделом агролесомелиорации Астраханской сельскохозяйственной комплексной опытной станции. С ноября 1941 по июнь 1942 гг. он не работал, как он сам написал в автобиографии, «в силу прекращения опытных работ по обстоятельствам военного времени». В июне 1942 г. его назначили директором Урдинского лесхоза Западно-Казахстанской области, которым он руководил до июля 1944 г., когда вернулся на работу в Астраханскую область, на должность заведующего Богдинским опорным пунктом лесных ветрозащитных и снегосборных полос¹⁶.

Основные задачи опорного пункта состояли в том, чтобы, во-первых, доказать возможность создания защитных лесных насаждений на бурых слабосолонцеватых супесчаных почвах полупустыни, а во-вторых, провести испытания по выращиванию древесных и кустарниковых пород.

В течение первых шести лет, с 1924 по 1930 гг., на бурых почвах было посажено 170 гектаров опытно-производственных полос различного породного состава. Многолетние опыты Богдинского опорного пункта впервые доказали возможность создания защитных насаждений в полупустыне.

Уже первые годы работы принесли успешные результаты: на облесенной территории под защитой лесных полос уменьшилась скорость ветра, стал задерживаться снег, травянистая растительность стала выше и гуще, а главное – богаче, чем прежде, влаголюбивыми видами растений. Полупустыня, на которую велось наступление, начала понемногу сдаваться на участках с лесопосадками.

Изменения в природной обстановке были настолько заметны, что их начали единодушно отмечать местные жители. Об этом интересном факте рассказывал в 1931 г. местный старожил казах Таймурин. Этот рассказ приведен в отчете научного сотрудника С.М. Зепалова, посетившего Богдинский опорный пункт в 1931 г. Таймурину приходилось наблюдать, как в летний период, когда трава выгорала в степи, верблюды, выпасавшиеся в 20 км от пункта, учуяв несущиеся с ветром запах свежести и зелени, бежали к лесным посадкам и при-

чиняли им повреждения. Тонкий нюх «кораблей пустыни» мог улавливать появление новой растительности на далеком расстоянии¹⁷.

С 1941 по 1943 гг. Богдинским опорным пунктом заведовали сначала П.Н. Казаров, а затем И.Т. Коняев. С 22 октября 1944 по 1962 гг. Богдинским опорным пунктом заведовал Ф.М. Касьянов, под руководством которого был проведен ряд научных исследований, результаты которых в последующие десятилетия продолжали изучать и практически реализовывать.

Следующий этап создания защитных лесных насаждений начался после принятия постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. «О плане полезащитных лесонасаждений...» в степных и лесостепных районах Европейской части СССР и постановления Совета Министров СССР от 17 июня 1949 г. «О создании дубовых лесов промышленного значения по правому берегу реки Волги в районах Сталинградской и Астраханской областей и в районах Дона и Маныча Ростовской области» (на общей площади 407 тыс. гектаров)¹⁸.

На основании этих постановлений были созданы сеть научно-исследовательских учреждений и Комплексная научная экспедиция по вопросам полезащитного лесоразведения Академии наук СССР. На основании постановления Совета Министров СССР от 6 сентября 1950 г. № 1436 Богдинский опорный пункт был реорганизован в Богдинскую научно-исследовательскую агролесомелиоративную опытную станцию имени М.А. Орлова (Богдинская НИАГЛОС им. М.А. Орлова), как научно-исследовательскую опытную станцию, входящую в состав ВАСХНИЛ (входила с 1950 по 1992 гг.)¹⁹.

В 1949 г. в районах астраханской полупустыни побывал министр лесного хозяйства СССР А.И. Бовин, вместе с которым прибыли представители 2-й Московской экспедиции «Агролеспроекта» под руководством известного ученого-лесоведа, песковеда и лесомелиоратора А.Е. Гаеля. В отчете по итогам поездки Гаель отмечал, что «трудно найти в Европейской части СССР более тяжелые условия для облесения, чем пески Астраханской полупустыни», даже «среднеазиатские пески немногим отличаются от песков астраханских», астраханские пески являются в основном морскими отложениями и переслаиваются с засоленными глинами, причем грунтовые воды глубоки и нередко засолены²⁰.

Для выполнения работ по созданию различных видов насаждений в 1950-е гг. были организованы лесхозы и дубравные лесозащитные станции. В это время для расширения работ в Астраханской области был организован Никольский опорный пункт, основной задачей которого стала разработка агротехники, создание и выращивание защитных насаждений в степных и полупустынных районах.

Но пески продолжали наступать, засыпая населенные пункты, дороги, поля и пастбища. Порой пески заносили железную дорогу Саратов–Астрахань. Известный астраханский литератор и краевед

К.И. Ерымовский ярко описывал эту страшную беду: «Были случаи сплошного выдувания ветром уже готового полотна, и рельсы на протяжении нескольких километров висели в воздухе. Сплошные песчаные заносы пути были высотой более двух метров. На рельсах вырастали барханы, движение прерывалось...»²¹.

В 1950–1953 гг. силами лесозащитных станций на территории Астраханской области была создана государственная лесная полоса Саратов–Астрахань. К 1953 г. на участках Богдинской НИАГЛОС было создано 230 гектаров лесных полос. Эти защитные посадки стали основной базой для проведения опытных работ и исследований в последующие годы. В 1955–1958 гг. основные объемы лесопосадочных работ проводились в Гослесфонде в пределах земель государственной лесной полосы, в зеленых зонтах, вокруг шоссе-ных дорог²².

С 1961 по 1962 гг. Богдинской НИАГЛОС руководил А.Ф. Галкин. В 1961 г. Богдинская НИАГЛОС получила около 5 тыс. гектар пойменных и пастбищных земель вблизи районного центра села Харабали Астраханской области, и тогда же ее центральная усадьба и контора были размещены в этом райцентре.

Станция теперь состояла из шести обособленных участков: «Богдо» (в 110 км от центральной усадьбы), «Берли» (в 25 км от центральной усадьбы), «Братки» (в 12 км), «Церковный» (в 20 км), «Центральный» (на центральной усадьбе) и «Княжов» (за рекой Ахтуба).

В связи с произошедшими изменением структуры земельных угодий (шесть обособленных участков) с 1962 г. на станции были начаты исследования по созданию защитных лесных насаждений и экономике защитного лесоразведения на орошаемых землях Волго-Ахтубинской поймы, а также агротехнике выращивания и повышения продуктивности пойменных лесных насаждений.

Многие специалисты полагали, что невозможно вырастить лесные насаждения в районах, где выпадает менее 400 мм осадков в год. Сорокалетний опыт работы сотрудников отделения «Богдо», где не всегда бывает и 200 мм осадков в год, опроверг эти взгляды и показал возможность защитного лесоразведения и в этих суровых условиях. Исследования показали, что наиболее пригодны почвы впадин, где возможно выращивание даже плодовых садов²³.

С 1962 по 1973 гг. Богдинскую НИАГЛОС возглавлял И.М. Торхтун.

В результате многолетних исследований в питомнике и в Богдинской НИАГЛОС были получены убедительные данные о возможности выращивания полезащитных лесных полос и их важном практическом значении в борьбе с засухой и пыльными бурями. Научными сотрудниками были разработаны специфические виды защитных насаждений на пастбищах, различные способы закрепления и освоения подвижных песков, а также основные положения

по выращиванию защитных лесных насаждений вдоль водооградительных валов и на засоленных пойменных землях.

Система защиты лесных насаждений на орошаемых засоленных землях участка «Церковный» Богдинской НИАГЛОС состояла из тополя гибридного и охватывала 260 гектар поливной площади. В 30-летнем возрасте лесные полосы имели высоту 25 м. В марте 2007 г. высота полос достигала 30–35 м²⁴.

Защитные лесные полосы в возрасте 30 лет в облиственном состоянии снизили скорость ветра на 33 %, энергию ветра – на 55 %. Лесные полосы в весенний период повышают температуру воздуха на 0,4 – 0,6° С. Относительную влажность воздуха повышают на 2,6–4,0 %. В зоне защиты полос испаряемость с водной поверхности уменьшилась на 28–34 %²⁵.

С 1974 по 1976 гг. Богдинской НИАГЛОС руководил А.Г. Терюков. Благодаря разработкам и внедрениям методов закрепления, облесения и освоения астраханских песков во многих хозяйствах Харабалинского, Енотаевского и других районов области ранее неиспользовавшиеся пески под защитой леса превратились в уголья интенсивного земледелия.

Основными ресурсами для борьбы с песками, пыльными бурями и засухой всегда были человеческие ресурсы. В разные десятилетия XX в. штат научных сотрудников Богдинской НИАГЛОС был различным, что, несомненно, сказывалось на количестве и качестве научных исследований.

В 1924–1940 гг. на станции работало 6–8 человек (2 старших научных сотрудника и 4–6 младших научных сотрудников); в 1941–1944 гг. – 3–4 человека (1 старший научный сотрудник и 2–3 младших); в 1945–1961 гг. – 5–8 человек (2 старших научных сотрудника и 3–4 младших); в 1962–1973 гг. – 6–8 человек (2 старших научных сотрудника и 4–6 младших); в 1988 г. штат состоял из 8 научных сотрудников и 5 техников²⁶.

Из-за сокращения финансирования в 1990-е гг. штат научных сотрудников станции уменьшился до двух человек, научно-исследовательская работа значительно сократилась, а затем была практически прекращена.

* * *

В современных ландшафтах юга Европейской части России отмечается проявление процессов деградации и опустынивания. Особенно опасны такие процессы в сухостепной и полупустынной зоне, в частности на территории Астраханской области.

В прямом смысле безжизненную пустыню, без каких либо лесопосадок, населенных пунктов и остановок для отдыха, можно наблюдать, когда едешь по трассе Волгоград–Астрахань или преодолевая расстояние между Астраханью и Элистой.

По рассказам местных жителей, огромную роль в лишении астраханской полупустыни жизни играет ветер. Скорость ветра большая: в среднем она составляет 4,4 м в секунду. Как правило, к середине дня он усиливается и скорость его в это время суток почти вдвое выше, чем в утренние и вечерние часы: свыше 6 м в секунду. Песчаный буран бывает такой силы, что сбивает людей с ног. Пыль и песок засыпают глаза, засекают лицо, проникают под одежду. Пасущиеся в поле животные часто после бури возвращаются в загоны с воспаленными глазами и голодные. Убытки от пыльных и песчаных бурь – огромные. Особенно страдают фермерские хозяйства по выращиванию овощей и частные подворья. Нежные всходы овощей оказываются выдутыми или занесенными слоем песка. Горячие ветра-суховеи сжигают посевы, опаливают листья деревьев.

Между тем, как показал опыт работы Богдинской НИАГЛОС в XX в., созданные при поддержке государства в степной и лесостепной зоне защитные лесные насаждения являются самым надежным и экономичным средством защиты пашни от снежных и песчаных заносов, создают благоприятные условия на сельскохозяйственных землях. Для получения максимального эффекта от защитного лесоразведения необходимо создавать лесные полосы на научной основе, силами опытных специалистов, лесомелиораторами высшей квалификации.

Примечания Notes

¹ Мерзон Е.Е. Экологическая история России: Новое междисциплинарное направление // Экологическая история в России: Этапы становления и перспективные направления исследований. Елабуга, 2014. С. 5–7.

² Калимуллин А.М., Виноградов А.В. Экологическая история в России: Этапы становления и перспективные направления исследований // Историко-биологические исследования. 2015. Т. 7. № 2. С. 140–145.

³ Ci L., Yang X. Desertification and Its Control in China. Beijing: Higher Education Press; Heidelberg, New York: Springer, 2010; Zdruli P. Desertification in the Mediterranean Region // Mediterranean Yearbook 2011. Barcelona: Institut Europeu de la Mediterrània (IEMed), 2011. P. 250–254.

⁴ Орлов М.А. Полезащитные лесные полосы в сухом и орошаемом земледелии Астраханской области. Астрахань, 1948.

⁵ Касьянов Ф.М. Защитная роль лесных полос в Астраханской полупустыне. Астрахань, 1949.

⁶ Дьяченко А.Е. Лесные полосы в зоне полупустыни: Опыт Богдинского агролесомелиоративного пункта. Москва, 1949.

⁷ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989.

⁸ Лепеско В.В. Краткий очерк по истории лесоразведения в северо-за-

падном и восточном Прикаспии // Научно-агрономический журнал. 2018. Т. 1. № 1-1 (102). С. 57–59.

⁹ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989. С. 73.

¹⁰ Дьяченко А.Е. Лесные полосы в зоне полупустыни: Опыт Богдинского агролесомелиоративного пункта. Москва, 1949. С. 26, 27.

¹¹ Дьяченко А.Е. Лесные полосы в зоне полупустыни: Опыт Богдинского агролесомелиоративного пункта. Москва, 1949.

¹² Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-2973. Оп. 1. Д. 1. Л. 111, 111об.

¹³ Текущий архив Богдинской НИАГЛОС. Историческая справка ГНУ Богдинская НИАГЛОС (Харабали, 1979).

¹⁴ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989. С. 7.

¹⁵ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989. С. 2.

¹⁶ ГААО. Ф. Р-2973. Оп. 1. Д. 1. Л. 119об.

¹⁷ Дьяченко А.Е. Лесные полосы в зоне полупустыни: Опыт Богдинского агролесомелиоративного пункта. Москва, 1949. С. 36.

¹⁸ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989. С. 9.

¹⁹ Текущий архив Богдинской НИАГЛОС. Устав ГНУ Богдинская НИАГЛОС (Харабали, 2004).

²⁰ ГААО. Ф. Р-2973. Оп. 1. Д. 34. Л. 292, 292об.

²¹ Ерымовский К.И. Человек покоряет пустыню // Ерымовский К.И. Люди подвига: Очерки. Астрахань, 1951. С. 69–88.

²² Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989. С. 10, 11.

²³ Текущий архив Богдинской НИАГЛОС. Доклад к.с.н. В.В. Лепеско «ГНУ Богдинская НИАГЛОС, значение ее агролесомелиоративной и научной деятельности дел в России в свете идей основоположника М.А. Орлова» (Харабали, 2007). С. 2.

²⁴ Текущий архив Богдинской НИАГЛОС. Доклад к.с.н. В.В. Лепеско «ГНУ Богдинская НИАГЛОС, значение ее агролесомелиоративной и научной деятельности дел в России в свете идей основоположника М.А. Орлова» (Харабали, 2007). С. 2.

²⁵ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград, 1989. С. 50.

²⁶ Асмачкин А.П., Лепеско В.В., Терюков А.Г. Состояние и перспективы развития защитного лесоразведения в Астраханской области. Волгоград,

Автор, аннотация, ключевые слова

Дрыгина Наталья Николаевна – канд. ист. наук, доцент Астраханского государственного университета (Астрахань)
Sachsa94@mail.ru

В статье освещаются основные моменты истории борьбы человека с наступающей пустыней в Астраханской области в XX в. Основное внимание уделено деятельности русского ученого М.А. Орлова (1881 – 1955), которого называли «победителем астраханских песков», а также работе созданной им Богдинской научно-исследовательской агролесомелиоративной опытной станции (НИАГЛОС им. М.А. Орлова). Источниками для написания статьи послужили документы, сохранившиеся в личном фонде М.А. Орлова и в архиве Богдинской НИАГЛОС, которые прежде не использовались историками. Как показывает автор статьи, и в конце XIX в., и в течение всего XX в., и в наши дни подвижные пески Астраханской полупустыни представляют страшную угрозу человеку и всей окружающей среде, созданной человеком. Препятствовать продвижению песков позволяют защитные лесонасаждения в виде оградительных лесополос. В XX в. тяжелый и упорный труд работников Богдинской НИАГЛОС принес успех в борьбе с песками, пыльными бурями и засухой. Богдинская НИАГЛОС получила важные результаты в изучении ветровой эрозии, мелиоративной роли различных видов защитных зеленых насаждений, способов закрепления подвижных песков. Особое значение имеет ее опыт по вовлечению песчаных территорий в сельскохозяйственное производство, размещению защитных лесных насаждений и выращиванию кормовых культур на пастбищных землях под защитой лесных насаждений. Этот уникальный опыт Богдинской НИАГЛОС, как и прежде, жизненно необходим человеку для противодействия наступающим пескам.

Пустыня, полупустыня, подвижные пески, Астраханская область, Астраханская полупустыня, защитное лесонасаждение, лесоразведение, лесомелиорация, М.А. Орлов, экологическая история.

References**(Articles from Scientific Journals)**

1. Kalimullin A.M., Vinogradov A.V. *Ekologicheskaya istoriya v Rossii: Etapy stanovleniya i perspektivnyye napravleniya issledovaniy* [Ecological History in Russia: Stages of Development and Future Directions for Research.]. *Istoriko-biologicheskkiye issledovaniya*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 140–145. (In Russian).
2. Lepesko V.V. *Kratkiy ocherk po istorii lesorazvedeniya v severo-zapadnom i vostochnom Prikaspii* [A Brief Essay on the History of Afforestation along the North-Western and Eastern Caspian Littoral.]. *Nauchno-agronomicheskiiy*

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Merzon E.E. *Ekologicheskaya istoriya Rossii: Novoye mezhdistsiplinarnoye napravleniye* [The Ecological History of Russia: A New Interdisciplinary Direction.]. *Ekologicheskaya istoriya v Rossii: Etapy stanovleniya i perspektivnyye napravleniya issledovaniy* [Ecological History in Russia: Stages of Development and Future Directions for Research.]. Yelabuga, 2014, pp. 5–7. (In Russian).
4. Zdruli, P. Desertification in the Mediterranean Region. *Mediterranean Yearbook 2011*. Barcelona: Institut Europeu de la Mediterrània (IEMed), 2011, pp. 250–254. (In English).

(Monographs)

5. Asmachkin A.P., Lepesko V.V., Teryukov A.G. *Sostoyaniye i perspektivy razvitiya zashchitnogo lesorazvedeniya v Astrakhanskoj oblasti* [The Status and Prospects for Development of Protective Afforestation in the Astrakhan Region.]. Volgograd, 1989, 155 p. (In Russian).
6. Ci, L.; Yang, X. *Desertification and Its Control in China*. Beijing: Higher Education Press; Heidelberg, New York: Springer, 2010, 513 p. (In English).
7. Dyachenko A.E. *Lesnyye polosy v zone polupustyni: Opyt Bogdinskogo agrolesomeliorativnogo punkta* [Protective Forest-Belts in the Semi-Desert Zone: The Experience of the Boldinskiy Agro-Forestry Land Reclamation Station.]. Moscow, 1949, 88 p. (In Russian).
8. Kasyanov F.M. *Zashchitnaya rol lesnykh polos v Astrakhanskoj polupustyne* [The Protective Role of Forest Belts in the Astrakhan Semi-Desert.]. Astrakhan, 1949, 145 p. (In Russian).
9. Orlov M.A. *Polezashchitnyye lesnyye polosy v sukhom i oroshayemom zemledelii Astrakhanskoj oblasti* [Protective Forest Belts in the Dry and Irrigated Agriculture of the Astrakhan Region.]. Astrakhan, 1948, 70 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Natalya N. Drygina – Candidate of History, Senior Lecturer, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Sachsa94@mail.ru

The article highlights the major developments in the history of human fight against the advancing desert in the Astrakhan region in the 20th century. The focus is made on the activities of Mitrophan A. Orlov (1881 – 1955), the Russian scientist who was called “the conqueror of Astrakhan sands”, and the work of Bogdinskaya Research Agro-Forest Melioration Station (NIAGLOS named after M.A. Orlov). The author refers to documents from M.A. Orlov’s private

archive as well as the archive of the Bogdinskaya NIAGLOS which were not used by historians before. The shifting sands in the Astrakhan semi-desert are seen as a dire threat to man and the entire man-made environment at present as it was at the end of the 19th and throughout the 20th centuries. Protective forest planting in the form of forest belts helps to block sand advancement. The 20th century saw a success in the fight against sands, dust storms and drought as a result of ceaseless and unsparing efforts made by the staff of the Bogdinskaya NIAGLOS. This research centre achieved significant results in the study of wind erosion, meliorating role of different species of protective vegetation and methods of immobilizing sands. Of special value is its expertise in turning sand areas into agricultural ones, growing planting protective forests and feed crops on pasture lands through protective afforestation. This unique experience of the Bogdinskaya NIAGLOS is still indispensable for people to counteract the expanding sands.

Desert, semi-desert, shifting sands, Astrakhan region, Astrakhan semi-desert, protective forest planting, afforestation, forest melioration, Mitrophan A. Orlov, ecological history.

РОССИЯ И МИР **Russia and the World**

Э.П. Бакаева

КАЛМЫЦКИЕ БУДДИСТЫ И ДАЛАЙ-ЛАМА XIV: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ КАЛМЫКИИ 1992 ГОДА

E.P. Bakaeva

The Kalmyk Buddhists and the Fourteenth Dalai Lama: Pages from the History of Kalmykia (1992)

Год 1991-й был отмечен проведением Первой конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области и созданием Объединения буддистов Калмыкии (ОБК), независимого от Центрального духовного управления буддистов СССР (ЦДУБ СССР). В следующем году, 1992-м, в Элисте состоялась Вторая (Чрезвычайная) конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области. На эти события и их последствия, ознаменовавшие начало бурного развития буддизма в Калмыкии – одной из трех «буддийских» республик России, – огромное влияние оказали два визита Далай-ламы XIV в Калмыкию.

Цель настоящей статьи – осветить события, последовавшие за созданием независимого Объединения буддистов Калмыкии (ОБК), вплоть до Второй (Чрезвычайной) конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области во взаимосвязи с двукратным посещением Калмыкии Далай-ламой XIV, раскрыть значение всех этих исторических событий для развития российского буддизма.

Статья написана на основе материалов из личного архива автора, среди которых, помимо прочего, хранятся протокол Второй (Чрезвычайной) конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области и документы Молодежной буддийской ассоциации Калмыкии (МБАК). Также были использованы ранее не публиковавшиеся документы из фондов Национального архива Республики Калмыкия.

Первый год работы Объединения буддистов Калмыкии и визит Далай-ламы XIV в Калмыкию в июле 1991 г.

Итак, 23 июня 1991 г. состоялась Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области, на которой делегаты приняли ре-

шение образовать независимое от ЦДУБ СССР Объединение буддистов Калмыкии. В новом статусе верующие, организованные в ОБК, уже через месяц после Первой конференции буддистов встречали в Элисте Далай-ламу XIV Тензин Гьяцо, прибывавшего по официальному приглашению Совета министров Калмыцкой ССР – Хальмг Тангч¹ (далее – КССР–ХТ, такое название республика носила с 18 октября 1990 г. по 20 февраля 1992 г., когда она была переименована в Республику Калмыкия – Хальмг Тангч²): руководство республики взяло на себя инициативу в восстановлении связей с религиозным иерархом. Визиту тибетского духовного лидера придавалось чрезвычайное значение, верующие возлагали надежды на то, что Далай-лама XIV освятит калмыцкую землю и вера предков восстановится, что верховный иерарх будет способствовать решению вопросов становления буддийских институтов.

Визит Далай-ламы XIV состоялся в связи с юбилейными торжествами, которые назывались «250-летие официального признания буддизма в России»³, но были связаны с историей утверждения буддизма конкретно в Бурятии, где с 14 по 20 июля побывал Далай-лама XIV и принял участие в официальных мероприятиях. В этот период он совершил поездку в Агинский дацан (в Агинском Бурятском автономном округе Читинской области, с 16 по 17 июля). Затем с 25 по 30 июля 1991 г. Далай-лама XIV должен был совершить визит в Калмыкию.

Впервые в Калмыкии ожидали Далай-ламу XIV. Однако уже тогда вопрос о визите тибетского иерарха обсуждался на межгосударственном уровне, и статус визита неоднозначно расценивался разными сторонами.

В связи с пребыванием Далай-ламы XIV в Бурятии из Министерства иностранных дел СССР на имя председателя Совета министров КССР–ХТ поступила ВЧ-грамма за подписью заместителя министра иностранных дел России И.А. Рогачева, в которой до сведения руководителей республики доводилась информация о беседе в МИД СССР 11 июля 1991 г. с представителем посольства КНР в Москве и о позиции советской стороны⁴. Хотя руководство МИД направило председателю республиканского правительства ВЧ-грамму «в порядке информации» для ознакомления с текстом заявления представителя посольства КНР, республиканской власти было обозначено отношение к визиту Далай-ламы как приезду духовного лица, а также доводился до сведения официальный ответ посольству КНР в части позиции Советского Союза в отношении Тибета: «...Она носит принципиальный характер. Являясь последовательной и неизменной, эта позиция базируется на признании и поддержке территориальной целостности Китая, строгом невмешательстве в его внутренние дела»⁵.

В заявлении представителя китайского посольства отмечалось, что из сообщения советских средств массовой информации стало

известно, что 10 июля 1991 г. в СССР прибыл Далай-лама XIV и во время пребывания буддийского иерарха в Бурятии планируется встреча с руководителями Совета министров республики. В этой связи китайский представитель заявлял о том, что КНР против действий любого имеющего дипломатические отношения с КНР государства, предоставляющих Далай-ламе возможность для его деятельности. Представитель КНР выразил надежду, что СССР примет меры, направленные на «прекращение политической деятельности Далай-ламы в СССР». В этой связи советская сторона разъяснила, что приезд Далай-ламы XIV связан с празднованием 250-летия буддизма в России: «В Советском Союзе Далай-ламу рассматривают исключительно как религиозного деятеля, частное лицо. Советские официальные организации к его приезду не имеют какого-либо отношения»⁶.

Но в условиях обретенных демократических свобод руководство республики по примеру руководства Бурятии приняло активное участие в организации и проведении первого в истории Калмыкии визита Далай-ламы, которому придавалось большое значение в свете возрождения в Калмыкии не только буддизма, но и национальной культуры. Приглашение Далай-ламе XIV было направлено от имени ширетуй-ламы Туван Доржа и председателя Совета министров республики Б.Ч. Михайлова⁷.

Согласно документам о подготовке визита Далай-ламы XIV в Калмыкию, ответственными за его встречу 25 июля 1991 г. в аэропорту Элисты являлись председатель Верховного Совета КССР–ХТ В.М. Басанов, председатель Совета министров КССР–ХТ Б.Ч. Михайлов, верховный лама (или шаджин-лама) Туван Дорж. Встреча предусматривалась «по национальному ритуалу»: «мужчины и женщины в национальных костюмах с цаган иданом, благопожелание – йорал» [Правильно: «цаган идян» (молочная пища, которая считается в калмыцкой традиционной культуре сакральной) и благопожелание «йорял». – Э.Б.]⁸.

В программу, помимо встречи с представителями Верховного Совета КССР–ХТ, Совета министров КССР–ХТ, ламой Туван Доржем и группой в национальных костюмах, также была включена краткая пресс-конференция для журналистов⁹.

В Национальном архиве Республики Калмыкия хранится экземпляр программы пребывания Далай-ламы XIV в республике, в котором председатель Совета министров Б.Ч. Михайлов своей рукой вписывает в расписание первого дня пребывания (26 июля 1991 г.) наряду с «подготовкой к ритуалу» – «встреча с общественностью города, республики». При этом планировавшаяся в проекте на 28 июля 1991 г. встреча с общественностью в Калмыцком институте общественных наук АН СССР (его конференц-зал вмещал 150 человек) была заменена «пресс-конференцией» (с пометкой «пригласит.», что означало приглашение определенного круга людей), местом прове-

дения которой был определен самый большой в то время зал в Элисте – Дворец культуры профсоюзов¹⁰. На экземпляре, подписанном председателем Совета министров КССР–ХТ, его рукой наложена резолюция для заместителя председателя Совета министров В.З. Эрдни-Горяева: «...Систематизировать мероприятия и оставить документ для истории»¹¹.

Отписанный далее уполномоченному Совету по делам религий при Совете Министров СССР по Калмыцкой АССР Н.Н. Кекееву, документ в окончательном варианте включал изменения, предложенные руководителем исполнительной власти республики¹². В первом же варианте программа включала только пресс-конференцию для ученых, правда, также планировавшуюся в большом зале Дворца культуры профсоюзов¹³.

Подчеркивание интереса к буддийской тематике именно ученых прослеживается с первых документов по подготовке визита Далай-ламы XIV, датированных началом года, когда на 11–13 апреля 1991 г. планировалось прибытие «представителей Далай-ламы»¹⁴ для ознакомления с обстановкой в республике в связи с предстоящим визитом в Элисту духовного иерарха. Имена тех, кто приехал тогда Элисту, зафиксированы в архивных документах: в официальном приглашении Далай-ламе XIV посетить Калмыкию, направленном по результатам визита его представителей, звучит благодарность «от имени всего народа» «за посещение Калмыкии Премьер-министром Калсанг Йеши, министром по делам религии Карма Гелек»¹⁵. Кроме них, в составе делегации были старший брат Далай-ламы XIV Туптэн Норбу (основатель Тибетского культурного центра в США и представитель Далай-ламы в Японии) и переводчик Наванг Рабдан. Делегацию сопровождали дид-хамбо-лама ЦДУБ СССР Жамьян Шагдаров, заведующий представительством ЦДУБ СССР в Москве Базарсадо (В.Р. Ламажапов) и уполномоченный Совета по делам религий при Совете министров СССР по Бурятской ССР (до октября 1990 г. – АССР) В.Г. Батомункуев. Вместе с ними прибыл американский калмык Дава Урубжуров¹⁶.

Проект программы пребывания представителей тибетского иерарха в апреле 1991 г. в Калмыкии включал прием в Верховном Совете КССР–ХТ, посещение хурула, выезд на природу (в проекте отмечено просто «степь»), посещение краеведческого музея и картинной галереи, культурную программу (концерт с участием 8 творческих коллективов), а также встречу в Калмыцком институте общественных наук АН СССР (КИОН АН СССР, ныне Калмыцкий научный центр РАН, в котором проводились исследования буддологического характера¹⁷), причем на посещение хурула предусматривалось всего два часа, а на встречу с учеными – до пяти часов. Это было обусловлено подготовкой проведения Бурятским научным центром Сибирского отделения АН СССР (БНЦ СО АН СССР, ныне БНЦ РАН) 16–17 июля 1991 г. международной научной конферен-

ции, посвященной 250-летию официального признания буддизма «в Бурятии и России», которую финансировали Совет министров БССР, ЦДУБ СССР и БНЦ СО АН СССР¹⁸.

Программа этой научной конференции, датированная февралем 1991 г., как и в целом документация по предстоящим юбилейным торжествам в Бурятии, имела в Калмыкии¹⁹. Участие представителей ЦДУБ СССР в подготовительных мероприятиях и обмен информацией обусловили то, что программа визита Далай-ламы XIV в Калмыкию являлась аналогичной документу под названием «Программа пребывания Его Преосвященства Далай-ламы XIV в Бурятии с 14 по 20 июля 1991 г.», который был утвержден председателем Совета министров Бурятской ССР В.Б. Сагановым²⁰.

* * *

В буддийских республиках трепетно ожидали буддийского иерарха.

Информация, доведенная до Совета министров КССР–ХТ в срочном сообщении по спецсвязи в 10 часов 15 минут 12 июля 1991 г., предназначалась только для руководства Калмыкии. Но уже в тот же день в московском вечернем выпуске «Известий» была опубликована процитированная выше выдержка из ВЧ-граммы о характере визита и позиции СССР по вопросу о Тибете²¹.

Тем не менее, руководство обеих республик – Бурятии и Калмыкии – являлось координаторами и организаторами визита Далай-ламы XIV. Несмотря на информацию из МИД СССР, в которой указывалось, что визит носит частный характер и советские организации не имеют отношения к визиту религиозного деятеля, были организованы приемы в Верховном Совете КССР–ХТ (27 июля 1991 г.)²² и в Совете министров КССР–ХТ (28 июля 1991 г.)²³; в Совете министров Бурятской ССР (18 июля 1991 г.)²⁴.

Визит оказал большое влияние на дальнейшее развитие буддизма в Калмыкии, он освещался во всех средствах массовой информации, был создан цикл телепередач. Далай-лама XIV прочитал цикл лекций, провел ритуал божества Арьябалы, встретился с депутатами Верховного Совета республики и представителями общественности. Для буддистов Калмыкии важным явилось то, что первыми словами Далай-ламы были слова воспоминаний о его друге, калмыке по происхождению Геше Вангьяле – буддийском монахе и учителе, ученом, основавшем первый тибетский монастырь в США и давшем начальные знания по буддизму многим профессорам, ныне работающим в университетах США. Калмыцкие буддисты только начали в те годы открывать для себя личность Геше Вангьяла, и высокая оценка деятельности монаха-земляка, прозвучавшая из уст Далай-ламы, давала повод еще больше гордиться известным выходцем из Калмыкии, а также еще более сблизила тысячи верующих и

Далай-ламу, о котором верующие узнали, что среди его ближайших друзей был калмык Геше Вангъял (Боота Лиджиев).

Открытием для верующих республики и большим событием в их жизни стало знакомство в период первого визита Далай-ламы XIV с Тэло Тулку Ринпоче (Э.Б. Омбадыковым), прибывшим в составе сопровождающих Далай-ламу лиц в Элисту для оказания помощи в организации его приема. Впервые простые буддисты-калмыки, жившие еще совсем недавно в полной изоляции от буддийского мира, узнали о высокопоставленном перерожденце, этническом калмыке, который известен был в монгольском мире в прошлом рождении как Дилова хутухта²⁵ (именно потому в первых документах, связанных с Ринпоче, его именовали Дело (или Дэло) Ринпоче²⁶; титул Ринпоче также часто писали «Римпоче»).

Тэло Тулку Ринпоче пробыл в Калмыкии всего десять дней (20–30 июля 1991 г.), принял участие в организационных мероприятиях и во встрече с общественностью, с которой поделился мыслями о задачах возрождения веры, о строительстве хурула Калмыкии и поддержке стремлений молодежи, о том, что его восхитило, как калмыки, с которыми его связывают кровные узы, сохранили веру в сложных условиях. На встрече Тэло Тулку Ринпоче высказал надежду, что, приехав через два-три года, увидит, как в Калмыкии поднялась и расцвела религия. Позже, на II конференции буддистов, Ринпоче рассказал, что уже во время первого визита настоятель хурула предложил ему возглавить буддистов Калмыкии²⁷.

Визит Далай-ламы XIV и первое посещение Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче явились поворотным событием в жизни буддистов Калмыкии, ставшей насыщенной и разнонаправленной.

В 1991 г. в буддийскую академию в Улан-Баторе были направлены пять студентов²⁸. Уже к сентябрю 1991 г. молодые буддисты подготовили проект создания нового религиозного объединения буддистов (мирян и духовенства) – Молодежной буддийской ассоциации Калмыкии (МБАК), целью которой объявлялись совместное исповедание, изучение, практическое воплощение и распространение учения буддизма «под каноническим попечением Его Святейшества Далай-ламы XIV и под руководством Достопочтимого Дело Ринпоче»²⁹.

Документы, отражающие идеи создания МБАК (проект Устава Организационного комитета МБАК, проект Устава МБАК, планы работы на сентябрь 1991 г. – январь 1992 г. и на 1992 г., хранящиеся в личном архиве автора), отражают специфику духовного состояния общества, особенности целей и задач, поставленных перед молодежью Тэло Тулку Ринпоче, который, согласно проекту Устава МБАК, объявлялся духовным учителем «Ах Багш» (на калмыцком языке – «Старший (или Главный) Учитель» (напомним, что термин «багш» в прошлом означал настоятеля монастыря или храма, а священнослужителя, возглавлявшего все монастыри определенной админи-

стративно-территориальной единицы (улуса), называли «ах багш»).

В состав оргкомитета МБАК вошли всего 14 молодых людей, большинство из которых впоследствии стали известны среди буддистов Калмыкии как руководители религиозных объединений, священнослужители, возглавляющие общины буддийских храмов, переводчики и просто активисты. Среди них преобладали специалисты с высшим образованием (рабочими языками МБАК предполагалось утвердить калмыцкий, русский и английский), что, несомненно, сказалось на работе оргкомитета, сокращенное название которого (ОК МБАК) явно могло восприниматься в контексте английского прочтения: «(O) come back» – «(O) возвращении назад (т.е. к истокам)».

Программа деятельности ОК МБАК, составленная сразу после знакомства с Тэло Тулку Ринпоче, была чрезвычайно насыщенной и включала разработку устава, программы деятельности, структуры МБАК (с предварительным ее «утверждением Дело Римпоче»); обращение через средства массовой информации к молодежи Калмыкии и созыв учредительной конференции; сотрудничество с ОБК и другими буддийскими общинами в СССР и за рубежом; организацию штаб-квартиры МБАК, Пресс-бюро МБАК, учебного центра и открытие храма («сюме»), настоятелем которого предполагалось утвердить Санджи-гелюнга (С.У. Уланова, 1903 – 1996).

Энтузиазм молодежи отразился в планировании в течение ближайшего года открыть храм, специализированную библиотеку, пресс-бюро, учебный центр с преподаванием калмыцкого, английского, тибетского языков, с лекторием и выставочным залом; основать мастерскую по изготовлению культовых предметов; открыть международный отдел (включая отдел переводов) для налаживания контактов с буддийскими объединениями мира и начать издательскую деятельность. Уже в 1992 г. молодые буддисты предполагали пригласить на работу тибетских монахов для обучения всех желающих основам философии и религиозной деятельности, направить в тибетские монастыри Индии желающих получить религиозное образование, пригласить на учебу в средние и высшие учебные заведения Калмыкии представителей тибетской молодежи.

Со следующего года, 1993-го, активисты буддийской молодежи планировали открыть представительства в Москве, Ленинграде, Улан-Баторе (Монголия) и Дхарамсале (Индия), а также калмыцкий национальный театр и тибетский культурный центр в Элисте. Предполагалось также проведение «буддийских праздников» (под которыми понимались народные календарные празднества Цаган сар, Зул, Урс сар, Гал тахих сар, а также праздник круговращения Майдари «Мядр») ³⁰.

Анализ проекта Устава МБАК позволяет сделать вывод, что основными целями калмыцкой буддийской молодежи являлись не только и не столько «совместное исповедание», сколько изучение и распространение учения буддизма, открытие молитвенного дома

с последующим созданием хурула (буддийского монастыря). Просветительной и образовательной деятельности должна была способствовать редакционно-издательская деятельность.

Несомненно, что проект создания МБАК, мыслящийся как вектор развития молодежной культуры буддийской Калмыкии, «возвращение назад», или «к истокам», явился результатом обсуждения актуальных вопросов развития буддизма в Калмыкии. Вместе с тем активная часть буддийской молодежи, впечатленная молодым Ринпоче (Э.Б. Омбадыкову в момент его первого визита в Калмыкию не исполнилось и 19 лет), включила в проект МБАК все направления деятельности ОБК, существенно расширив и уточнив их содержание.

В итоге основные идеи создания МБАК в области изучения и распространения учения были реализованы в работе Дхарма-центра, который был создан как молодежный буддийский центр в 1991 г. по предложению Тэло Тулку Ринпоче и стал «объединяющей силой буддистов республики»: «В его рамках были организованы курсы по изучению основ буддизма, тибетского языка и древнеиндийской логики. На эти занятия приходило до 500 слушателей, возраст которых варьировался от 14 до 70 лет. По приглашению данного центра Калмыкию посетили иерархи различных буддийских школ: Оле Нидал – основатель общин традиции Карма-Кагью в Европе (1993 г.), Сакья Тризин – глава традиции Сакья, кхенчен Палден Шераб ринпоче и кхенпо Цеванг Донгъял ринпоче – учителя традиции Ньигма (1995 г.). Благодаря деятельности Дхарма-центра страна узнала о Калмыкии как об одном из буддийских регионов. В 1994 г. был организован Международный буддийский форум, в котором приняли участие около тысячи верующих из России и ряда других стран. В рамках форума прошли молебны, посвящения, благотворительный телемарафон, духовно-экологическая экспедиция “Драгоценное ожерелье Калмыкии”, участники которой расчищали родники, посетили места разрушенных хурулов. В дальнейшем в рамках Дхарма-центра стали формироваться религиозные общины мирян, ориентированных на одну из четырех школ буддизма»³¹ Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 7. С. 33.

Примечания Notes

¹ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 68; Д. 2477. Л. 8.

² Гунаев Е.А. Государственные символы Калмыкии в XX – начале XXI вв.: Исторические и политико-правовые аспекты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 17.

³ Жуковская Н.Л. 250 лет официального признания буддизма в России

(размышления о прошедшем юбилее некоторое время спустя) // Этнографическое обозрение. 1992. № 3. С. 118–131; Цыремпилов Н.В. Когда Россия признала буддизм? В поисках указа 1741 г. императрицы Елизаветы Петровны об официальном признании буддизма российскими властями // Гуманитарный вектор. 2014. № 3 (39). С. 96–109.

⁴ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 13–13а.

⁵ Там же. Л. 13а.

⁶ Там же. Л. 13–13а.

⁷ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2377. Л. 8.

⁸ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2300. Л. 22.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 9–11.

¹³ Там же. Л. 7–8.

¹⁴ Там же. Л. 23.

¹⁵ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 8.

¹⁶ Личный архив автора.

¹⁷ *Bakaeva E.P.* Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 2014. Vol. 53. No. 4. Pp. 21–46.

¹⁸ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2300. Л. 30–32.

¹⁹ Там же. Л. 25–32.

²⁰ Там же. Л. 27–28.

²¹ Там же. Л. 20.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Л. 9об.

²⁴ Там же. Л. 29.

²⁵ Дилова-хутухта Монголии: Политические мемуары и автобиография перерождения буддийского ламы. Москва, 2018.

²⁶ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2300. Л. 13.

²⁷ Личный архив автора.

²⁸ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2177.

²⁹ Личный архив автора.

³⁰ Личный архив автора.

³¹ *Марзаева М.Б.* Особенности процесса возрождения буддизма в Республике Калмыкия //

³² Личный архив автора.

³³ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 17.

³⁴ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2388. Л. 1.

³⁵ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2388. Л. 1–3.

³⁶ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2388. Л. 1–3.

³⁷ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 33–34.

³⁸ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 34.

³⁹ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2388. Л. 1–3.

⁴⁰ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 34.

⁴¹ Там же.

⁴² Introduction to Central Tibetan Administration. Dharamsala: Department of Information and International Relations, 2017. P. 9.

⁴³ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 17.

⁴⁴ Личный архив автора.

⁴⁵ Бакаева Э.П., Орлова К.В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц. Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: Сакральные объекты. Москва, 2015.

⁴⁶ Личный архив автора.

⁴⁷ Известия Калмыкии (Элиста). 1992. 23 мая, 3 июня.

⁴⁸ Личный архив автора.

⁴⁹ НА РК. Ф. Р-309. Д. 2174. Л. 10.

⁵⁰ Личный архив автора.

⁵¹ Личный архив автора.

⁵² Личный архив автора.

⁵³ НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 3. Л. 7–11.

⁵⁴ Личный архив автора.

⁵⁵ Личный архив автора; НА РК. Ф. Р-605. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–4.

⁵⁶ Личный архив автора.

⁵⁷ Личный архив автора.

⁵⁸ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 28.

⁵⁹ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2477. Л. 20.

⁶⁰ Илюмжинов К. Духовная опора общества // Теегин герл = Свет в степи. 1993. № 5. С. 3–5.

⁶¹ Известия Калмыкии. 1995. 10 нояб.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бакаева Эльза Петровна – докт. ист. наук, заместитель директора Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста) ebakaeva@yandex.ru

В 1991 г. Элисте, столице Республики Калмыкия, состоялась Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области, на которой было создано Объединение буддистов Калмыкии. Эти события ознаменовали начало бурного развития буддизма в Калмыкии. Активная деятельность Объединения буддистов Калмыкии и проведение в Элисте Второй (Чрезвычайной) конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области в 1992 г. способствовали дальнейшему превращению Калмыкии в крупнейший центр буддизма в европейской части России. На эти исторические события и процессы огромное влияние оказали два визита Далай-ламы XIV в Калмыкию, которые состоялись в 1991 г. и 1992 г. Кроме того, Объединение буддистов Калмыкии возглавил Тэло Тулку Ринпоче, который стал верховным ламой Калмыкии, а ныне также является полномочным представителем Далай-ламы XIV в России и Монголии. В статье обстоятельно освещаются эти исторические события, раскрываются их

значение и последствия для развития буддизма в России. Особое внимание уделяется участию органов государственной власти Республики Калмыкия в развитии буддизма, в жизни буддистов республики. Кроме того, рассмотрены документы планировавшейся к созданию Молодежной буддийской ассоциации Калмыкии, которые выражают желания и надежды молодого поколения буддистов. Статья написана на основе материалов из личного архива автора, среди которых хранятся протокол Второй (Чрезвычайной) конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области, а также документы по подготовке к регистрации Молодежной буддийской ассоциации Калмыкии. Помимо них автор использовала ранее не публиковавшиеся документы Национального архива Республики Калмыкия.

Калмыкия, религиозная политика, религиозное возрождение, буддизм, буддистское духовенство, калмыцкий буддизм, хурул, Объединение буддистов Калмыкии, Центральная Тибетская администрация, Далай-лама XIV, Тэло Тулку Ринпоче.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bakaeva E.P. Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2014, vol. 53, no. 4, pp. 21–46. (In English).

2. Gunaev E.A. Gosudarstvennye simvolyy Kalmykii v XX – nachale XXI vv.: Istoricheskiye i politiko-pravovyye aspekty [State Symbols of Kalmykia in the 20th and Early 21st Centuries: Historical, Political, and Legal Aspects.]. *Vestnik Kalmytского instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2009, no. 1, pp. 15–22. (In Russian).

3. Marzayeva M.B. Osobennosti protsessa vozrozhdeniya buddizma v Respublike Kalmykiya [Some Features of the Process of the Revival of Buddhism in the Republic of Kalmykia.]. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*, 2010, no. 7, pp. 32–36. (In Russian).

4. Tsyrempilov N.V. Kogda Rossiya priznala buddizm? V poiskakh ukaza 1741 g. imperatritsy Elizavety Petrovny ob ofitsialnom priznanii buddizma rossiyskimi vlastyami [When did Russia Recognize Buddhism? In Search of Empress Elizabeth Petrovna's Decree of 1741 on the Official Recognition of Buddhism by the Russian Authorities.]. *Gumanitarnyy vector*, 2014, no. 3 (39), pp. 96–109. (In Russian).

5. Zhukovskaya N.L. 250 let ofitsialnogo priznaniya buddizma v Rossii (razmyshleniya o proshedshem yubileye nekotorye vremya spustya) [250 Years of the Official Recognition of Buddhism in Russia (Reflections on an Anniversary from the Recent Past).]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 1992, no. 3, pp. 118–131. (In Russian).

(Monographs)

6. Bakayeva E.P., Orlova K.V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii i Zapadnoy Mongolii: Sakralnyye obyekty [The Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects.]. Moscow, 2015, 236 p. (In Russian).

Author, Abstract, Keywords

Elza P. Bakaeva – Doctor of History, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia) ebakaeva@yandex.ru

In 1991 Elista, the capital of the Republic of Kalmykia hosted the First Conference of the Buddhists of Kalmykia and Astrakhan region, which founded the Association of the Buddhists of Kalmykia. These events signaled the start of the rapid development of Buddhism in Kalmykia. The intense activity of the Association of the Buddhists of Kalmykia as well as the Second (Extraordinary) Conference of the Buddhists of Kalmykia and Astrakhan region held in 1992 contributed to turning Kalmykia into the biggest center of Buddhism in the European part of Russia. These historic developments and processes were hugely affected by two visits of the 14th Dalai Lama to Kalmykia in 1991 and 1992. Moreover, the Association of the Buddhists of Kalmykia was headed by Telo Tulku Rinpoche who became supreme lama of Kalmykia and is now the 14th Dalai Lama's plenipotentiary in Russia and Mongolia. The article highlights these historical event in detail and reveals their influence on the development of Buddhism in Russia. A special attention is paid on the involvement of the government of the Republic of Kalmykia in the development of Buddhism and in the life of the Kalmyk Buddhists. Besides, the author analyses documents on the planned Youth Buddhist Association of Kalmykia, reflecting the aspirations of the young generation of Buddhists. The article is written on the basis of materials from the author's private archive comprising the records of the Second (Extraordinary) Conference of the Buddhists of Kalmykia and Astrakhan region as well as documents designed for the preparation and registration of the Youth Buddhist Association of Kalmykia. Previously non-published documents from the National Archives of Kalmykia were also used.

Kalmykia, religious policy, religious revival, Buddhism, Buddhist clergy, Kalmyk Buddhism, khurul, Association of the Buddhists of Kalmykia, Central Tibetan Administration, 14th Dalai Lama, Telo Tulku Rinpoche.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Landmarks in Human History

Т.Г. Архипова

ТАТЬЯНА КОРЖИХИНА И ЕЕ ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

T.G. Arkhipova

Tatyana Korzhikhina and her Last Book

Написав мемуарно-биографические очерки о большинстве из тех, с кем училась или работала в Историко-архивном институте, и связанных с ними событиях, я не решалась подробно писать о Татьяне Петровне Коржихиной, с которой была дружна почти 25 последних лет ее жизни. Не решалась не потому, что мне нечего было сказать, а потому, что не утихла боль утраты: ведь в отличие от рождения человека – ожидаемого чуда – смерть всегда трагедия неожиданная.

Мне тяжело дались все мои воспоминания о друзьях и коллегах, в случае же с Таней написание чего-то подобного мне представлялось вообще невозможным. Я вспоминала и вспоминаю ее каждый день, но это происходит эпизодично, по какому-то конкретному случаю: например, при написании воспоминаний о Н.П. Ерошкине или при выступлении на конференции, посвященной ее памяти, на лекциях, в быту и т.п. Я отдавала себе отчет в том, что особенно в последние годы ее жизни входила в ближайшее ее окружение: это были ныне покойная Галина Петровна Тихачева, падчерица ее брата Марина, Саша Сенин и я – и кому как не мне было написать о ней.

Кто-то из знавших ее, наверное, удивится столь узкому кругу близких ей людей, но это так. Очень общительная на первый взгляд,

постоянно демонстрирующая свою самостоятельность, победительность и категоричность, этакая деваха-рубашка, на самом деле она была человеком закрытым, сомневающимся и очень ранимым. Пережив большое количество утрат и даже предательств, с возрастом она уже не так болезненно реагировала на то, что ученики со временем забывали об учителе. Поначалу же она каждый раз только что не плакала. Она старалась следить за судьбами многих из своих учеников.

Помню, жалуется она на Володю Соболева (одного из любимых своих учеников), что он – разгильдяй и тунеядец, не пишет докторскую диссертацию. Приплываем с ней и с Т.М.Смирновой на теплоходе в Кострому, нас Володя встречает на служебной машине с шофером (он в это время работал директором музейного объединения области), ведет экскурсию для нас по Ипатьевскому монастырю, все работники ему только что ручки не целуют и т.д. и т.п. Привозит нас Володя на теплоход, у нас, как говорят, «с собой было» из расчета по наперстку. После этого наперстка Таня начинает себя корить: «Какая же я плохая, вот ругаю его, а он, оказывается, уважаемый человек, у него столько работы, такая ответственность». Еле я ее успокоила. Володя защитился позднее и защитился блестяще.

22 мая 2019 г. исполнится четверть века, как она ушла. Свой уход она предчувствовала, поэтому каждому из нас дала поручения, что делать с ее архивом, рукописями, знаменитой ее картотекой.

А.С. Сенин и Л.Д. Шаповалова выполнили все ее просьбы: сдали документы и картотеку в Архив Академии наук, организовали публикацию рукописей ее последних работ, опубликовали список ее трудов. Тем самым они в значительной степени компенсировали мою бездеятельность.

Какое-то участие принимала в этом и я, но именно «какое-то»: мне трудно было даже читать ее почерк, я этого избегала. Наверное, это звучит немного странно, но это так.

Спустя год после ее смерти издательство РГГУ выпустило второе, переработанное и дополненное, издание ее учебника, по которому учились и учатся поколения студентов не только одного Историко-архивного института¹.

В 1997 г. издательство РГГУ опубликовало ее монографию «Извольте быть благонадежны!», написанную на материале ее докторской диссертации².

Без малого четверть века спустя, в январе нынешнего года, 2018-го, увидела свет ее последняя монография, также выпущенная издательством РГГУ, – «Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина»³.

Получив от Л.Д. Шаповаловой книжку, стала ее листать. В общем-то машинально: я видела эту рукопись при жизни автора... И вдруг обнаружила, что прежняя боль утраты меня отпустила, «печаль моя светла». И теперь я могу вспомнить о ней более или менее

спокойно.

* * *

Из-за без малого десятилетней разницы в возрасте в институте мы с ней разминулись. Я узнала о Тане от своего научного руководителя Н.П. Ерошкина: под его руководством она защитила кандидатскую диссертацию, которую подготовила, работая по распределению в Якутии. «Я специально подписала распределение в Якутию, так как только так могла побывать на самом краю страны и Азии, да и долг государству за учебу я должна была отдать. Отдала сполна», – говорила она. Даже по сдержанным словам шефа я поняла, что он ею очень доволен.

Впервые я ее увидела, когда мы собрались вычитывать гранки статей для XX тома «Трудов МГИАИ». Авторы сборника – кандидаты и без пяти минут кандидаты наук – показались мне, вчерашней выпускнице вуза, небожителями. Таня на меня не обратила внимания, да и мне она не приглянулась, в отличие от яркой Т.М. Смирновой. Зато подошел А.Д. Степанский: «Это ты Архипова, которую шеф хочет взять на работу?». Уж и не помню, что я ему ответила: была очень зажата, хотя уже в качестве почасовика вела семинарские занятия на вечернем отделении ФАД.

При защите дипломной работы я была рекомендована в аспирантуру, но по существующим тогда правилам надо было отработать два года после окончания института – «отдать долг». Потом на кафедре не давали аспирантского места, оно появилось только в 1968 г. Таня к этому времени, вернувшись из Якутии и поработав какое-то время в Центральном государственном архиве РСФСР, уже была преподавателем МГИАИ и заведовала аспирантурой. Диссертация у меня была почти готова, минимумы сданы, статьи по теме опубликованы. Аспирантура уже была вроде бы и не нужна. Шеф позвонил мне и буквально в приказном порядке велел подать документы.

При встрече я Тане не понравилась. Она мне об этом сказала много позднее, но я это почувствовала сразу. Не знаю почему, но я показалась ей легкомысленной, не серьезной. Она высказалась в том духе, что мне не стоит занимать место, которое может занять кто-то другой (наверное, более достойный), но документы приняла, я поступила в аспирантуру и через год защитила диссертацию.

Незадолго до защиты меня взяли на работу на кафедру. Сама Таня мне потом рассказала, что Ерошкин, желая «поиграть в демократию», решил с коллегами обсудить мою кандидатуру как возможного члена коллектива: «Подхалимы были за, а я – против. Я боялась, что ты, будучи несерьезной, не украсишь наш коллектив». Конечно, такой коллектив украсить было трудно. Я начала стараться, и вскоре заслужила сдержанную похвалу, а потом и заявление Тани: «С тобой и дружить можно». Это дорогого стоило – она «просеивала» свое

окружение. Если в нем и мог оказаться подлец или предатель (все остальное она могла простить), то он мгновенно переходил в «путчики».

Так началась наша дружба, и она постоянно работала над моим «улучшением». Обижаться на улучшение было бесполезно: «Меня вполне устраивает то, какая ты есть, но потенциал на улучшение у тебя до конца не исчерпан». Я на равных дружила до последних их земных дней и со Смирновой, и со Степанским, но отношения с Таней были иными: как младшего со старшим. Она меня так и называла, говоря: «Даже тогда, когда у тебя будет от старости трястись голова, для меня ты будешь младшенькой».

Всему тому, что я сейчас умею в профессии, я обязана Н.П. Ерошкину и Т.П. Коржихиной. Как я училась у шефа, я уже писала, теперь я пишу о том, чему училась у нее.

Первым делом я пошла к ней на лекцию. Еще не было того мастерства, которое она приобрела со временем, но и тогда ее манера впечатляла. Многое она взяла от шефа, перемежая перечисление фактов (история госучреждений одна из самых точных специальных исторических дисциплин) отступлениями биографического характера, примерами из художественной литературы, мемуарных источников, средств массовой информации. Не лишённая ни ребячества, ни кокетства, она не допускала фривольных высказываний, из анекдотов выбирала, как она говорила, цензурные. Конечно, и тогда были студенты с пустыми глазами, но вокруг нее собирались с глазами горящими. Она притягивала их как магнит, им было интересно с ней, а ей – интересно с ними. Она много читала научной и художественной литературы, была театралкой, посещала все выставки, закрытые просмотры фильмов в Доме кино. Потом мы часто такого рода мероприятия посещали вместе. Сблизившись со мной и узнав, что я люблю бывать в филармонии, потребовала купить абонемент и ей – и стала ходить на концерты. При этом она всегда говорила: «Надо работать над собой, насиловать, чтобы полюбить». Мне кажется, любовь к музыке далась ей без насилия.

Читая лекции, она всегда имела под рукой конспект. Никогда не ленилась его переписывать. Сначала это были половинки листа, потом четвертушки, потом карточки. Ученики вспоминают, что последними были записные книжки, но я их почему-то не помню. С ее легкой руки я полюбила карточки, которые всегда в случае необходимости можно заменить. Она со времен работы в архиве вела свою знаменитую на всю Москву картотеку по истории госучреждений, а потом и общественных организаций. По существу это была картотека по истории СССР, структурированная по государственным институтам. К ней за помощью обращались даже доктора наук из других городов.

Работала она чрезвычайно много. Без всяких, как она говорила, «аспирантур и докторантур – это все сопли» она защитила не толь-

ко кандидатскую, но и докторскую диссертацию, для того времени много публиковалась. Все ее работы базировались на архивных источниках, работать с которыми она умела виртуозно. Имея опыт работы в архиве не только как исследователь, но и как сотрудник, она легко ориентировалась в описях, каталогах, умела так делать выписки, что после их использования у нее уже ничего из выписанного не оставалось. Часто в архиве (нас обычно пускали в хранилище) и в Историчке, которую она предпочитала Ленинке, мы работали вместе.

Я любила наблюдать ее за работой. Это была неопишуемая словами красота, если можно так выразиться об этом процессе, но я попробую. Перед тем, как начать работу, она говорила: «Есть захочешь есть, скажи мне – сходим в столовую, а то я забуду, и нас выгонят в конце работы читального зала». Взяв в руки книгу или единицу хранения, она как бы перемещалась в иное пространство, сиюминутные реалии исчезали, начиналось общение с документами, их авторами. Бледная кожа ее лица розовела, она что-то негромко говорила, как студентка, записывала...

Работу, которая всегда была у нее на первом месте, Таня любила самозабвенно. Она рассказывала, что где-то в классе 7-м сообщила родителям о том, что хочет стать актрисой. Отец, сказав что-то в духе Тараса Бульбы «я тебя породил, я и убью», пригрозил ей ремнем с пряжкой. На требование объяснить, в чем дело, он прочитал ей лекцию с примерами из жизни актеров, которая, в основном, сводится к беспутству. Безусловно, его любимица не могла быть в числе таких.

Поступив в МГИАИ, она стала примою студенческого театра, руководитель которого, кажется, Ксения Маринина, на похоронах Тани рассказала мне о больших ее способностях. Преподавательская работа позволила ей реализовать их значительную часть. Вот ее слова: «В работе преподавателя много от актерской. Я должна хорошо выглядеть, быть прилично одетой – меня не одна пара глаз разглядывает. Вчера я была кокетливой дамой, случайно зашедшей к студентам, сегодня у меня роль строгого профессора, завтра я душка-обаяшка и т.д.». Действительно, артистизма ей было не занимать.

Подружившись, я стала часто бывать у нее, после занятий на вечернем отделении оставалась ночевать, так как тогда жила в Подольске. Для меня в ее комнатке в коммуналке на улице Алексея Толстого (теперь Спиридоновка) было оборудовано койко-место.

Мы много говорили об исторической науке, об истории государства. В отличие от шефа она не была антисоветчицей, но многие наши вопросы относительно формы государственного устройства, внутренней и внешней политики СССР, повисали в воздухе. Иногда это нас пугало: разве могут быть вопросы без ответов? Это теперь я понимаю, что ответы выходили за рамки государственной идеологии. Вот уж действительно: «я усомниться в вере не пытался, стихи

прошли, а стыд за них остался».

Она много рассказывала мне о себе, о военном и послевоенном детстве, замужестве, о тех, кого любила, об отце, любимицей которого была. Может быть, ей казалось, что она нашла ухо, которому могла доверить то, что редко кому доверяла: «тебе в ухо влетит, в голове задержится, да с языка не сорвется».

У нее был имидж сильного человека, а ведь сильному тоже необходимо сочувствие. Довольно быстро она познакомила меня с мамой – Ириной Дмитриевной, с братом Димой, к которому испытывала смешанные чувства: сестринскую любовь, ревность (он был любимцем мамы), гордость, и это при том, что критически воспринимала его образ жизни (он был известным в то время оператором «Мосфильма» – участвовал, помимо прочего, и в съемках «Войны и мира» – со всеми вытекающими из этого последствиями). Они тяжело и долго болели, и вся забота о них легла на ее хрупкие плечи.

Она много болела сама. Трудно перечислить все болезни, которые ее одолевали, и больницы, в которых она лежала. Я навещала в это время Диму и ее, мне она доверяла заменять ее на занятиях, на защитах дипломных и диссертационных работ ее подопечными. Вместе с ней и Галей Тихачевой мы хоронили и Ирину Дмитриевну, и Диму.

Я не переставала восхищаться ее образом жизни, исключительной организованностью. Все было рассчитано до часа, как у Н.В. Тимофеева-Ресовского. За последовательность дней я не ручаюсь, но выглядело это приблизительно так: понедельник – архивный день; вторник – библиотечный день; среда – подготовка к лекциям, в этот день она «вживалась в тему и эпоху»; четверг – лекции и семинары (тогда ведь нагрузка у профессора была 550 часов), никто и ничто не могли отвлекать ее от этого; пятница – работа с дипломниками и аспирантами; суббота – поход на Тишинский рынок (язва требовала свежих продуктов); воскресенье – культурная программа, поездка за город, иногда ко мне.

В субботу и воскресенье она могла «конструлировать» (это ее выражение) полки и ящики для книг и картотеки, поделки из янтаря, который собирала в Прибалтике, где обычно отдыхала, шить и вязать. Много из сделанного ее руками и подаренного у меня сохранилось. Она и на телевидении снималась в «самостроках ручной работы». Про таких говорят «рукастая». В любой из дней работа заканчивалась часов в 6-7 вечера, дальше было «свободное время», которое отводилось, главным образом, чтению художественной литературы. Телевизор смотрела очень выборочно, но «сексуальный час» – обязательно. Я даже вздрогнула, когда первый раз услышала это словосочетание: оно тогда относилось к числу неприличных. Она захохотала и сказала, что так называет программу «Время» – «хочу новости».

Купив по случаю подержанный «Запорожец», она могла часок-

другой, часто вместе со мной в качестве пассажира, гонять по Москве. Машину она обожала, продала ее только тогда, когда та стала разваливаться. После инфаркта в «свободное время» она при хорошей погоде часа два гуляла по Москве.

Побывав на защите диссертации моего мужа, она очень подружилась с ним. Он, будучи в этом специалистом, помогал ей покупать необходимую домашнюю технику, чинил ее. Она шутила, что у нее есть персональный мастер. Когда немного подросла моя дочь, выезжая читать лекции, например, в Ленинских горах, в Ясной Поляне, она обязательно брала ее с собой. Дочь собралась писать у нее диплом – не успела.

Последние годы она много писала: появилась возможность с позиций новых подходов, с помощью обогащенного инструментария размышлять над уже известными фактами, добывать из постепенно открывавшихся архивов новые, писать так, как думаешь. Круг ее интересов расширился, в том числе и за счет того, что появился спрос на государствоведческие исследования. Представители государственных структур обращались к ней за консультациями.

Незадолго до смерти на двоих с соседкой (она уже боялась оставаться одной) она получила трехкомнатную квартиру. Как она ей радовалась: просторная, сухая, светлая – не то что в прежнем подвале.

Последняя ее весна была ранняя. Она распахивала окно, садилась на подоконник и, глядя вниз, курила. Занятия у нее в институте закончились, а у меня еще нет, виделись мы не часто, она очень просила меня звонить ей каждый день, желательно утром и вечером.

За несколько дней до ее ухода у нее был мой муж: чинил телевизор. Как всегда, накормила его со словами «Архипова тебя, небось, не кормит», тяжело дышала, медленно двигалась, время от времени, извинившись, уходила из кухни прилечь. Он до сих пор вспоминает ее последние слова, ему сказанные: «Ты знаешь, что я теперь делаю быстро? Я быстро устаю». Вернувшись домой, он сказал: «Таня плоха...» Я позвонила ей, голос был довольно бодрый. Она, как обычно, сказала: «Очень хочется пожить, посмотреть, чем этот бардак закончится». На дворе были 90-е, она же не все перемены в стране воспринимала однозначно, и некоторые ее предвидения оказались пророческими...

...На следующий день мы с мужем должны были ехать на дачу, в Москве оставалась дочка. «Мобильников» тогда еще не было, и она обещала звонить Тане вместо меня. Вечером они около часа проговорили с Таней на самые разные темы, чувствовалось, что она не хочет заканчивать разговор... А утром дочери позвонил Саша Сенин и рассказал, что, вызванный ею, успел проводить ее до машины скорой помощи. Через несколько часов ему сообщили, что ее не стало. Я узнала эту новость вечером, по возвращении из-за города.

Я плохо помню само прощанье, помню, что оно затянулось, помню огромное количество людей – мы оповестили всех, кого смогли,

– море цветов и боль, боль и боль.

* * *

И вот теперь – эта книга о Ногине, как привет от нее.

Идея ее написания зародилась в ходе подготовки коллективной монографии «Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918», вышедшей в 1991 г.

Я присутствовала на распределении персонажей: Таня, как это часто бывало, позвала меня с собой. Я не смогла принять участие в написании монографии в первую очередь по причине завершения работы над докторской, да и период это был не мой. Коллектив был замечательный: М.П.Ирошников, В.В. Кабанов, М.А. Молодцыгин, А.И. Разгон и другие. В соответствии с интересами исполнителей персонажи были быстро разобраны, остался Ногин.

В то время о Викторе Павловиче Ногине мы знали немного. Народный комиссар торговли и промышленности в первом составе Совнаркома, один из числа тех, кто вышел из него из-за разногласий с Лениным по вопросу о власти. Это был первый крупный правительственный кризис. И хотя Ленин, обозвав эту группу наркомов дезертирами, довольно быстро «превосходных коммунистов» простил, лениноведы не простили: сведения о нем были весьма дозированными. Вот за написание о нем статьи и взялась Таня.

Поначалу ей казалось, что это не ее персонаж, но работала, как обычно: архив, библиотека. И в ходе этой работы, как она любила говорить, «загорелся глаз». Во время наших встреч и разговоров по телефону она уже ни о чем не могла говорить, кроме как о Ногине. Помню, как она мне говорила: «Очень часто Ногина упрекают в необразованности. Ничего себе необразованность! Я – профессор, засела за литературу по экономике, пока пойму – потом обольюсь, а он в своих записках абсолютно свободно со знанием дела оперирует экономическими терминами». Вот уж действительно – «своего героя надо любить, иначе какой же он герой?».

Серьезных советов от меня она не дождалась (не моя тема), но куски текста давала читать. Уже тогда я заметила существенные изменения в подаче материала, в первую очередь – крен в сторону беллетризации, что мне очень понравилось. Одни только бережно цитируемые письма Ногина жене чего стоили! Работа шла трудно, информация добывалась по крупицам: документов было немного. Она говорила: «Ты знаешь, Ленин, оказывается, недолюбливал Ногина». Потом, на страницах рукописи она пытается дать этому некоторые объяснения.

В то время все остальные темы ушли на второй план: «Хочу успеть написать. Придет время – издадите, в ближайшее время не спешите, рано». С изданием рукописи помогла Лариса Николаевна Простоволосова – в недавнем прошлом начальник Управления по

научной работе РГГУ, очень хорошо знавшая Татьяну Петровну.

Опубликованная работа невелика по объему – вместе с предисловием, мемориальной статьей, хронологическим указателем трудов и другими приложениями текст уложился в 5,5 печатных листов.

Я не совсем согласна с автором предисловия, что на работе лежит печать эпохи. Прежде всего, с фактологической точки зрения эта работа – вне всяких эпох, как и работы дореволюционных и советских отечественных историков, да и позиция автора, изложенная во введении (его я не читала прежде), трудно оспорима и сейчас, четверть века спустя. Работу отличает попытка на примере конкретного персонажа по-новому осмыслить один из самых сложных периодов истории страны.

Первая глава – «Мне будущее кажется достойным жизни икупающим все невзгоды» – посвящена периоду жизни Ногина до февраля 1917 г. Встречи с Лениным, тюрьмы, ссылки, побеги – с пятьюдесятью тюрьмами он был знаком лично. В период изоляции он занимается самообразованием, между посадками, в подполье, выполняет большое количество партийных поручений. Уже тогда он проявил себя как блестящий организатор. Многого стоила его работа по организации профсоюзного движения в России. В этом вопросе ему удалось перетянуть на свою сторону Ленина. В начале февраля 1917 г. он прибывает в Москву, принимает непосредственное участие в создании Моссовета и в сентябре становится его председателем. Как пишет Таня, «Ногин прошел все ступени партийной и революционной работы. Он был и ее организатором, и пропагандистом, и агентом, и литератором, неоднократно избирался членом ЦК партии»⁴.

Следующая глава названа «Выбор пути». Скорее всего, это было черновое название: предшествующий текст свидетельствует о том, что с выбором пути к этому времени герой биографической книги определился. Проблема была в выборе содержания и способов осуществления власти, тактики, а не стратегии, тем более что при Ленине дискуссии если и не поощрялись, то не возбранялись. Ногин был сторонником более мягких взаимоотношений с противниками. В этой главе она пишет не только о деятельности героя своего повествования, но и пытается ответить на те вопросы, на которые ответить мы с ней в свое время не могли⁵.

Название последней главы дало название всей монографии. Уйдя по собственному желанию из первого Советского правительства, больше столь высоких постов в советской номенклатуре он не занимал. Судьба бросает его на руководящие должности в разные ведомства и общественные объединения, но так было недолго. В октябре 1918 г. он становится членом Президиума ВСНХ и с этого времени «прочно связывает свою судьбу с возрождением промышленности в целом, с текстильной промышленностью в частности. Именно здесь с наибольшей отдачей проявились его организаторские способно-

сти, склонность к вдумчивому, глубокому анализу ситуации внутри страны и конъюнктуры на зарубежных рынках, умение последовательно и твердо проводить намеченную линию»⁶.

Приняв без особых колебаний переход к НЭПу, он самым активным образом включился в процесс трестирования и синдицирования текстильной промышленности. В начале 1922 г. становится председателем самого крупного и успешного в своей деятельности синдиката – текстильного. Позднее возглавил Всероссийский совет синдикатов⁷.

Ногин первым обратил внимание на несочетаемость рыночных отношений с мелочным регламентированием производства и сбыта со стороны партийно-государственной бюрократии, с административно-командными методами управления народным хозяйством. Помимо организации восстановления текстильной промышленности он принимал участие в работе совещательных государственных и партийных органов, создаваемых по разным поводам. Его деятельность в качестве председателя Центральной ревизионной комиссии партии большевиков, критика работы аппарата ЦК вызывала недовольство партийной элиты и генерального секретаря ЦК Сталина, но он, судя по всему, не желал останавливаться на этом пути. Скорее всего, он и представить не мог, что произойдет в конце 1930-х гг. с такими, не желавшими останавливаться. Остановила смерть, хочется надеяться – естественная.

В книге отсутствует заключение, однако текст и выводы, разбросанные по всей работе, дают полное и яркое представление о незаурядной личности В.П. Ногина.

Работа основана на огромной источниковой и историографической базе. Таня не успела написать введение к работе со всеми необходимыми составляющими. «Останется время – напишу. Историография паршивая, а вот источники – супер! Их немного, но надо уметь их читать», – это ее слова, хотя я их цитирую по памяти. Утверждать вышесказанное можно, познакомившись с обилием сносок и примечаний: их в два с лишним раза больше, чем страниц в книге. Из источников, конечно, на первом месте, как всегда у нее, – архивные документы.

* * *

Если считать эту небольшую статью не только биографическим очерком, но еще и рецензией на книгу, то в конце рецензии мне как автору полагается сделать замечания и высказать пожелания. В данном случае их не будет. Не будет уже хотя бы потому, что не в моих правилах высказывать какие бы то ни было замечания тогда, когда их адресат ни в какой форме не может возразить.

Таня часто повторяла слова Корнея Чуковского: «В России надо жить долго». Ей это, к сожалению, не удалось.

Примечания

Notes

¹ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. Москва, 1995.

² Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! Москва, 1997.

³ Коржихина Т.П. Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина. Москва, 2018.

⁴ Коржихина Т.П. Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина. Москва, 2018. С. 46.

⁵ Коржихина Т.П. Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина. Москва, 2018. С. 50–51, 57–61, 68.

⁶ Коржихина Т.П. Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина. Москва, 2018. С. 77.

⁷ Коржихина Т.П. Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина. Москва, 2018. С. 90.

Автор, аннотация, ключевые слова

Архипова Татьяна Григорьевна – докт. ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
archipova-iai@mail.ru

В статье автор сочетает воспоминания об известном ученом, педагоге и архивисте – докторе исторических наук, профессоре Т.П. Коржихиной, выпускнице Историко-архивного института (ныне РГГУ), работавшей в нем без малого тридцать лет, с рецензией на вышедшую в начале 2018 г. монографию «Из нелегалов в коммерсанты: Очерк о жизни и деятельности В.П. Ногина». По окончании института Т.П. Коржихина не сразу занялась преподавательской деятельностью, работа в государственных архивах дала ей возможность определиться с проблематикой научных исследований, позволила приобрести навыки работы с архивными источниками. Ею было опубликовано около ста научных работ. Ее последняя монография была закончена за несколько дней до кончины. Написанная исключительно на архивных документах, она посвящена даже сейчас недостаточно изученной в отечественной историографии биографии члена первого состава советского правительства, первого народного комиссара торговли и промышленности. В книге последовательно рассмотрены этапы становления В.П. Ногина как участника революционного движения в России, его роль в организации Советской власти в Москве, работа в ближайшем окружении В.И. Ленина, непродолжительное пребывание в составе первого советского правительства, работа в одном из самых крупных советских синдикатов – текстильном.

Т.П. Коржихина, Историко-архивный институт, историк, научное творчество, биографика, В.П. Ногин, народный комиссар, Совет народных комиссаров, Народный комиссариат торговли и промышленности, синди-

References (Monographs)

1. Korzhikhina T.P. Iz nelegalov v kommersanty: Ocherk o zhizni i deyatelnosti V.P. Nogina [From Illegal Immigrants to Businessmen: Essay on the Life and Work of Viktor P. Nogin.]. Moscow, 2018, 164 p. (In Russian).
2. Korzhikhina T.P. Izvolte byt blagonadezhny! [Be trustworthy!]. Moscow, 1997, 372 p. (In Russian).
3. Korzhikhina T.P. Sovetskoye gosudarstvo i ego uchrezhdeniya: Noyabr 1917 g. – dekabr 1991 g. [Soviet State and its Institutions: November 1917 – December 1991.]. Moscow, 1995, 418 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Tatyana G. Arkhipova – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
arkhipova-iai@mail.ru

In the article the author combines memories of Professor Tatyana P. Korzhikhina, a well-known scholar, Doctor of History, teacher and archivist, who graduated from the Institute for History and Archives (now Russian State University for the Humanities) and then worked there for almost thirty years, with a review of her monograph “From Illegal Immigrants to Businessmen: An Essay on the Life and Work of Viktor P. Nogin.” Before starting her teaching career T.P. Korzhikhina worked at state archives, which gave her the opportunity to specify her research interests and experience in working with archival sources. She had over a hundred scientific publications, her last monograph being completed a few days before her death. Based entirely on archival documents, it is devoted to the biography of Viktor P. Nogin, a member of the first Soviet government, the People’s Commissar of Trade and Industry, which has not been sufficiently studied in Russian historiography. The book consistently examines the stages in the formation of Viktor P. Nogin as a participant in the revolutionary movement in Russia, his role in establishing the Soviet power in Moscow, his work in V.I. Lenin’s inner circle, his short stint in the first Soviet government, and his work in a textile syndicate, one of the largest ones at the time.

Tatyana P. Korzhikhina, Institute for History and Archives, historian, scientific creativity, Biographical studies, Viktor P. Nogin, People’s Commissar, Council of People’s Commissars, People’s Commissariat of Trade and Industry, syndicate, New Economic Policy (NEP), Command-Administrative System, Dmitriy P. Korzhikhin.

Г.Г. Ершова

«ДИТЯ СТАЛИНСКОГО ВРЕМЕНИ»: О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Ю.В. КНОРОЗОВА

G.G. Ershova

“A Child of Stalin’s Time”: On the Life and Creative Legacy of Yuriy V. Knorozov

Одной из центральных фигур отечественной американистики по праву считается Юрий Валентинович Кнорозов (1922 – 1999). Тем не менее, творческое наследие ученого, выходящее за рамки изучения майя, до сих пор не оценено должным образом. Интересы Ю.В. Кнорозова были связаны не только с дешифровкой древней иероглифической письменности майя, но и с теоретическими выводами в области коммуникации, ориентированной на усложняющееся взаимодействие членов коллектива. Конечной целью своей работы Кнорозов считал «теорию коллектива» – целостную междисциплинарную теорию развития человеческого

общества.

Несмотря на все проблемы и сложности той эпохи, в которую ему довелось жить и творить, Кнорозов твердо шел к поставленной цели, никогда не отступая и не изменяя себе. Неординарность его личности даже способствовала появлению многочисленных мифов: об ошибках в учебнике египетской иероглифики, о трехминутной защите диссертации, о «спасении книг при взятии Берлина», о его противостоянии Советской власти и чуть ли не диссидентстве, о скупой слезе на вершине пирамиды Тикаля и даже об авторстве знаменитой фотографии с кошкой Асей.

* * *

На вопрос о своей биографии Юрий Валентинович Кнорозов порой отвечал односложно: «Я – дитя сталинского времени»¹. И трудно было понять, что за этим стоит: ожидаемое осуждение, плохо скрываемая гордость, попытка объяснить умалчивание отдельных фактов биографии. Возможно, что это был ответ профессионального историка, оценивающего собственный жизненный путь.

Первой, пока не опубликованной, работой Кнорозова была написанная в соавторстве с братьями «Поэма о Сталине», датируемая годом окончания войны². Совершенно очевидно, что и в самой идее поэмы было заложено видение историка, обосновывавшего историческую неизбежность победы России. Поэму предваряло оглавление:

I часть.

1. Россия (Родина)
2. Социализм
3. Европа (Молотов)

II часть.

4. Пограничный бой (до Москвы)
5. Москва
6. Сталинград

III часть.

7. Курск
8. 1944 г.
9. Берлин

IV. Эпилог

В этой композиции заложена, по сути, периодизация Великой Отечественной войны. И примечательна она тем, что вступает в противоречие с активно насаждаемой в первые послевоенные годы сталинской периодизацией. В отличие от нее, Кнорозовы выделили в самостоятельный период пограничные бои лета-осени 1941 г., когда Красная армия потерпела тяжелые поражения и понесла большие потери, и разделили Сталинградскую и Курскую битвы как решающие события коренного перелома в ходе войны. То есть они оказались гораздо ближе к современной периодизации, чем историки и идеологи последнего сталинского десятилетия. Вероятно, и фронтовики, и образованные люди, пережившие войну в тылу, уже тогда более или менее ясно осознали значимость поворотных событий и Великой Отечественной, и всей Второй мировой войны – Московской, Сталинградской и Курской битв.

Эпилог поэмы полон гордости и оптимизма:

Немногие прожиты годы,
Преобразилась земля.
Поднялись мощные заводы,
Цвели колхозные поля –
В стране убогой и отсталой
Бессильной сотни долгих лет,
Волшебной явью небывалой
Настал невиданный расцвет.

Гордись страна моя родная,
Свой труд как подвиг вспоминай!
Отчизна! Часть земли шестая –
Социализма светлый край!

Победа не сама настала,
Безмерный был затрачен труд
На тонну каждую металла
На каждый первый хлеба пуд.

В кипенье дней великих будней
Немало выпало невзгод,
Был каждый шаг бесспорно труден
Но каждый шаг – был шаг вперед!

* * *

Сведения о родственниках в нескольких временных вариантах сохранились в различных документах и анкетах, заполнявшихся Кнорозовым, которые хранятся в его личном деле³. Отец будущего ученого, инженер Валентин Дмитриевич Кнорозов, всегда служил России. Он участвовал в Русско-японской войне 1905 г., Первой мировой войне, после Октябрьской революции без колебаний встал на сторону Советской власти, участвовал в восстановлении разрушенного революцией и войнами хозяйства.

В июне 1941 г., с первого дня бомбежек немецкой авиацией, полковник Кнорозов руководил эвакуацией всех промышленных предприятий Харьковской области. Времени не нашлось даже выяснить, что происходит с собственной семьей, – он отбыл в тыл, сопровождая последний эшелон с оборудованием. В Москве его уже ждало назначение на должность директора одного из военных заводов.

Все три брата Юрия были офицерами, занимавшимися наукой. Патриотизм не был пустым словом в этой семье – и потому «Поэма о Сталине» братьев Кнорозовых, пусть и вызывающая сомнения с поэтической точки зрения у литературоведов, появилась как искренний порыв и желание увековечить победу народа России в страшной войне. И ценность ее прежде всего в том, что она является документом, отражающим гражданскую позицию молодого Кнорозова, которую он сохранял, пусть не столь пафосно, всю свою жизнь. Это особенно важно помнить, когда некоторые пытаются представить его чуть ли не «диссидентом, страдавшим от ужасов режима».

После окончания Московского государственного университета у Юрия Кнорозова начались иные трудности, но тоже типичные для сталинского времени. А сама дешифровка письменности майя стала знаковой в разгар уже Холодной войны, о чем также не без удовольствия повторял он. И даже «пятно» в биографии из анкеты

сталинского времени – нахождение на временно оккупированной территории – всю оставшуюся жизнь давило на Кнорозова, оставив нелепую легенду об участии во взятии Берлина даже после его смерти. В личном деле сохранились справки о «нахождении на оккупированной территории», которые Кнорозов был вынужден предоставлять для допуска к защите диссертации⁴.

Некоторые темы, над которыми работал Кнорозов, буквально шли вразрез с официальным марксизмом, и потому многие из его идей так и не были доведены до финальной формулировки. Сам же Кнорозов говорил, что выводы противоречили «букве, но не духу марксизма».

Академик Вяч. Вс. Иванов вспоминал: «Занимался он на самом деле очень большим числом других вещей, которые, с одной стороны, частично реализованы в его конкретных статьях. Он занимался шаманизмом и по этому поводу что-то пишет. Шаманизм ему был нужен как часть некоторой общей концепции. Теперь, он сам, Валя Берестов в меньшей степени, Гумилев Лев Николаевич, что-то говорили об их совместных занятиях, было что-то вроде семинара Кнорозова, закрытого абсолютно для публики, и о котором они все молчали – и правильно делали. Тема семинара была “Закрытые общества типа мужских союзов и партий”. Кнорозов мне кратко изложил результаты и сказал, что, обсудив разные мужские союзы, объединения ну там типа иезуитов и так далее, они пришли к выводу, что есть две наиболее совершенные формы организации: одна – это большевистская партия, другая – это мормоны в Америке. Я об этом часто вспоминал в Америке, потому что до сих пор действительно до сих пор мормонов считают исключительно эффективной организацией...»⁵.

Кнорозов действительно молчал о многом, и на то была очень веская причина: его друг Л.Н. Гумилев, с которым он жили в 1948 г. в соседних комнатах в Музее этнографии народов СССР, был арестован органами госбезопасности на его глазах⁶. Сами он не раз говорил, что «шел на защиту своей диссертации и не знал, чем она закончится – удачей или арестом»⁷. А дело было «всего лишь» в опровержении утверждения «основоположника марксизма» Ф. Энгельса об отсутствии в Древней Америке государств.

* * *

Первая научная публикация Кнорозова, выпускника Исторического факультета МГУ, не относилась к древним майя, а касалась той же темы, что и дипломная работа под названием «Среднеазиатская версия легенды о Самсоне», написанная под руководством специалиста по первобытной религии С.А. Токарева, в рамках этнографического спецсеминара С.П. Толстова. Таким образом, статья «Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у

народов Хорезмского оазиса)» вышла в свет сразу в академическом журнале «Советская этнография», на следующий год после окончания учебы в МГУ⁸.

Однако уже в этой статье, ставшей результатом полевых наблюдений, в качестве объекта отчетливо прослеживается феномен, связанный с измененным состоянием сознания при проведении коллективных обрядов, который Кнорозов назовет «фасцинацией» или, позже, «завораживанием», стремясь избежать, в свойственной ему манере, использования иноязычных терминов. В ней анализируются все элементы ритуала: местность и место проведения, внешний вид и состояние участников, действия (предварительное скатывание с холмов, кружение и т.д.), особый способ движений и дыхания, тональность звуков, воздействие этих приемов на состояние зрителей, а также собственные ощущения наблюдателя.

Невербальная коммуникация всегда оставалась одной из центральных тем исследований Кнорозова. Еще в детстве у Юрия обнаружили гипнотические способности, о чем вспоминают его племянники⁹. Он сам указывал даже причину появления таких способностей при заполнении анкеты, разработанной психиатром и гипнологом Л.П. Гримаком. Совершенно очевидно, что полевой проект по изучению суфийского зикра в рамках Хорезмской экспедиции привлек Кнорозова возможностью вскрыть механизмы специфической коллективной, практически внеязыковой коммуникации.

О том, что «проблематика шаманизма была базой теории фасцинации», вспоминает и А.М. Плуноян. В мемуарах студенческого друга Кнорозова упоминается и влияние на его взгляды идей «основоположника отечественной эволюционной нейрогенетики Сергея Николаевича Давиденкова (1880 – 1961), с которыми он познакомился по монографии “Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии”... С этой работой Кнорозов буквально не расставался и постоянно обсуждал идеи Давиденкова. Его особенно интересовала роль “специализированного контингента” в первобытном коллективе как носителя интеллекта, в том числе – мифологии и ритуалов шаманов»¹⁰.

Акценты, расставленные в статье «Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)» при описании шаманского зикра, позволяют предположить, что идее фасцинации Кнорозов уже в студенческие годы отводил чрезвычайно важное место.

* * *

Однако в 1950-е гг. тема шаманизма сменилась публикациями, представлявшими результаты дешифровки иероглифического письма майя, в том числе и на испанском языке¹¹.

Из текста обращения С.А. Токарева в Президиум Академии наук

СССР в декабре 1950 г. с просьбой зачислить Кнорозова в аспирантуру, следует, что к этому времени тот «пришел к самостоятельному построению общей теории иероглифики. Разработанный им самим метод... применил к изучению памятников иероглифического письма древних майя... Работы Ю.В. Кнорозова над памятниками письма майя уже сейчас привели его к открытию важнейшего ключа в решении данной проблемы... Эта работа составит славу советской науки...». Кроме того, С.А. Токарев отмечал, что Кнорозов уже перевел со старо-испанского такой источник, как текст Диего де Ланды, и на тот момент работал над переводом с языка кечуа драмы «Ольянтай»¹².

В 1955 г. Кнорозов публикует свои работы особенно активно, что напрямую связано с состоявшейся в марте стратегически важной защитой кандидатской диссертации, которую С.П. Толстов и С.А. Токарев готовили сразу с расчетом на докторскую¹³. Оба руководителя отдавали себе отчет, – а документы отказов в принятии в аспирантуру это подтверждают, – что иного пути в большую науку, кроме очень нестандартного, Кнорозову не оставалось по очень серьезной для тех времен причине: в период с июня 1941 г. по февраль 1943 г. он оказался «на территории, оккупированной врагом»¹⁴.

Практически сразу после успешной защиты своей диссертации в марте 1955 г. Кнорозов приступает к подготовке публикации принципов и результатов дешифровки древнего письма майя. Речь идет об объемной монографии «Письменность индейцев майя», которая увидит свет в 1963 г. И он, наконец, смог свободно заняться темами, которые считал для себя наиболее интересными. Речь шла о проблемах семиотики, применении позиционно-статистического метода дешифровки для иных древних систем письма, использовании кибернетики для обработки статистических данных дешифруемых текстов, а также о теории сигнализации и фасцинации.

Метод и процесс дешифровки древней системы письма получил название «метода позиционной статистики» – он будет описан в основополагающей монографии 1963 г., которая действительно составит славу советской науки и принесет автору мировую известность.

И.К. Федорова, занимавшаяся дешифровкой рапануйского письма, вспоминала те времена второй половины 1950-х гг.: «Работа над рапануйскими текстами началась вскоре после возвращения Юрия Валентиновича из Копенгагена с XXXII Конгресса Американистов (Дания, 1956 г.). Став организатором и руководителем Группы этнической семиотики Ленинградской части ИЭ АН СССР – настоящей школы и центра дешифровки, Кнорозов уделял также много времени и сил изучению памятников других систем древнего письма – фестского диска, киданьских надписей древней Монголии X–XII вв., протоиндийских текстов, древнего андского письма, пиктографии айнов, а также рапануйскому письму на деревянных дощечках, два образца которых хранятся в Музее Антропологии и этнографии РАН

(СПб.). Без научных трудов Кнорозова, посвященных изучению и дешифровке письма майя, без его статей по проблемам семиотики, по общим вопросам дешифровки неизвестных систем письма вряд ли возможна была бы дешифровка дощечек кохау ронгоронго»¹⁵.

В 1959 г. Вяч. Вс. Иванов стал заведовать Секцией лингвистики созданного в том же году Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР. И уже на следующий год вышло постановление совета о создании группы семиотики в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Кнорозова. По словам Вяч. Вс. Иванова, «Кнорозов был самый аккуратный из нас. Он писал непрерывно планы того, что нужно сделать и, более того, тут же эти планы осуществлял. В частности, грандиозную компьютерную работу, которая происходила в основном в Москве». Разработкой программ занялись совсем молодые математики – Ю.А. Шрейдер, М.Л. Цетлин и М.А. Пробст. По воспоминаниям Иванова, именно «Марек Пробст воплотил идеи Кнорозова», составив буквально на одной странице «общий план дешифровочных работ». И на основании этой записи Шрейдер и Пробст создали серию программ, по которым стало возможным статистически обработать любую систему письма, располагавшую достаточно большими текстами¹⁶.

Совершенно очевидно, что во второй половине 1950-х гг., даже в изучении письма майя, Кнорозова больше всего интересовали возможные математические методы обработки объемных текстов, составление баз данных, использование новых технологий в практических целях осуществления дешифровок «неизвестных систем письма». В целом Кнорозов концентрировался на продвижении своих теорий, введении в научный оборот целостного понимания проблемы сигнализации, избавляясь от рамок «дешифровки письменности майя». Свою основную задачу он понимал как системное междисциплинарное исследование, в котором теории коммуникации отводилось одно из главных мест. И потому в свойственной ему ироничной манере не раз повторял: «Майя – это только бухгалтерская работа, а главная задача наступления – теория коллектива».

К сожалению, наивная вера Кнорозова в то, что всеми движет исследовательский азарт и интерес к науке, привела к неприятным результатам. Разработанные Шрейдером и Пробстом программы оказались в руках нечистоплотной группы «дешифровщиков» из Новосибирска, которые даже не прибегли к вычислительным техникам, а только опубликовали данные ручной дешифровки Кнорозова, объявив это собственной «машинной дешифровкой». Кнорозов опубликовал резкую критику этой фальсификации, отмечая, в частности, что заявившими о «машинной дешифровке письма майя» претендентами «фактически ставилась более узкая задача – дать транслитерацию иероглифических текстов латинскими буквами (точнее – так называемым “традиционным” алфавитом майя), без попыток

перевода. Авторы, разумеется, были знакомы с «ручной» дешифровкой письма майя и применявшимися при этом методами»¹⁷.

В январе 1961 г. на Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста Э.В. Евреиновым и В.А. Устиновым были в спешном порядке представлены результаты «машинной дешифровки письма майя»¹⁸. Не случайно, что в те же дни в Институте славяноведения АН СССР на расширенном заседании Сектора структурной типологии славянских языков проводится организованное Вяч. Вс. Ивановым «собеседование» по общей теории сигнализации, предложенной Кнорозовым. Проблему обсуждали и лингвисты, и математики (А.А. Реформатский, Л.А. Калужнин), поддерживавшие идеи Кнорозова. Среди тем для обсуждения – теория сигнализации, фасцинация как ее составная часть. Причем оба сюжета были интегрированы в главную теорию – теорию коллектива. Важно, что объединение / коллектив представлялся Кнорозовым в качестве дифференцированной системы, предполагающей наличие соответствующей системы сигнализации. Язык при этом превращается в «относительно независимую систему», что «создает колоссальные возможности для его использования»¹⁹.

В том же 1961 г., в сентябре, Кнорозов вновь представил свои работы, выступив с докладом «Об изучении фасцинации». Это произошло на научном совещании, посвященном применению математических методов в изучении языка художественных произведений и организованном Историко-филологическим факультетом Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского совместно с Группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского исследовательского физико-технического института, созданного при университете. Основные тезисы доклада почти сразу были опубликованы в журнале «Вопросы языкознания»²⁰.

Для Вяч. Вс. Иванова это событие стало самым ярким воспоминанием о Кнорозове: «Наверное, Горький и его выступление о фасцинации – это было самое интересное. Я вообще больше всего любил его общие теоретические рассуждения. Не потому что неинтересно было то, что он делает с письменностью: я знал из его письменных сочинений, я их читал, и все это более или менее было понятно. Но вот его общие рассказы, рассказы о шаманах, конечно, были интересны. Он довольно подробно мне рассказывал историю среднеазиатского шамана, которого духи заставляли стать шаманом, который отказывался от этого. Ритуал, хоть и вообще-то известный, но было интересно, поскольку он сам переживал все это, вот вместе с этим шаманом. Это очень интересный рассказ, быть может, из числа самого интересного, что я от него слышал... Вообще проблематика шаманизма всегда находилась в центре интересов Кнорозова и была базой его теории фасцинации»²¹.

Об этом особом таланте Кнорозова выстраивать в рассказе своеобразный видеоряд, позволяющий слушателю как бы участвовать в

описываемых событиях, знали многие из коллег, кому посчастливилось с ним работать. Складывается впечатление, что эти «погружения» были своеобразным экспериментом в его разработках теории коммуникации и фасцинации. Причем сюжеты могли быть самыми разными: шаманский зикр, оборона Москвы в 1941 г., строительство А.Д. Меньшиковым дворца в Санкт-Петербурге, падение древнего Теотиуакана или события в Тикале классических майя.

В том же эпохальном 1-м номере журнала «Вопросы языкознания» за 1962 г. в обзоре «научной жизни» появилась и информация о докладе, с которым выступил академик С.Л. Соболев по «машинной дешифровке письма майя», выполненной в Сибирском филиале АН СССР, и «важности теоретического значения этой работы»²².

Научный подлог новосибирской группы был всем очевиден, однако для сохранения имиджа «новосибирской науки» академик С.Л. Соболев, бывший в тот период директором Института математики Сибирского отделения АН СССР, в ответ на разгромную статью Кнорозова о «машинной дешифровке» направил в редакцию журнала возмущенное «письмо» за своей подписью, в котором – ни больше, ни меньше – обвинял Кнорозова в выражении некомпетентного «частного мнения» и нежелании ознакомиться и даже проявить какой-либо интерес к материалам ученых новосибирского Института математики²³.

В 1963 г. наконец увидела свет монументальная монография Ю.В. Кнорозова «Письменность индейцев майя», в которой были сведены и описание письма майя, и принципы дешифровки, и каталог знаков, и переводы некоторых текстов. Историкографический обзор, посвященный попыткам дешифровки письменности майя, автор завершил нелестной оценкой плагиата: «...Группа сотрудников Института математики Сибирского отделения Академии Наук СССР, используя материалы настоящей монографии, предприняла опыт дешифровки письма майя с помощью электронной вычислительной машины. Полученные результаты в основном дублируют уже опубликованные чтения, в том числе неправильные...»²⁴.

Однако даже эта попытка откровенного плагиата не остановила Кнорозова в продвижении своих новаторских идей. И в этом, безусловно, стоит признать немалую заслугу редакции журнала «Вопросы языкознания», сумевшей в столь непростых условиях отстоять научные приоритеты и поддержать гениального и очень раннего ученого.

Если судить по хронологии публикаций Кнорозова, то после выхода монографии он сконцентрируется на работе группы по дешифровке протоиндийской письменности, продолжит заниматься письмом острова Пасхи, а также начнет подготовку к печати серии статей с материалами, основанными на текстах майя: «Заметки о календаре майя», «Поздняя история Юкатана по хроникам майя», «Пантеон древних майя». В этих сюжетах раскрыты его идеи в об-

ласти этнической семиотики, к теоретическим проблемам которой он обратится несколько позже²⁵.

Но очевидно, что работа над каждой из тем, которая возникала при чтении и переводе древних текстов, определяла собственный набор интегрированных дисциплин, которыми ему приходилось заниматься, вскрывая и разделяя общее и индивидуальное в духовных воззрениях этносов, разделенных географически и развивавшихся независимо друг от друга²⁶. Эти выводы, исключавшие ставшее традиционным для Старого Света клише о «культурной преемственности» или «индоевропейском происхождении», стали возможны благодаря этносемиотическому анализу и привлечению в компаративные материалы широкого пласта доколумбовых культур Нового Света.

* * *

Формировавшаяся концепция этнической семиотики являлась для Кнорозова неким ответвлением теории коммуникации по той причине, что любая знаковая система имеет смысл только в присутствии пользователей этой информации, понимающих знаковую кодификацию. Теоретические подходы к возникновению коммуникации в коллективе были опубликованы Кнорозовым в специальном сборнике «Основные проблемы африканистики», что было отчасти обусловлено необходимостью поиска изданий, готовых опубликовать его теоретические статьи. После ухода С.П. Толстова в 1966 г., а потом Ю.П. Аверкиевой в 1980 г. с поста главного редактора журнал «Советская этнография» Кнорозов практически перестал публиковать статьи, тем более теоретические.

С другой стороны, он настаивал на универсальности процесса эволюции систем коммуникации в человеческом сообществе. И в этом случае американские, как и африканские, культуры (за исключением севера Африканского континента отличались независимым культурно-историческим развитием, не принадлежали к единой «Большой Евразии», породненной общими «индоевропейскими истоками»). Междисциплинарный подход и психофизиологическая универсальность коммуникации позволили Кнорозову выделить различные типы сигналов, а также их суть и функции в качестве средства координации взаимодействия между элементами данной системы. Подача сигнала одним членом системы таким образом становится командой, которая предполагает исполнение действия (реакцию) со стороны адресата. А усиление воздействия для повышения выполнения команды соответствует тому, что Кнорозов называл фасцинацией²⁷.

Для реализации своих междисциплинарных исследований Кнорозов добился создания Группы этнической семиотики в Ленинградском отделении Института этнографии АН СССР, где он работал с

1953 г., и даже после защиты диссертации оставался младшим научным сотрудником с окладом 2 000 руб. вплоть до 18 мая 1956 г., когда его перевели на ставку старшего научного сотрудника²⁸. Создание Группы этнической семиотики в организационно-научном плане означало выделение в рамках традиционной этнографии особой исследовательской области, охватывающей изучение всех возможных знаковых систем, которые вырабатывает социум для передачи и сохранения информации. Сюда же относятся и проблемы, связанные с корректной интерпретацией полученной информации. Причем помимо универсального, общечеловеческого, аспекта коммуникации существуют также и частные формы в каждой конкретной культуре, которая вырабатывает собственные практические модели. Все они эволюционируют от мимики и жестикуляции до речи, мнемонических систем, письма и других информационных носителей, к которым можно отнести обряды и ритуальные традиции²⁹.

С целью выявления и реконструкции первых (утраченных) знаковых систем этносов мира Группа этнической семиотики, под руководством Кнорозова, проводила комплексную работу по дешифровке древних систем письма: киданьского, протоиндийского, древнеперуанского, рапануйского, айнской пиктографии. В 1982 г. увидел свет подготовленный им сборник статей под многозначительным названием «Забытые системы письма».

Его вступительная статья была названа «Неизвестные тексты». Именно в ней были обозначены основные положения в области изучения этнической семиотики. В присущей ему тезисной форме Кнорозов выделил основные этапы становления коммуникации и развития знаковых систем: «После появления речи, ставшей основным способом передачи сообщений, возникла потребность особой разновидности зрительной сигнализации, фиксирующей сообщения на каком-либо материале для отсутствующего адресата. Передача сообщения о ситуации достигалась путем копирования того, что видит (и воображает) наблюдатель. Адресат, наблюдая копию ситуации, получает о ней приблизительно такое же представление, как индуктор-наблюдатель. Каждая ситуация может быть описана неопределенным количеством фраз. При копировании чаще всего применялась контурная проекция на плоскость. При этом исключались объекты, не имеющие (по мнению изображающего) отношения к копируемой ситуации или несущественные, терялся ряд признаков, и давалась приблизительно (в пределах, допускающих опознание) передача контура»³⁰.

Далее им были обозначены этапы появления и развития пиктографии (эволюции детского рисунка), условия возникновения письменности, характеристики различных типов письма, особенности взаимодействия древнего языка и древнего текста. Специальный раздел посвящен практической работе с древним текстом, написанном на неизвестном языке неизвестным письмом. Кнорозов изло-

жил и особенности своего метода, который предполагает подход к тексту и его элементам уже не только с позиции этнокультурных, но и психофизиологических особенностей, определяемых «свойствами человеческого мозга для распознавания морфем и их сочетаний в качестве наименьших семантических единиц языка – предельных референтов знака письма»³¹.

Последний раздел статьи затрагивает проблемы и методы конечного этапа дешифровки, что и определяет суть этнической семиотики: «Изучение морфологии и синтаксиса и классификация блоков дают возможность развернуть изучение лексики неизвестных текстов. При переходе к фонетическому чтению решающую роль могут сыграть условные чтения знаков, установленные при сопоставлении грамматических показателей изучаемого языка и языка-потомка. Однако фонетическое чтение слов во многих случаях не дает возможности определить их смысл. Для успешного изучения неизвестной лексики необходимы специальные морфемные словари языка-потомка и детальное изучение фонетических изменений. Кроме того, даже в тех случаях, когда перевод вполне возможен, текст остается непонятным по причине полной невразумительности. Для того чтобы придать древним текстам смысл, кроме грамматического перевода необходим широкий и всесторонний комментарий. Составление такого комментированного перевода уже выходит за рамки формального изучения текстов и, несомненно, требует привлечения всей возможной дополнительной информации»³².

Поставленный Кнорозовым вопрос о соотношении фонетического чтения неизвестного текста и его адекватного понимания представляется, пожалуй, ключевым в исследовании древних текстов: в той или иной мере, а иногда и полностью, за тысячелетия и столетия утрачивается этнокультурный контекст. И даже, казалось бы, известные слова оказываются недоступными для восприятия внутри текста, приводя к возникновению многочисленных произвольных смысловых интерпретаций.

Многое из того, что предлагал Кнорозов, явно выходило за общепринятые методологические рамки и опережало современный ему уровень развития, состояние науки. Его исследования были в широком смысле междисциплинарными, что до сих пор понимается и принимается не всеми, а для Кнорозова необходимость подобного метода была совершенно очевидна.

А.М. Плунгян вспоминает, с каким трудом в научном сообществе принималось понятие фасцинации, сопоставляя это с новым походом В.Я. Проппа к мифу: «Как термин, само понятие фасцинация, насколько мне известно, впервые появилось в 1959 году, и затем – в краткой статье в “Вопросах языкознания” (1962, № 1). Оценки его значения варьируются от восторженного мнения Ю.М. Лотмана и ряда специалистов в области филологии и культурологии до сдержанных и даже негативных со стороны биологов, генетиков и иссле-

дователей теории информации. К моему удивлению, наиболее аргументированные возражения последовали со стороны теоретиков рекламы. Важным событием стал для нас выход из печати в 1946 году труда основоположника сравнительно-типологического метода в фольклористике и одного из предшественников структурализма и семиотики Владимира Яковлевича Проппа “Исторические корни волшебной сказки”. Эта работа Проппа представляла дальнейшее развитие его “Морфологии сказки” 1928 года, раскрывшей структуру волшебных сказок: после издания ее перевода в США эта проблема стала одним из наиболее популярных предметов исследования фольклористики и культурологии XX века, а идеи Проппа непосредственно повлияли на развитие структурализма и семиотики»³³.

Подходы Кнорозова так же разрушали привычные схемы – в истории, археологии, семиотике, эпиграфике майя.

Претензии к Кнорозову, часто заведомо необоснованные, высказывались и со стороны некоторых западных исследователей. Так, глава американской школы майянистики в 1950-е гг. Эрик Томпсон буквально обрушился на дешифровку Кнорозова, нелепо обвиняя его в применении «марксистских» методов. При этом крупнейшие специалисты разных стран отправились в Ленинград, чтобы встретиться с молодым советским ученым. В 1980-х гг. археологи не воспринимали «неархеологических» аргументов Кнорозова в его теории заселения Американского континента тремя волнами через Берингию, начиная с 40 тыс. лет до н.э.: в те времена лингвистические аргументы не принимались в расчет. Биологи и генетики в штыки принимали основанные на законе рекапитуляции Геккеля теории Кнорозова применительно к развитию общества. Советские представители естественных наук отказывались осмысливать эту связь между биологическим и социальным, забывая, что об этом писал еще В.М. Бехтерев. Впрочем, и работы самого Бехтерева на эту тему замалчивались и не публиковались, так как он не был «историком». «Специалисты по информатике» называли Кнорозова «дилетантом» и при этом пытались присвоить его работы. Астрономы именовали реконструкцию древней астрономии и календаря майя «ненаучными» уже потому, что, с их точки зрения, в древности наука не существовала вообще. «Руководители» исторической науки не воспринимали его теорию коллектива, построенную в неведомом до этого системном междисциплинарном подходе, не вписывавшемся в принятые стандарты «сравнительно-исторического метода». Впрочем, так же негативно историческое сообщество относилось и к Л.Н. Гумилеву, и к Б.Ф. Поршневу.

В 1975 г. вышло наконец продолжение монографии, посвященной дешифровке письма майя. Это было весьма скромное издание, содержавшее чтение и перевод рукописей майя³⁴. Кроме того, Кнорозов поместил там чрезвычайно важные комментарии к рукописям – блестящий образец этносемиотического анализа. При этом часть

комментариев сохранилась лишь в предварительной верстке, но в издание, видимо, по соображениям «экономии листажа», не была включена.

Лишь лингвисты, пожалуй, не упрекали Кнорозова в отсутствии лингвистического образования. Вяч. Вс. Иванов сразу сумел понять всю значимость научного вклада Кнорозова: «Думаю, что до того, что нужно знать из лингвистики, он дошел своим умом. Он во многом был типом этакого русского самородка-самоучки. То есть, не так уж важно получить систематическое образование, когда человек сам знает, что ему нужно, как бы имеет в голове свою собственную программу. Я не склонен думать, что он особенно интересовался теоретической лингвистикой и не думаю, что он много читал и какие-то области науки всегда его очень интересовали... В конце концов, лингвистика это не бог весть какая сложная наука, если ее правильно понимать – как устроена грамматика языка и как устроено сравнение языков... Его понимание соотношения диалектов майя было вполне научным. И это, в конце концов, очень специфическая область лингвистики. А то, что он понимал, как устроена морфология такая, я думаю, это дается от занятий разными языками. Он занимался разными языками, и поэтому из эмпирических знаний вытекло, что он довольно хорошо сконструировал в голове такой общий образ того, как устроена грамматика, потому что его алгоритм дешифровки, конечно, устроен в правильном понимании лингвистики, в более правильном, чем это было в это время у самих лингвистов»³⁵.

В.И. Гуляев, археолог и ученик Кнорозова, полагает, что именно «такое сочетание широты и профессионализма при решении поставленных научных задач и приносило ему неизменный успех в исследованиях»³⁶.

* * *

Последняя статья Кнорозова вышла в 1999 г., полвека спустя после первой публикации, в специальном выпуске сборника серии «Вопросы этнической семиотики», увидевшем свет уже после ухода Юрия Валентиновича. Это была статья в виде тезисов «Особенности детских изображений», в которой он четко сформулировал свою позицию относительно применимости закона рекапитуляции Геккеля–Мюллера, согласно которому онтогенез повторяет филогенез, к цивилизационному развитию, причем с обратно пропорциональной скоростью: «Процесс вхождения новорожденного ребенка в коллектив взрослых в определенной степени аналогичен процессу формирования личности по ходу возникновения и развития древних коллективов. В обоих случаях формируется личность, имеющая определенные связи с членами коллективов, владеющая сигнализацией и обладающая определенным мировоззрением. Развитие в обо-

их случаях идет по законам диалектики и имеет некоторые общие черты, но также и существенные различия...»³⁷.

Оставленная Кнорозовым программа исследований явно идет в параллели направлению «объективно-психологического» изучения личности ребенка, обозначенного Бехтеревым в докладе «Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении», сделанном в Русском обществе нормальной и патологической психологии в 1908 г.: «Много внимания некоторыми авторами уделяется вопросу о сходстве рисунков детей с живописным искусством доисторического человека и современных первобытных народов. Этот вопрос действительно не может не быть интересным, но подходить к его выяснению можно только после обстоятельного разрешения вопроса о постепенной эволюции детского рисунка. Во всяком случае, есть много данных за то, что законы развития искусства в жизни народов те же, что законы развития искусства в жизни отдельных лиц, и потому естественно, что общие черты развития детского рисунка повторяют те черты развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная с доисторического периода своего развития»³⁸.

Примечательно, что многие работы Бехтерева, включая этот доклад, носившие междисциплинарный характер и обращавшиеся, так или иначе, к проблемам социально-исторического развития, были опубликованы до 1917 г. и ни разу не переиздавались вплоть до 1999 г. Бехтерев не мог позиционироваться как историк, а Кнорозова, по определению, не воспринимало сообщество генетиков.

Сомневаясь в том, что его работа будет признана, Кнорозов излагал положения теории в свойственной ему ироничной манере, причем удивительно точно выстраивая логические линии: «...Наличие хвоста было целесообразно для всех хордовых на определенном этапе, т.е. хвост входил в набор элементов ароморфоза, но в дальнейшем оказался излишним и редуцировался в основной линии, сохранился в боковых как идиоадаптация. У человеческого эмбриона хвост сначала формируется, а затем совершенно напрасно редуцируется (атрофируется), появляясь у ребенка только в порядке атавизма. Аналогичным образом у эмбриона появляется и исчезает шерсть (хотя она весьма бы пригодилась)»³⁹.

После такого доходчивого объяснения принципа биологической эволюции следует четкое и логичное продолжение, уже относящееся к эволюции социокультурной: «В коллективах идиоадаптации соответствует специализация элементов культуры. Чрезмерная специализация может препятствовать появлению более целесообразных изобретений (принцип которых уже известен). ...Развитие графики у племен имело отклонения в основной линии, в дальнейшем выравнивающиеся. Иногда специализация была очень сильной. Аналогичные отклонения от основной линии наблюдаются в детской графике»⁴⁰.

Прошло 20 лет после ухода Юрия Валентиновича.

Его научная, да и личная судьба тесно вплетена в историю России. Творческое наследие занимает особое место в отечественной и мировой науке, обретая статус школы Ю.В. Кнорозова. Идеи, зачастую опережавшие время, оказались плодотворными и очень востребованными.

А сама личность Кнорозова порою обретает черты легенды. В первую годовщину его смерти крупнейший американский специалист по майя Майкл Ко, комментируя посвященное дешифровке письма майя письмо-завещание Эрика Томпсона, заявил: «Сейчас, в наступившем XXI веке, можно окончательно признать, что Томпсон был неправ – а все мы теперь *кнорозовисты*».

Все, кто был знаком с Кнорозовым, отдавали себе отчет в нестандартности его мышления, логика которого не всегда была понятна современникам. Трудно не согласиться с удивительно справедливым замечанием А.М. Плунгяна: «...Для объективного понимания специфики научного мышления и психологии Кнорозова необходимо реконструировать минимальную базу знаний в области лингвистики и методики дешифровки, которым располагал демобилизованный студент-этнограф третьего-пятого курса Кнорозов – знания в области теоретической лингвистики, староиспанского, майя, европейских языков, археологии, опыт дешифровки и многое другое – литература, личные контакты и т.п. Это сложная, дедуктивная, но актуальная задача кнорозоведения»⁴¹.

Примечания Notes

¹ Личный архив автора. Текст интервью с Ю.В. Кнорозовым (1997 г.).

² Текст поэмы хранится в личном архиве и любезно предоставлен А.С. Кнорозовым.

³ Научный архив Российского этнографического музея (Архив РЭМ). Ф. 2. Оп. 3. Д. 93.

⁴ Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера) (Архив МАЭ). К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 24.

⁵ Личный архив автора. Видеозапись интервью с Вяч. Вс. Ивановым (Переделкино, лето 2007 г.), сделанная для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов).

⁶ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 36.

⁷ Личный архив автора. Текст интервью с Ю.В. Кнорозовым (1997 г.).

⁸ Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.

⁹ Личный архив автора. Аудиозапись интервью с А.С. Кнорозовым и Т.Б. Кнорозовой (2005 г.).

¹⁰ Текст воспоминаний, посвященных знакомству с Ю.В. Кнорозовым, любезно предоставлен автору А.М. Плунгяном.

¹¹ Кнорозов Ю.В. Древняя письменность Центральной Америки // Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118; Кнорозов Ю.В. La antigua escritura de los pueblos de América Central. México, 1953.

¹² Архив МАЭ. К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 10–11.

¹³ Кнорозов Ю.В. Письменность древних майя (Опыт расшифровки) // Советская этнография. 1955. № 1. С. 94–125; Кнорозов Ю.В. Письменность древних майя // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 221–223; Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя. Москва, 1955.

¹⁴ Долгова Е.А., Ершова Г.Г. «Вот всё, что я могу сказать о предлагаемой работе»: Диссертационный диспут Ю.В. Кнорозова. 1955 г. // Исторический архив. 2018. № 5. С. 29–53; Ершова Г.Г. Мастера российской этнографии: Юрий Валентинович Кнорозов: Фотолетопись (1922 – 1999) // Исторический архив. 2018. № 5. С. 54–69.

¹⁵ Текст воспоминаний И.К. Федоровой любезно предоставлен автору для публикации ее дочерью О.М. Федоровой.

¹⁶ Личный архив автора. Видеозапись интервью с Вяч. Вс. Ивановым (Переделкино, лето 2007 г.), сделанная для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов).

¹⁷ Кнорозов Ю.В. Машинная дешифровка письма майя // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 91.

¹⁸ Евреинов Э.В., Косарев Ю.Г., Устинов В.А. Исследование рукописей древних майя с помощью электронной вычислительной машины: Алгоритмы и программы // Конференция по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста: Доклады. Вып. 11. Москва, 1961.

¹⁹ Бурлакова М.И. Собеседование по теории сигнализации // Структурно-типологические исследования: Сборник статей. Москва, 1962. С. 283–285.

²⁰ Кнорозов Ю.В. Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

²¹ Личный архив автора. Видеозапись интервью с Вяч. Вс. Ивановым (Переделкино, лето 2007 г.), сделанная для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов).

²² Бурлакова М.И. Научная жизнь // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 159–161.

²³ Соболев С.Л. Письмо в редакцию // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 147.

²⁴ Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. Москва; Ленинград, 1963. С. 46.

²⁵ Ершова Г.Г., Шесенья А. Этническая семиотика: Междисциплинарная проблема // «Стены и Мосты» – III: История возникновения и развития идеи междисциплинарности. Москва, 2015. С. 19–40.

²⁶ *Ершова Г.Г., Шесеня А.* Этническая семиотика: Междисциплинарная проблема // «Стены и Мосты» – III: История возникновения и развития идеи междисциплинарности. Москва, 2015. С. 19–40.

²⁷ *Кнорозов Ю.В.* К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. Москва, 1973. С. 328, 331.

²⁸ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 93.

²⁹ *Ершова Г.Г., Шесеня А.* Этническая семиотика: Междисциплинарная проблема // «Стены и Мосты» – III: История возникновения и развития идеи междисциплинарности. Москва, 2015. С. 19–40.

³⁰ *Кнорозов Ю.В.* Неизвестные тексты // Забытые системы письма. Москва, 1982. С. 3.

³¹ *Кнорозов Ю.В.* Неизвестные тексты // Забытые системы письма. Москва, 1982. С. 6.

³² *Кнорозов Ю.В.* Неизвестные тексты // Забытые системы письма. Москва, 1982. С. 9, 10.

³³ Текст воспоминаний, посвященных знакомству с Ю.В. Кнорозовым, любезно предоставлен автору А.М. Плунгяном.

³⁴ *Кнорозов Ю.В.* Иероглифические рукописи майя. Ленинград, 1975.

³⁵ Личный архив автора. Видеозапись интервью с Вяч. Вс. Ивановым (Переделкино, лето 2007 г.), сделанная для фильма «В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов» (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов).

³⁶ Личный архив автора. Текст воспоминаний В.И. Гуляева о Ю.В. Кнорозове (2007 г.).

³⁷ *Кнорозов Ю.В.* Особенности детских изображений // Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма. Санкт-Петербург, 1999. С. 186.

³⁸ *Бехтерев В.М.* Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении // Избранные труды по психологии личности. Т. 2. Санкт-Петербург, 1999. С. 141, 145.

³⁹ *Кнорозов Ю.В.* Особенности детских изображений // Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма. Санкт-Петербург, 1999. С. 187.

⁴⁰ *Кнорозов Ю.В.* Особенности детских изображений // Вопросы этнической семиотики: Забытые системы письма. Санкт-Петербург, 1999. С. 188.

⁴¹ Текст воспоминаний, посвященных знакомству с Ю.В. Кнорозовым, любезно предоставлен автору А.М. Плунгяном.

Автор, аннотация, ключевые слова

Ершова Галина Гавриловна – докт. ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
ga.gav@mail.ru

Впервые в отечественной историографии рассматривается научное наследие Юрия Валентиновича Кнорозова (1922 – 1999), связанное не толь-

ко с дешифровкой древней иероглифической письменности майя, но и с теоретическими выводами в области коммуникации, ориентированной на усложняющееся взаимодействие членов коллектива. На основании анализа последовательности публикаций Ю.В. Кнорозова рассматривается становление и развитие его научных интересов. Главное внимание уделяется рассмотрению основных теорий Ю.В. Кнорозова (коммуникации, фасцинации, этнической семиотики), основанных на взаимосвязи деятельности головного мозга индивидуума и типов сигнализации, обеспечивающей реализацию общих для коллектива задач. Именно такая деятельность выделяет человека из животной среды и сопровождается развитием социальной организации. В статье на основе неизвестных ранее воспоминаний современников, коллег и друзей, которые дополняют архивные документы, охарактеризованы особенности междисциплинарного исследовательского подхода Ю.В. Кнорозова, предполагающего формулировку теоретической концепции и следующую за ней практическую апробацию высказанной гипотезы, как это было сделано при дешифровке иероглифической письменности майя. Воспоминания современников позволяют реконструировать и особенности эпохи становления Ю.В. Кнорозова как ученого, оценить масштаб его личности. Реконструируется важная роль таких ученых как С.А. Токарев и В.П. Толстов в поддержке молодых талантливых ученых-историков. Причем, с одной стороны, присутствовали опасения репрессий, а с другой, несмотря на эти опасения, бросался вызов господствующим догмам, в рамках принятых правил находились обходные пути решения поставленных целей. И все эти задачи решал не столько сам Ю.В. Кнорозов, сколько его учителя, занимавшие руководящие позиции в исторической науке. Кроме того, приходилось противостоять нечистоплотным псевдоученым, пытавшимся создать себе имя за счет чужого открытия.

Ю.В. Кнорозов, иероглифическое письмо майя, древняя система письма, дешифровка, теория коммуникации, теория сигнализации, фасцинация, семиотика, этническая семиотика, теория коллектива, пиктография, В.М. Бехтерев.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Knorozov Yu.V. Drevnyaya pismennost Tsentralnoy Ameriki [Ancient Mesoamerican Writing.]. *Sovetskaya etnografiya*, 1952, no 3, pp. 100–118. (In Russian).

2. Knorozov Yu.V. Mashinnaya deshifrovka pisma maya [Machine Decipherment of Maya Script.]. *Voprosy yazykoznaviya*, 1962, no. 1, pp. 91–99. (In Russian).

3. Knorozov Yu.V. Mazar Shamun-Nabi (Nekotorye perezhitki domusul'manskikh verovaniy u narodov Khorezmskogo oazisa) [Mazar Shamun-Nabi (Some Vestiges of Pre-Islamic Beliefs among the Peoples of the Khorezm Oasis).]. *Sovetskaya etnografiya*, 1949, no. 2, pp. 86–97. (In Russian).

4. Knorozov Yu.V. Ob izuchenii fastsinatsii [On the Study of Fascination.]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1962, no. 1, p. 163. (In Russian).
5. Knorozov Yu.V. Pismennost drevnikh mayya [Ancient Maya Writing.]. *Voprosy istorii*, 1955, no 8, pp. 221–223. (In Russian).
6. Knorozov Yu.V. Pismennost drevnikh mayya (Opyt rasshifrovki) [Ancient Maya Writing (The Experience of Decipherment)]. *Sovetskaya etnografiya*, 1955, no. 1, pp. 94–115. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Bekhterev V.M. Pervonachalnaya evolyutsiya detskogo risunka v obektivnom izuchenii [The Initial Evolution of Children's Drawings in Objective Study.]. *Izbrannye trudy po psikhologii lichnosti* [Selected Works on the Psychology of Personality.]. St. Petersburg, 1999, vol. 2, pp. 99–152. (In Russian).
8. Burlakova M.I. Sobesedovanie po teorii signalizatsii [A Conversation on the Theory of Signaling.]. *Strukturno-tipologicheskie issledovaniya* [Structural Typological Studies: Collected Papers.]. Moscow, 1962, pp. 283–285. (In Russian).
9. Ershova G.G.; Sheseña, Alejandro. Etnicheskaya semiotika: Mezhdistsiplinarnaya problema [Ethnic Semiotics: An Interdisciplinary Problem.]. “*Steny i Mosty*” – III: *Istoriya vozniknoveniya i razvitiya idei mezhdistsiplinarnosti* [“Walls and Bridges” – III: The History and Development of the Idea of Interdisciplinarity.]. Moscow, 2015, pp. 19–40. (In Russian).
10. Knorozov Yu.V. K voprosu o klassifikatsii signalizatsii [On the Classification of Signaling.]. *Osnovnye problemy afrikanistiki* [Fundamental Problems of African Studies.]. Moscow, 1973, pp. 324–334. (In Russian).
11. Knorozov Yu.V. Neizvestnye teksty [Unknown Texts.]. *Zabytye sistemy pisma* [Forgotten Writing Systems.]. Moscow, 1982, pp. 3–10. (In Russian).
12. Knorozov Yu.V. Osobennosti detskikh izobrazheniy [Features of Children's Images.]. *Voprosy etnicheskoy semiotiki: Zabytye sistemy pisma* [Questions of Ethnic Semiotics: Forgotten Writing Systems.]. St. Petersburg, 1999, pp. 186–192. (In Russian).

(Monographs)

13. Knorozov Yu.V. Ieroglificheskie rukopisi mayya [Maya Hieroglyphic Manuscripts.]. Leningrad, 1975, 272 p. (In Russian).
14. Knorozov Yu.V. La antigua escritura de los pueblos de América Central. México, 1953, 37 p. (In Spanish).
15. Knorozov Yu.V. Pismennost indeytsev mayya [The Writing of the Maya Indians.]. Moscow, Leningrad, 1963, 665 p. (In Russian).
16. Knorozov Yu.V. Sistema pisma drevnikh mayya [The Ancient Maya Writing System.]. Moscow, 1955, 95 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Galina G. Ershova – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
ga.gav@mail.ru

For the first time in the national historiography, the scientific heritage of Yuriy Valentinovich Knorozov (1922 – 1999) is considered from a new point of view. It is examined not only from the perspectives of the decipherment of the ancient Maya hieroglyphic writing, but also in connection with theoretical conclusions in the field of communication, targeted to the increasing interaction of members of the collective. Based on the analysis of the sequence of Knorozov's publications the formation and development of his scientific interests are considered. The main attention in the article is given to the examination of Knorozov's basic theories: communication, fascination and ethnic semiotics. These theories were based on the interaction of the individual's brain and the types of signaling, which provides the implementation of common tasks for the collective. This activity distinguishes human from the animal environment and is accompanied by the development of social organization. The author resorts to the previously unknown memoirs of his contemporaries – colleagues and friends, – supplemented by archival documents which manifest Knorozov's interdisciplinary research approach. His approach presupposes the formulation of a certain theoretical concept and the subsequent practical testing of his hypothesis, as was done with the decipherment of the Maya hieroglyphic writing. The memoirs of his contemporaries allow us to reconstruct the peculiarities of the epoch of Knorozov's rise as a scientist, to assess the scale of his personality. The important role of such scientists as S.A. Tokarev and V.P. Tolstov in supporting young talented historians is reconstructed. On the one hand, there were fears of repressions, and on the other, despite those fears, the dominant dogmas were challenged, and within the framework of the adopted rules, workaround solutions to the set goals were found. All these tasks were solved not so much by Knorozov himself, but by his teachers, who held leading positions in historical science. In addition, he had to confront unscrupulous pseudo-scientists who tried to create a name for themselves at the expense of someone else's discovery.

Yuriy V. Knorozov, Maya hieroglyphic writing, ancient writing system, decipherment, theory of communication, signaling theory, fascination, semiotics, ethnic semiotics, theory of the collective, pictography, Vladimir M. Bekhterev.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ Book Reviews

А.Д. Осмаев, Я.З. Ахмадов

ВОЙНА, ПОЛИТИКА И ЧЕЧЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В КНИГЕ Ш.А. ГАПУРОВА О ЧЕЧНЕ ВО ВРЕМЕНА КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

A.D. Osmaev, Ya.Z. Akhmadov

War, Politics, and Chechen Statehood in S.A. Gapurov's Book on Chechnya during the Caucasian War

Историография Кавказской войны, 150-летие окончания которой в 2014 г. дало повод для многих научных публикаций по всему миру, поистине необъятна¹. Тем не менее, многие вопросы, связанные с ней, остаются весьма болезненными и вызывают острые дискуссии. Внимание историков и политиков эта тема привлекала всегда, а в период «чеченского кризиса», «чеченских войн» конца XX – начала XXI вв. она стала еще более востребована, вызывая соблазн искать причины современной общественно-политической ситуации в Чечне и на Северном Кавказе в коллизиях XIX в., сравнивать действия генералов и политиков.

Как бы то ни было, ни обширная историография, ни многочисленные конференции так и не привели, да и вряд ли это возможно, к консенсусу по поводу Кавказской войны. Тема эта – слишком обширна, политизирована и, несмотря на более чем полтора столетия со времени окончания войны, «война историографий», пусть и не с прежним ожесточением, но продолжается, хотя в октябре 2013 г. на представительной конференции в Ростове-на-Дону была подписана Хартия историков-кавказоведов, выразившая необходимость к возвращению научных принципов проведения дискуссий. А в октябре 2014 г. на втором форуме кавказоведов был принят Этический кодекс кавказоведа².

Общеизвестно, что Чечня долгие годы была в центре Кавказской войны, поэтому особый интерес чеченских историков к ней, активное ее изучение – вполне закономерны.

Итогом многолетней исследовательской работы стала и монография доктора исторических наук Шахрудина Айдиевича Гапурова

«Чечня в период Кавказской войны (1818 – 1859 гг.)», выпущенная в свет издательством «Грозненский рабочий» в 2016 г.³

Монография написана на основе документов из центральных и региональных архивов Российской Федерации (АВПРИ, РГВИА и других), материалов, собранных и опубликованных Кавказской археографической комиссией, периодических изданий и воспоминаний участников военных действий. Кроме того, автором привлечено большое число работ российских и европейских авторов. Так, в списке литературы указаны 204 монографии и статьи, в подстрочных примечаниях – сотни ссылок на архивные материалы. Все это, на наш взгляд, придает работе обобщающий характер. И остается лишь пожалеть, что использованные архивные фонды не приведены отдельным списком.

Перед читателем книги разворачивается широкая панорама жизни Чечни, мирной и военной повседневности чеченского народа, военных действий, замыслов и планов императорского Петербурга, Кавказских наместников, российских генералов (А. Ермолова, М. Воронцова, П. Граббе, А. Пулло, Е. Энгельгардта, А. Вельяминова, Н. Евдокимова, А. Галафеева, Г. Эммануэля и других), «славного Бейбулата», имама Шамиля и его чеченских наибов – Ташу-хаджи Саясановского, Джеват-хана Даргинского, Шуайб-муллы Мичиковского (Шоип Центароевский), Талхига Шалинского, Исы Гендергеновского, Байсангура Беновского, Умы Диева и других.

К большому сожалению, среди множества архивных документов и мемуаров нет таких, которые позволили бы слышать голоса с чеченской стороны: многолетние военные действия в XIX в., последующие тяжелые испытания не способствовали сохранению разрозненных и редких чеченских источников.

Свою позицию относительно освещения событий Кавказской войны Ш.А. Гапуров четко сформулировал уже во введении: «Кавказская война (в понимании военных действий 1818 – 1850-х годов между царскими войсками и восставшими горцами Северного Кавказа) и связанные с нею события не должны быть предметом политических и идеологических спекуляций. Ни с одной стороны. Ее нужно рассматривать как величайшую трагедию в истории российских народов в XIX веке, в истории российско-горских взаимоотношений»⁴.

Монография состоит из четырех глав, разбитых, соответственно, на параграфы – от 3 до 7.

В первой главе автор дает краткий очерк российско-чеченских отношений в XVI–XVIII вв., остановившись на месте Чечни в кавказской политике России в XVIII в. и российско-чеченских отношениях в последней трети XVIII в. Ш. Гапуров считает, что Кавказская война не была неизбежной. Наиболее тесные военно-политические связи у Москвы в конце XVI в. начали устанавливаться именно с чеченцами, тем более что, в отличие от Турции и Ирана, у России

здесь со второй половины XVI в. были и казачьи станицы и городки, которые, правда, то строились, то срывались в зависимости от политической ситуации. В этот и более поздний период, по всей видимости, не ставилась задача покорения Чечни, но ее стратегическая важность вполне осознавалась, поэтому установление отношений с чеченцами лежало в русле общих задач политики Москвы на Кавказе и в целом на Востоке.

Анализ взаимоотношений России с одним из чеченских владельцев, Ших-мурзой, приводит автора к выводу, что с конца XVI в. чеченцы твердо и осознанно избрали политический курс на сближение и единство с Российским государством. Но этот вывод кажется несколько обобщенным, так как Ших-мурза не представлял весь чеченский народ, и на сегодняшний день, как отмечает и сам Ш. Гапуров, существует несколько вариантов локализации его владения. Тем не менее, нельзя исключить и возможность серьезного влияния Ших-мурзы на другие чеченские общества.

С опорой на работы Я.З. Ахмадова⁵ и Т.С. Магомадовой⁶ автор анализирует взаимоотношения российского государства и с другими обществами чеченцев – Мичкизкой землицей (восточная Чечня), шибутами, мулкинцами (шатоевцы, мулкой – горная Чечня) и т.д., разделяя их выводы о том, что в результате взаимной заинтересованности и сложился в конце XVI – начале XVII вв. российско-чеченский военно-политический союз, а взаимные контакты и совместные действия отвечали интересам обеих стран.

Однако, по мнению Ш. Гапунова, со второй половины XVII в., которому в монографии уделено значительно меньше внимания, чем первой половине века, начинается охлаждение русско-чеченских отношений, связанное с тем, что российское государство начало поддерживать феодалов-«варягов».

Автор считает, что XVIII в. стал переломным периодом в кавказской политике России и уделяет значительное внимание событиям и процессам, происходившим в это время: миссиям А. Бековича-Черкасского, А. Волынского, планам Петра I на восточном направлении и их реализации «вооруженною рукою, а не политикою». В 1708 г. калмыки Аюки-хана по повелению царя совершают карательную экспедицию в Чечню, в 1718 г. предпринята экспедиция донских казаков, в 1721 г. организованы походы под командованием бригадира Ветерани и поручика Кудрявцева, а в 1722 г. донские казаки снова совершили поход против чеченцев.

Масштабный Персидский поход внес серьезные изменения в расстановку сил на Кавказе, однако после смерти Петра I Россия фактически ушла с берегов Каспийского моря, но уже к середине XVIII в. вновь активизировалась здесь. В Чечне была продолжена политика опоры на феодалов-«варягов», которая чеченцам не нравилась, как и попытки занятия их земель, и они отвечали на них восстаниями. В 1757 г. они изгнали своих феодалов-«варягов», которых

воспринимали как ставленников России. Ш. Гапуров считает, что чеченцы были готовы быть в «подданстве» России, которое понимали, по всей видимости, как договорные отношения без вмешательства в свои внутренние дела и сохранение традиционного уклада жизни. В ответ на это Россия предприняла карательные экспедиции, продолжавшиеся до конца 1759 г., но даже они, считает автор не поколебали пророссийскую ориентацию чеченцев. На наш взгляд, ориентация в этом случае больше зависела от количества войск, находящихся в регионе в это время, но и в 1760, 1770, 1773, 1774 гг. чеченцы восставали, а в 1775 г. российский экспедиционный корпус генерала И. Медема разорил чеченские аулы по Качкальковскому хребту. Победа России в войне с Турцией 1768–1774 гг. и условия Кючук-Кайнарджийского мира позволили самодержавию перейти к установлению жесткого контроля над территорией и населением Северного Кавказа посредством армии: оно более не нуждалось в союзнических отношениях с северокавказскими народами.

Наиболее активно в этом плане самодержавие было в Чечне и Кабарде. И администрация Кавказского наместничества в 1781 г. добилась подписания с большинством чеченских обществ соглашений о подданстве России.

Тексты русско-чеченских соглашений конца XVIII в. показывают, что почти все присяги чеченцев о подданстве принесены повторно, что, по мнению автора, еще раз подтверждает: многие чеченские общества имели подданнические отношения с Россией задолго до этого времени. Возможно, однако, что эти присяги приносились также под военным давлением. А поскольку документы писали российские чиновники, неудивительно, что в них встречаются такие фрагменты: из-за «легкомыслия своего отступили от должного повиновения», нарушили присягу предков, «раскаившись чистосердечно, просят в преступлениях своих прощения и пощады».

Прекрасно понимает это и Ш. Гапуров, который пишет, что царские власти и горцы вкладывали разный смысл в эти соглашения о подданстве. Чеченцы видели в них декларацию о мирных взаимоотношениях с русскими, а российские власти – покорение тех или иных обществ, которые наказывались карательными экспедициями в случае малейшего неповиновения.

Тем не менее, автор полагает, что в случае присяг 1781 г. не было военного давления и присяги эти – «свидетельство о растущей пророссийской ориентации равнинных чеченцев, об их желании жить в мире и добрососедстве с русскими переселенцами и казаками, отражающее общую тенденцию сближения чеченцев с Россией», важный этап в процессе включения чеченцев в состав Российского государства, но их нельзя считать присоединением Чечни к России, хотя некоторые историки придерживаются другого мнения⁷. Российская же власть соглашения 1781 г. сочла присоединением Чечни к России и стала реагировать на явное или мнимое отступление от них

военными экспедициями, как, например, в случае с деятельностью Шейха Мансура в селении Алды, который не предпринимал никаких военных действий, но против него был направлен отряд полковника Н.Ю. Пиери. Разгром отряда ознаменовал начало крупного восстания не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе, продолжавшегося несколько лет.

Во второй главе – «Чечня в начальный период Кавказской войны (1818–1829 гг.)» – проанализированы назначение А.П. Ермолова Кавказским наместником, место Чечни в планах Ермолова, основные крепости Грозная, начало массовой освободительной борьбы в Чечне (1818–1824 гг.), восстание в Чечне в 1825 г. под руководством Бей-Булата Таймиева и российско-чеченские отношения на рубеже 20-х – 30-х гг. XIX в.

Ш. Гапуров, давно и плодотворно изучая Кавказскую войну, значительное внимание, что естественно, уделяет личности Ермолова и его деятельности, отмечая, что до его назначения ни у Петербурга, ни на месте не было программы действий, тем более что сама политика российских властей в отношении горцев носила двойственный характер: то они – подданные, то жители враждебных земель. Новый наместник сформулировал программу безусловного подчинения горцев, выбрав путь открытой войны, который «заведет Ермолова в тупик, а Россию и горцев втянет в кровавую трагедию, известную под названием Большой Кавказской войны, которая с 1818 г. будет тянуться до 1859 г.». Тем не менее, автор на основе изучения документов приходит к выводу, что к концу пребывания на Северном Кавказе Ермолов понял ошибочность своих действий в 1818–1826 гг., что только силовые методы и репрессии не годятся для покорения горцев и создания в регионе прочной российской системы управления. Ш. Гапуров считает, что в 1826 г. Ермолов выдвинул мирный план экономических и культурных мероприятий, призванных «сблизить» русских и горцев. На наш взгляд, слишком много времени, крови и человеческих жертв понадобилось далеко не глупому человеку, опытному генералу для того, чтобы осознать неверность своих действий.

Ш. Гапуров, на наш взгляд, обоснованно доказывает, что именно основание крепости Грозная в 1818 г. стало началом Кавказской войны, так как чеченцы прекрасно понимали, что закрепление российских войск на реке Сунжа угрожает их национальной самобытности, грозит полной потерей независимости. Поняли это и в Аварии, чем объясняется приход на помощь чеченцам Султан-Ахмеда – хана Аварского.

В этой же главе Ш. Гапуров анализирует деятельность Бей-Булата Таймиева – визави А.П. Ермолова с чеченской стороны, – который, понимая невозможность сохранения Чечней полной независимости, готов был на определенную степень ее зависимости от России, но на условиях невмешательства во внутреннюю жизнь чеченцев, со-

хранения традиций, обычаев, религии, личной свободы и земли. Но российские власти не считались со всем этим и добивались покорения, а Б. Таймиев снова брался за оружие, так как для него «русская служба была, прежде всего, и главным образом, только средством служения своему народу». Он искал взаимопонимания с Кавказскими наместниками, отказался от вооруженной борьбы и не поддержал имама Гази-Мухаммеда, решив, что есть возможность добиться автономии. Автор монографии вполне закономерно задается вопросом, было ли случайностью убийство Б. Таймиева в 1831 г.

А.П. Ермолов встречался с Б. Таймиевым в октябре 1816 г. во Владикавказе, последний получил звание поручика, но без каких-либо прав и власти. Ш. Гапуров уверен, что «дальнейшие политические события в Чечне развивались бы по другому руслу», если бы А. Ермолов захотел найти общий язык с Б. Таймиевым и использовать его авторитет и влияние. Но этого не произошло. Более того, как пишет автор, наместник ни по одному вопросу никогда не искал компромисса с горцами. Ермолов начинает жестко вытеснять чеченцев в горы (и даже тех, кто проживал за пределами Чечни – в Кумыкии), ставит целью, чтобы надтеречные чеченцы воевали против своих братьев, остающихся непокорными («Обещание владельцам селений, на берегу Терека лежащих»).

Одним из кровавых этапов плана по выселению чеченцев с терско-сунженской равнины была трагедия села Дады-юрт, о которой подробно пишет Ш. Гапуров⁸.

В 1818 г., по мнению автора, началось наступление на Чечню по всем направлениям, а малейшее неповиновение чеченцев властям жестоко подавляется военной силой что, конечно, не могло не вызвать вооруженного сопротивления чеченцев. Равнинная Чечня, где российская власть к 1821 г. была установлена в форме приставства, оказавшись между Терской и Сунженской укрепленными линиями, выполняла все требования властей, вплоть до участия в походах против соплеменников. Однако карательные экспедиции 1818–1821 г. накопили в Чечне большой потенциал протеста, и началось плохо организованное, не имевшее четкой идеологической базы, не поддержанное частью равнинных сел, восстание 1822 г. под руководством Б. Таймиева и Абдул-Кадыра Герменчукского, жестоко подавленное к концу года. Десятки сел и хуторов были уничтожены, в том числе и крупные селения Шали и Малые Атаги.

Значительное внимание автором уделено подготовке и ходу восстания 1825 г. под руководством Б. Таймиева, которое готовилось в 1823–1824 гг. Сам Б. Таймиев побывал в Дагестане, где встречался с идеологом мюридизма Магомедом Ярагским, и вернулся в Чечню, по всей видимости, убежденный, что это именно те идеи, которые смогут объединить чеченцев и поднять их на восстание. Свидетельством этого может послужить и то, что он привез с собой дагестанского богослова Магому (Магомета) Кудуклая, ставшего известным

как Майртупский. Для обеспечения мирной передышки в целях тщательной подготовки восстания, Б. Таймиев требует от чеченских старшин прекращения набегов на Кавказскую укрепленную линию, а сам начинает искать встречи с А. Ермоловым, которая состоялась в январе 1824 г. Ш. Гапуров полагает, что эта встреча со стороны Б. Таймиева была отвлекающим маневром, и хотя ему было возвращено офицерское звание и жалованье, но реальных рычагов управления не предоставлено, как и в прошлые годы, но сейчас Бей-Булат и не искал их.

В январе 1825 г. генерал Н.В. Греков предпринял очередную карательную экспедицию в Чечню, уничтожил ряд сел, но чеченцы в преддверии готовящегося восстания не стали оказывать серьезного сопротивления, а в марте даже пошли на то, чтобы выдать пленных по требованию Н. Грекова, чего до этой поры никогда не делалось.

Важным этапом в ходе подготовки восстания явилось Майртупское собрание представителей чеченских обществ 29 мая 1825 г., на котором были приняты решения об избрании имама, военного руководителя восстания, тургаков (десятских), выставлении с каждого двора всадника и наложении штрафа за неподчинение. Главной целью восстания было объявлено освобождение чеченской территории до Терека. Автор монографии считает, что на этом собрании фактически была провозглашена государственность чеченцев, но это была не теократия: наоборот, Б. Таймиев подчинил духовенство, и религия стало средством достижения военно-политической цели.

По поводу провозглашения государственности, однако, в историографии существуют разные мнения: ряд авторов считает, что зачатки государственности были заложены Шейхом Мансуром, а другие полагают, что государственность у чеченцев существовала с давних времен⁹.

Ш. Гапуров акцентирует внимание на особенностях восстания в Чечне по сравнению с аналогичными движениями в восточных странах XIX в.: решение о восстании принято народным собранием, которое решает и все его организационные вопросы, закладывая основы чеченской государственности, которая носит светский, а не теократический характер.

Б. Таймиев предпринял попытку получить поддержку ингушей, карабулаков и дагестанцев. С этой целью он лично побывал в этих обществах, и в результате в Майртупском собрании приняли участие их представители.

Восстание началось в конце 1825 г. с атаки на укрепление Злобный Окоп, который был занят восставшими, после чего они сосредоточились у с. Большие Атаги, куда 30 июня выступил генерал Н. Греков. Б. Таймиев отступил в Гойтинский лес, так как сил под его началом было недостаточно, а Н. Греков по этой же причине не стал преследовать повстанцев. Анализируя успехи и неудачи восставших, деятельность Б. Таймиева, герзельяульскую катастрофу, когда

были убиты генералы Д.Т. Лисаневич и Н.В. Греков, а российскими военными в ответ на это перебиты вызванные на переговоры 318 представителей кумыкских и чеченских селений, Ш. Гапуров отмечает, что разногласия среди восставших в середине лета 1825 г. были вызваны тем, что «часть кумыкских и чеченских старшин заняла примиренческие позиции по отношению к России».

Автор обращает внимание на усилия Б. Таймиева по созданию административной системы (назначение верных старшин и установление штрафов за непослушание, обязанность выставлять караулы, создать защитную систему и ядро регулярной армии), но здесь же отмечает, что некоторые крупные села выступили против реформ Таймиева, а духовенство не устраивала подчиненная роль. Тем не менее, большая часть Северного Кавказа была охвачена волнениями, и после гибели двух генералов Ермолов сам занялся подавлением восстания, решив в первую очередь отсечь кумыков от чеченцев, чего и удалось достичь. Экспедиция непосредственно в Чечню была запланирована на зиму с прибытием подкреплений, а до этого Ермолов, по мнению автора, стремится отсечь от восстания как можно больше населения и поэтому не прибегает к масштабным репрессиям. Более того, даже дает указание главным виновником делать имама, а не Бей-Булата, которого можно привлечь для урегулирования.

Ш. Гапуров считает, что достижение договоренности в 1825 г. о переходе Б. Таймиева на русскую службу было бы крупнейшим политическим успехом российских властей, который сказался бы и в Чечне, и в Дагестане и Кабарде. Но у А.П. Ермолова и Б. Таймиева были разные взгляды на урегулирование и, несмотря на контакты через посредников, непосредственно между ними переговоры не состоялись, предложения Таймиева даже не обсуждались и, как пишет автор, «вполне вероятная возможность прекращения российско-чеченского вооруженного противостояния осенью 1825 г. была в очередной раз отвергнута российской стороной».

Одновременно продолжались и военные действия, которые не приносили явного успеха какой-либо из сторон, но руководству восставших нужны были пусть и маленькие, но успехи, в то время как иногда просто прибытие дополнительных российских сил удерживало целые общества от примыкания к восстанию, как в случае с надтеречными чеченцами и ингушами. Правда, в этом случае, Ш. Гапуров считает, что свою роль сыграла и пророссийски настроенная часть населения. По его мнению, к началу 1826 г. восстание само собой прекратилось, большинство селений выразили покорность, и вводить войска в Чечню необходимости не было, но Ермолов действовал, исходя из правила неотвратимости наказания за любое выступление против центральной власти. Была предпринята попытка привлечь к экспедиции ингушей и осетин, но они отказались, ссылаясь на «родство и связи». Начавшаяся 26 января 1826 г.

экспедиция раздула уже почти затухшее восстание, и под знамена Б. Таймиева собралось около 3 тыс. человек. Крупный бой, в котором повстанцы потерпели поражение, произошел под селом Чахкери, и после этого экспедиционный корпус жег и уничтожал чеченские села Малой Чечни, не тронув Шали и Герменчук, выразившие покорность.

В апреле войска снова действовали сначала в Малой, а весь май в Большой Чечне, и в состав ермоловских войск входила конница из надтеречных чеченцев. О результатах своих действий Кавказский наместник так доложил Николаю I: «Окончив действия мои против чеченцев, смирил я большую часть оных и в ознаменование покорности взял аманатов». По мнению Ш. Гапурова, цель Ермолова состояла в предельном ослаблении чеченцев, чтобы в ближайшем будущем они не могли оказывать российским властям какого-либо сопротивления.

Достаточно интересно мнение автора, которое основано на предписании А.П. Ермолова начальнику Левого фланга генералу Н.И. Лаптеву и «Прокламации к чеченскому народу», о том, что Ермолов кардинально поменял свои взгляды на «умиротворение» чеченцев силовыми методами на меры экономические, политические и административные¹⁰. На наш взгляд, как мы уже говорили, даже если это действительно так, слишком много времени и пролитой крови понадобилось генералу для этого вывода.

Автор считает, что основное значение восстания в Чечне в 1825 г. состояло в том, что царские власти оказались вынуждены пойти на ряд уступок, а особенности восстания – в том, что это было массовое движение свободных общинников за свою землю и свободу, а религиозные лозунги не играли в нем сколько-нибудь заметной роли, и руководили им светские лица, что возникло оно не стихийно, а было организовано, мусульманское духовенство не играло в нем ведущей роли. Здесь же Ш. Гапуров дискутирует с Ю. Клычниковым, который придерживается несколько других взглядов относительно восстания в Чечне 1825–1826 гг., в котором он увидел «освящение» набегов¹¹.

Ш. Гапуров считает, что вторая половина 20-х гг. XIX в. – особый период в истории российско-кавказских взаимоотношений, когда у обеих сторон возникло стремление найти компромисс, призывая, однако, помнить, что «среди российских военачальников на Кавказе были лица, абсолютно непримиримо настроенные к горцам». Назначение генерала Е.Ф. Энгельгардта начальником Левого фланга как нельзя лучше подходило для поиска компромисса и проведения более умеренной и гибкой политики. Спустя год и четыре месяца после своего назначения он составил «Новую инструкцию для чеченского пристава», а в апреле 1829 г. от имени чеченцев в Тифлис – административный центр Кавказского наместничества, где располагались резиденция Кавказского наместника и штаб От-

дельного Кавказского корпуса, – было направлено «Прошение Паскевичу», которое, по мнению автора, отражало настроения хотя бы части чеченцев – сторонников пророссийской ориентации. В прошении говорится о том, что покорность изъявляют народы, живущие в горах. На основе этого заявления и «Ведомости горских народов Северного Кавказа, принявших присягу на верноподданство России в 1827 – начале 1829 г.» автор приходит к выводу, что присягнувшие 40 селений – горные, так как на тот период равнинная Чечня была подчинена российской власти. Нам представляется, что, поскольку в «Ведомости» не приведено ни одного названия села, трудно причислить их все к горным, тем более что практика принесения равнинными селами неоднократных присяг на подданство известна. Тем не менее, политика Энгельгардта принесла свои плоды.

Интересным в монографии представляется анализ автора идеи о признании чеченцами российского подданства через посредство шамхала Тарковского и переговоров по этому поводу между представителями кавказской администрации, российского правительства, шамхалом Тарковским и Бей-Булатом. Об этой идее писал и Л.Н. Колосов¹². Ш. Гапуров приходит к однозначному выводу, что этот проект «был политической игрой кавказской администрации, в которую оказался вовлеченным и Петербург». Николай I после побед над Ираном и Турцией в 1829 г. потребовал от генерала И.Ф. Паскевича «усмирить навсегда» горцев или «истребить непокорных».

«Бархатный» период в российско-чеченских отношениях, какими бы причинами он не был вызван, оказался коротким, его инициаторы и проводники вскоре сошли с исторической арены, а пришедший на смену Паскевичу барон Г.В. Розен начал проводить совсем другую политику.

В третьей главе – «Военно-политические события в Чечне в 30-е – 40-е годы XIX века», – автором рассмотрены политическая обстановка в Чечне в 1830-е гг. и начале 1840-х гг., включение Чечни в состав Северо-Кавказского имамата, военные действия в Чечне в первой половине 1840-х гг. и изменения в военной тактике российского командования в Чечне во второй половине 40-х гг. XIX в.

Летом 1830 г. активизируются контакты чеченцев с имамом Дагестана Гази-Мухаммедом, который даже направился в Чечню, где пропагандировал свои идеи, не призывая пока к немедленному восстанию, тем более что здесь не было единства в отношении России и даже Б. Таймиев «отказался» «делаться шариатистом». Активными же сторонниками Гази-Мухаммеда были мулла Авко и герменчукский кадий Мустафа. Чашу весов в пользу вооруженного выступления чеченцев против России, по мнению автора, склонила карательная экспедиция генерала А.А. Вельяминова зимой 1830–1831 гг., когда Чечня была «предана огню и мечу», которая показала, что независимо от позиции чеченцев карательные экспедиции и уничтожение их селений будет продолжаться. Нападения чеченцев

на Кавказскую укрепленную линию начали усиливаться, а военные экспедиции российских войск в течение 1830-х гг. стали более частыми. Усилия Б. Таймиева, его стремление к мирному решению проблем не дали результата, да и в Петербурге и Тифлисе, как считает Ш. Гапуров, начинает формироваться крайне негативное мнение о северокавказских горцах.

Несмотря на то, что в 1832 г. в Чечне не было массовых антироссийских выступлений и только незначительное число чеченцев присоединилось к имаму Гази-Мухаммеду, была предпринята летне-осенняя экспедиция Г.В. Розена, в ходе которой были уничтожены десятки аулов, убиты сотни людей, многие из уничтоженных аулов так и не возродились. Об экспедициях зимы 1830–1831 гг. и лета-осени 1832 г. автор рассказывает, обильно цитируя документы, что помогает читателю окунуться в события и воспринимать их почти как очевидцу. В ходе экспедиции 1832 г. российский отряд впервые предпринял поход далеко в горы, дойдя до с. Беной, где нашел отбитые раньше 2 пушки, и сжег село. Итогом похода этого, по мнению Ш. Гапунова, было озлобление горцев, которые убедились в том, что их села будут уничтожать независимо от занимаемой ими позиции.

Применение военной силы при любых разногласиях с чеченцами привело к тяжелым последствиям и для России, и для чеченцев, считает автор. Петербург с осени 1832 г. фактически санкционировал экспедиции в Чечню, и Розен не замедлил этим воспользоваться. Ш. Гапуров не без основания считает, что в течение 30-х гг. XIX в. все аулы равнинной Чечни находились под угрозой уничтожения, эта репрессивная политика генералов втягивала Чечню в новый виток Кавказской войны и привела, в итоге, к всеобщему восстанию 1840 г.

Автор подробно останавливается на деятельности выдающегося религиозного, политического и военного деятеля Ташу-хаджи, который был одним из претендентов на пост имама, пользовался большим почетом и уважением у чеченцев. Также подробно проанализированы военные экспедиции генералов А.П. Пулло и К.К. Фези, которые громили чеченские села и хутора в конце 1830-х гг., хотя никаких серьезных антироссийских выступлений в Чечне не было. Экспедиции эти, по мнению автора, «не привели ни к укреплению позиций России в Чечне, ни к “умиротворению” чеченцев», в 1830-е г. российская власть использует только силовые методы, что и привело к печальному результату.

После взятия села Ахульго и разгрома имама Шамиля в Дагестане в августе 1839 г. российское командование считало, что с мюридизмом и военным сопротивлением горцев покончено, но это было далеко не так.

Ш. Гапуров со ссылками на архивные документы, воспоминания участников событий, труды известных историков рисует подробную картину политической обстановки в Чечне в начале 1840-х гг., кото-

рая во многом определялась субъективным фактором, а именно, решениями и действиями представителей кавказской администрации, которые «абсолютно не учитывали в своей деятельности ни особенностей ментальности горцев, ни опыт своих предшественников». Одним из таких представителей был начальник Левого фланга генерал А.П. Пулло, который в 1839 г. запретил торговлю в Чечне, поставив жителей горных районов перед выбором смерти от голода или борьбы с оружием в руках. Автор согласен с мнением многих историков, что искрой, вызвавшей восстание 1840 г., был ультиматум Пулло чеченцам сдать огнестрельное оружие и слухи, что горцев отдадут в солдаты. Уже в начале марта 1840 г. в с. Урус-Мартан состоялся съезд представителей чеченских обществ, на котором было принято решение о всеобщем восстании, а Шамиль провозглашен имамом Чечни. Автор приходит к выводу, что «центр народно-освободительного движения на Северо-Восточном Кавказе перемещается в Чечню. Именно здесь происходит окончательное оформление военно-теократического государства Шамиля – Имамата». Но и в этих условиях, по мнению автора, далеко не все чеченцы, особенно надтеречные, стремились участвовать в военных действиях, но недалекость большинства российских военачальников не позволила воспользоваться этим обстоятельством, более того – все бежавшие в горы были лишены своей земли и имущества.

В монографии дан подробный анализ военно-теократического государства имама – первой удачной попытки государственного объединения горцев Северного Кавказа, в котором Чечня занимала ведущее место. Автор показывает действия имама Шамиля, направленные на упрочение своей власти: от перекраивания административных границ до назначения отдельных наибов. Ш. Гапуров также дает краткие, но емкие характеристики наиболее известным сподвижникам имама Шамиля из Чечни, показывает, как часть наибов превратилась в крупных землевладельцев, и отдает должное имаму Шамилю в том, что он «понимал, что надо учитывать менталитет, психологию и уровень общественно-экономического устройства чеченцев».

Однако автор отмечает, что не все чеченские селения и общества признавали власть Шамиля: уже в 1841 г. вышло из подчинения население по Тереку и Сунже (оно оказалось как бы между молотом и наковальней), в чеберловском и ряде других обществ власть имама пришлось устанавливать силой. Говоря об этих фактах, Ш. Гапуров спорит с теми кавказоведами, которые считают, что чеченское общество «оставалось обществом эгалитарных отношений»¹³, полагая, что непризнание власти имама вытекало не из их отсталости, а из нежелания признавать какую-либо власть над собой. Аргументируя свою точку зрения, автор приводит примеры создания «раннефеодального арабского государства, у монголов в XIII в., в средневековой Японии, Западной Европе, в России в период создания цен-

трализованного государства». Восстания против имамата второй половины 1850-х гг. были ответом на произвол наибов и диктатуру Шамиля.

Далее детально рассмотрены военные действия в Чечне в первой половине 1840-х гг., которые российское командование видело единственным средством для «успокоения» Чечни, но еще не могло найти верную тактику в борьбе с восставшими горцами, а набеги и экспедиции в дагестанские и чеченские горы не приносили успехов. Неудачные Ичкеринская и Даргинская экспедиция (автор подробно описывает их ход, опираясь на документы), по мнению автора, убедила и правительственный Петербург, и командование Отдельного Кавказского корпуса, и командование войсками Кавказской укрепленной линии в необходимости поиска новых методов для борьбы с восставшими.

С конца 40-х гг. XIX в. российское командование переходит к «методичному и системному покорению» Северо-Восточного Кавказа: строительству новых укрепленных линий, которые переносятся к самому подножию гор (Передовая Чеченская линия, шедшая вдоль подошвы Черных гор – Ачхой, Воздвиженское, Куринское до Хасав-Юрта), основанию казачьих станиц по реке Сунжа, активной рубке просек, закреплению на занимаемых территориях, лишению жителей имамата всех средств существования путем уничтожения аулов, посевов, угона скота, созданию в целом «выжженных зон», переселению непокорного населения на подконтрольные российским властям территории на равнине и вблизи российских укреплений.

В четвертой главе – «Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (1850–1859 гг.)» – дана характеристика военно-политической обстановки в Чечне в начале 1850-х гг., уделено внимание «погрому» в Чечне в 1852 г., охарактеризованы ситуация в Чечне в середине 50-х гг. XIX в. и военно-политические события здесь после окончания Крымской войны, военные действия в 1856–1857 гг., операция в Аргунском ущелье и штурм Ведено, который знаменовал окончание Кавказской войны в Чечне.

Ш. Гапуров не без основания считает, что с начала 1850-х гг. начинается кризис внутри имамата – теократического государства, созданного на эгалитарных принципах ислама. Утверждение шариата наталкивалось на противодействие сил, поддерживающих адаты, которые занимали важное место в общественной жизни горцев, хотя шариат имел ряд преимуществ перед адатом – сакральность, универсальность, которые способствовали централизации государственного управления, сокращению ущерба от кровной мести, улучшению демографической ситуации, защите личных прав женщин и прав собственности крестьян. Самой эффективной была декларация принципа равенства всех мусульман перед Аллахом и шариатом, независимо от социального статуса, имущественного положения и за-

нимаемой должности, который был основополагающим моментом в миропонимании горца.

Но к началу 1850-х гг. имамат Шамиля начал превращаться в феодальное государство, имеющее свои особенности, а наибы – в обычных феодалов что было неприемлемо и нетерпимо для свободных общинников Дагестана и Чечни. Этот фактор, по мнению автора, наравне с наступлением царских войск, и привел постепенно к ослаблению сопротивления чеченцев.

Ш. Гапуров приходит к выводу, что военная победа российской армии была, помимо прочего, обусловлена совмещением преимуществ регулярной армии с партизанскими действиями, приспособлением тактики и снаряжения к местным условиям, усвоением войсками Кавказского корпуса, как боевых приемов горцев, так и элементов туземной военной культуры.

С начала 50-х гг. XIX в. начинает ослабевать сопротивление чеченцев российским властям, некоторые чеченские наибы переходят на сторону России, а ряд переселяются территорию, находящуюся под ее контролем. В монографии указаны причины этого явления: угроза полного уничтожения народа, усталость от бесконечной войны, а также, солидаризуясь с Н.И. Покровским¹⁴, отречение предводителей движения от первоначальной программы, произвол и лихоимство чиновников имамата и узденской верхушки, истощение крестьянских масс. Одновременно автор указывает и другие факторы: неготовность чеченцев к восприятию государственных институтов, присущее им гипертрофированное чувство свободолюбия и индивидуализма (впрочем, по этим утверждениям с автором можно и поспорить, так как более 20 лет значительная часть чеченцев была в составе имамата), передача трети чеченских земель назначаемым наидам нечеченского происхождения.

Нельзя не согласиться с автором, который считает, что историю российско-северокавказских отношений нужно изучать и дальше, изучать спокойно и главное, объективно, не впадая в крайности. Именно такой подход главенствует в монографии, которая, на наш взгляд, внесла много нового в изучение и анализ Кавказской войны.

Примечания Notes

¹ Дзамихов К.Ф. Кавказская война и ее интерпретация в отечественной историографии и общественном сознании: «Черкесский взгляд» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1. С. 37–46; Цибенко В.В. Восприятие «Кавказской войны» в западной и турецкой историографии // Кавказология. 2017. № 4. С. 84–94; Товсултанов Р.А., Галимова Л.Н., Оздамирова Э.М. К вопросу об историографии Кавказской войны // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 252–258.

² Патракова В.Ф. Историческое кавказоведение: От бескомпромиссной полемики к конструктивному диалогу // Известия высших учебных

заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 2 (180). С. 106–109.

³ Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818 – 1859 гг.). Грозный, 2016.

⁴ Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818 – 1859 гг.). Грозный, 2016. С. 18.

⁵ Ахмадов Я.З. Политические события на Северном Кавказе в конце XVI – 40-х годах XVII века // Чечено-Ингушетия в политической истории России и Кавказа в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 87–101.

⁶ Магомадова Т.С. Чечня в политике России на Северном Кавказе в XVI – XVII вв. // Чеченцы в сообществе народов России. Т. 2. Назрань, 2008. С. 114–131.

⁷ Блиева З.М. Из истории становления российской системы управления в Чечне (конец XVIII – первая треть XIX в.) // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (дореволюционный период). Нальчик, 1989. С. 86.

⁸ Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818 – 1859 гг.). Грозный, 2016. С. 213–220.

⁹ Ахмадов Ш.Б., Гумашвили Л.Э. Некоторые вопросы становления чеченской государственности: История и современность // Ойла = Мысль. 1998. № 1. С. 6–23.; Хизриев Х.А. История государственности чеченцев (с древнейших времен до образования автономии) // Национально-государственное строительство в Чечне: История и современность. Грозный, 2013. С. 97–99.

¹⁰ Гапуров Ш.А. Чечня в период Кавказской войны (1818 – 1859 гг.). Грозный, 2016. С. 227–232.

¹¹ Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816 – 1827) // Сборник Русского исторического общества. Вып. 2 (150). Москва, 2000. С. 77.

¹² Колосов Л.Н. Славный Бейбулат: Историко-биографический очерк. Грозный, 1991.

¹³ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. Москва, 2004. С. 508.

¹⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Москва, 2009.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Осмаев Аббаз Догиевич – докт. ист. наук, профессор Чеченского государственного университета, ведущий научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук (Грозный, Чеченская Республика, Россия) osmaev@mail.ru

Ахмадов Явус Зайндиевич – докт. ист. наук, главный научный сотрудник Комплексного научно-исследовательского института им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, академик Академии наук Чеченской Республики (Грозный, Чеченская Республика, Россия) Ahmadov_YZ@mail.ru

В контексте современной историографии Кавказской войны оценивается монография известного чеченского историка Ш.А. Гапунова «Чечня в период Кавказской войны (1818 – 1859 гг.)», опубликованная в 2016 г. Прежде всего авторы статьи как большое достоинство монографии отмечают обширный документальный материал и широкий круг исследований, положенные в ее основу. По их мнению, источниковая база монографии достаточно обширна и надежна, чтобы комплексно проанализировать экономические, социальные, политические и другие факторы возникновения Кавказской войны, охарактеризовать ее этапы, оценить роль Чечни и чеченского народа в Кавказской войне. Авторы статьи считают обоснованным вывод Ш.А. Гапунова, что военная победа русской императорской армии была обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов. Одним из таких факторов стала способность русского командования приспособить тактику и снаряжения войск армии к природным условиям Северного Кавказа. Другим важным фактором стало усвоение русскими войсками как боевых приемов жителей горных районов Северного Кавказа, так и элементов их военной культуры. С другой стороны, как отмечают авторы статьи, Ш.А. Гапунов столь же комплексно и глубоко проанализировал факторы ослабления вооруженного сопротивления чеченцев и перехода части чеченской верхушки на сторону российской власти. Основными из них историк считает угрозу полного уничтожения чеченского народа, крайнюю усталость чеченцев от бесконечной войны и внутреннее разложение Северо-Кавказского имамата. Авторы статьи не раз отдают должное объективности исследования и рассудительности стиля изложения, которыми отличается монография Ш.А. Гапунова. В заключение они выражают уверенность, что именно так и нужно изучать историю Кавказской войны.

Кавказская война, Северный Кавказ, Чечня, российско-чеченские отношения, Кавказская укрепленная линия, Северо-Кавказский имамат, А.П. Ермолов, Б-Б. Таймиев, имам Шамиль.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Akhmadov Sh.B., Gumashvili L.Eh. Nekotorye voprosy stanovleniya chechenskoy gosudarstvennosti: Istoriya i sovremennost [Some Questions on the Establishment of Chechen Statehood: History and Modernity.]. *Oyla = Mysl*, 1998, no. 1, pp. 6–23. (In Russian).

2. Dзамиков К.Ф. Kavkazskaya voyna i ee interpretatsiya v otechestvennoy istoriografii i obshchestvennom soznanii: “Cherkesskiy vzglyad” [The Caucasian War and its Interpretation in Russian Historiography and Public Consciousness: “The Circassian View”]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2014, no. 1, pp. 37–46. (In Russian).

3. Patrakova V.F. Istoricheskoe kavkazovedenie: Ot beskompromissnoy polemiki k konstruktivnomu dialogu [Caucasian Historical Studies: From Uncompromising Polemics to Constructive Dialogue.]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennye nauki*, 2014, no. 2 (180), pp. 106–109. (In Russian).

4. Tovsultanov R.A., Galimova L.N., Ozdamirova Eh.M. K voprosu ob isto-

riografii Kavkazskoy voyny [On the Question of the Historiography of the Caucasian War.]. *Samarskiy nauchnyy vestnik*, 2017, vol. 6, no. 3 (20), pp. 252–258. (In Russian).

5. Tsibenko V.V. Vospriyatie “Kavkazskoy voyny” v zapadnoy i turetskoy istoriografii [The Perception of the “Caucasian War” in Western and Turkish Historiography.]. *Kavkazologiya*, 2017, no. 4, pp. 84–94. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Akhmadov Ya.Z. Politicheskie sobytiya na Severnom Kavkaze v kontse XVI – 40-kh godakh XVII veka [Political Events in the North Caucasus from the End of the Sixteenth Century to the Forties of the Seventeenth Century.]. *Checheno-Ingushetiya v politicheskoy istorii Rossii i Kavkaza v dorevolyutsionnom proshlom* [Chechen-Ingushetia in the Political History of Russia and the Caucasus in the Pre-Revolutionary Past.]. Grozny, 1990, pp. 87–101. (In Russian).

7. Blieva Z.M. Iz istorii stanovleniya rossiyskoy sistemy upravleniya v Chechne (konets XVIII – pervaya tret XIX v.) [From the History of the Establishment of the Russian System of Government in Chechnya (End of the Eighteenth – first-third of the Nineteenth Centuries.)]. *Voprosy istorii i istoriografii Severnogo Kavkaza (dorevolyutsionnyy period)* [History and Historiography of the North Caucasus (Pre-revolutionary Period.)]. Nalchik, 1989, pp. 85–99. (In Russian).

8. Khizriev Kh.A. Istoriya gosudarstvennosti chechentsev (s drevneyshikh vremen do obrazovaniya avtonomii) [A History of Chechen Statehood (From Ancient Times to the Creation of Autonomy.)]. *Natsionalno-gosudarstvennoe stroitelstvo v Chechne: Istoriya i sovremennost* [National-State Building in Chechnya: History and Modernity.]. Grozny, 2013, pp. 97–99. (In Russian).

9. Klychnikov Yu.Yu. Deyatel'nost A.P. Ermolova na Severnom Kavkaze (1816 – 1827) [General Aleksey Ermolov's Activities in the North Caucasus (1816 – 1827.)]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society.]. Moscow, 2000, vol. 2 (150), pp. 72–83. (In Russian).

10. Magomadova T.S. Chechnya v politike Rossii na Severnom Kavkaze v XXVI – XVII vv. [Chechnya in Russian Policy in the North Caucasus, 16th – 17th Centuries.]. *Chechentsy v soobshchestve narodov Rossii* [Chechens in the Community of the Peoples of Russia.]. Nazran, 2008, vol. 2, pp. 114–131. (In Russian).

(Monographs)

11. Bliev M.M. Rossiya i gortsy Bolshogo Kavkaza na puti k tsivilizatsii [Russia and the Mountain Dwellers of the Greater Caucasus on the Path to Civilization.]. Moscow, 2004, 877 p.

12. Gapurov Sh.A. Chechnya v period Kavkazskoy voyny (1818 – 1859 gg.) [Chechnya during the Caucasian War (1818 – 1859.)]. Grozny, 2016, 576 p.

13. Kolosov L.N. Slavnyy Beybulat: Istoriko-biograficheskiy ocherk [Glorious Beibulat: A Historical-Biographical Sketch.]. Grozny, 1991, 173 p.

14. Pokrovskiy N.I. Kavkazskie voyny i imamat Shamiliya [The Caucasian Wars and Shamil's Imamate.]. Moscow, 2009, 580 p.

Authors, Abstract, Key words

Abbaz D. Osmaev – Doctor of History, Professor, Chechen State University; Leading Researcher, Kh.I. Ibragimov Complex Institute, Russian Academy of Sciences (Grozny, Chechen Republic, Russia)
osmaev@mail.ru

Yavus Z. Akhmadov – Doctor of History, Chief Researcher, Kh.I. Ibragimov Complex Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic (Grozny, Chechen Republic, Russia)
Akhmadov_YZ@mail.ru

The monograph “Chechnya during the Caucasian War (1818 – 1859)” by the well-known Chechen historian S.A. Gapurov which was published in 2016 is viewed in the context of contemporary historiography. Firstly, the wide documentary material and range of research it is based on are seen as a big advantage. The authors of the article argue that its source database is massive and reliable enough to facilitate a complex analysis of economic, social, political and other factors of the outbreak of the Caucasian War, to describe its stages and define the role of Chechnya and the Chechens in the Caucasian War. S.A. Gapurov's conclusion that the military victory of the Russian Imperial Army was preconditioned by a number of objective and subjective factors, argue the authors. One of such factors was the ability of the Russian commandment to adjust their tactics and army equipment to the natural conditions of North Caucasus. Another important factor was the Russian army's acquisition of the methods of waging the war which the inhabitants of the mountainous regions of North Caucasus resorted to as well as the elements of their military culture. On the other hand, S.A. Gapurov provided a complex and profound analysis of the factors which weakened the Chechens' military resistance and made part of the Chechen leaders side with the Russian authorities. The most significant ones were the threat of total extermination of the Chechen people, the Chechens' utter fatigue from the war and the inner corruption of the North Caucasus Imamate. Commending S.A. Gapurov's objective and reasonable approach the authors of the article conclude that this is the right way to study the history of the Caucasian War.

Caucasian War, North Caucasus, Chechnya, Russian-Chechen relations, Caucasus Fortified Line, North Caucasus Imamate, Aleksey P. Ermolov, Beybulat Taymiyev, Imam Shamil.

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 28.09.2018
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru